

133

Шер Буль

Библиотека
современной
фантастики
в 15 томах

Пьер Буль
Планета
обезьян
Рассказы

13

ТОМ

Pierre Boulle
Planète des singes
Paris, 1962
Contes de l'absurde
Paris, 1958

Составитель
Ф. МЕНДЕЛЬСОН

Перевод с французского
Е. КСЕНОФОНТОВОЙ,
В. ФИНИКОВА
Ф. МЕНДЕЛЬСОНА,

Художник
Е. ГАЛИНСКИЙ

Редколлегия
К. АНДРЕЕВ,
А. ГРОМОВА,
Г. ГУСЕВ,
И. ЕФРЕМОВ,
С. ЖЕМАЙТИС,
Е. ПАРНОВ,
А. СТРУГАЦКИЙ

Фантастика — это окружающая нас реальность, доведенная до абсурда!..

Рэй Бредбери

Никто не может прочитать в книге больше того, что он уже знает. Этот афоризм звучит на первый взгляд парадоксально: разве не из книг по большей части современный человек черпает свои знания?.. И все же если задуматься, то в нем, как и во всяком парадоксе, содержится изрядная доля истины — ведь мы по-разному воспринимаем одну и ту же книгу в разном возрасте, всегда привносим в свои впечатления от нее что-то и от себя. Очевидно, разные люди, даже одного возраста, могут прочитать по-разному какую-нибудь книгу в зависимости от личного опыта, убеждений и просто настроения.

Это вполне приложимо и к «Планете обезьян», книге, полной парадоксов. Тому, кто, подобно лорду Кавершему из пьесы Уайльда «Идеальный муж», на каждом шагу восклицает: «Опять парадокс? Терпеть не могу парадоксов!», мы сразу же отсоветуем читать эту книгу. Она их только раздражит. Что же касается подавляющего большинства остальных, то они увидят в ней просто увлекательный вымысел, блестящий по художественной композиции и глубокому юмору. Бутылка с тревожным призывом «SOS» в космическом океане — предельно банальная завязка только затем, чтобы потом преподнести читателю одну неожиданность за другой вплоть до последней строки.

На планете Сорора космонавты обнаруживают диких людей; не спешите, однако, с выводом, что перед вами

еще один «Затерянный мир» или «Земля Санникова» — на этой «доисторической планете» вдруг появляются вполне цивилизованные... обезьяны. Казалось бы, теперь все стало на свое место — вернее, обезьяны и люди просто поменялись своими местами. И опять заблуждение! Читатель одновременно узнает и о злоключениях людей.

В наш век, когда люди отучились удивляться чему бы то ни было, только за одно удовольствие, доставленное целой серией сюрпризов и загадок, можно поблагодарить автора и порекомендовать прочитать эту книгу наряду с «Робинзоном Крузо» и «Путешествиями Гулливера».

Найдутся, разумеется, люди, которые посмотрят на это другими глазами, уподобившись Найджелу Деннису, автору недавно опубликованной в США биографии Джонатана Свифта. Для него «Путешествия Гулливера» — это, вне всякого сомнения, «жестокая нападка на человеческий род». Великий английский сатирик, дескать, всю жизнь был болезненно самолюбив и страдал комплексом неполноценности. Однажды в детстве, сплетничает этот псевдобюрограф, маленький Джонатан из мании величия купил на последний пенс лошадь у живодера, чтобы прогарцевать на ней по родному городу. Но лошадь под ним издохла; с тех пор Свифт всю жизнь вымещал свои детские угрызения совести на человечестве в целом, изобразив его жалким «еху», а лошадей — благородными «гуингмами». Такой литературный критик, наверное, поспешит обвинить в мизантропии и автора «Планеты обезьян»; узнав же, что тот провел много лет в Малайе, он, быть может, осторожно намекнет: а не провинился ли там писатель в чем-нибудь перед обезьянами? Отсюда недалеко и до вывода: надо изъять поскорее все четыре путешествия Гулливера из детских библиотек, а заодно запретить и это издание его пятого путешествия на планету обезьян по подложному паспорту на имя Улисса Меру.

До этого дело, очевидно, не дойдет. Ведь даже анонимный блюститель человечности из французского еженедельника «Экспресс», обвинив Буля в мизантро-

пии и «неуважении к людям», был все же вынужден в своей рецензии заключить: «Сделав эту оговорку, можно порекомендовать прочесть «Планету обезьян»; это фантастическое сновидение, логичное почти математически и, кроме всего прочего, безопасное... Читатель получит подлинное удовольствие от этого полного воображения повествования».

Одно лишь удовольствие? Конечно, нет! Ибо «Планета обезьян» — это блестящая социальная сатира, но не на человеческий род вообще, а на так называемое «массовое общество». Этим понятием социологи на Западе все чаще обозначают окружающий их стандартизованный мир массового производства и массового потребления, где происходит тревожный процесс стирания всякой индивидуальности и обезличивания людей. Продолжающий свифтовскую традицию роман Буля стоит в одном ряду с такими замечательными произведениями, как «Первые люди на Луне» Г. Уэллса, «Остров пингвинов» А. Франса и «Война с саламандрами» К. Чапека.

Объективный парадокс «массового общества» состоит как раз в том, что оно обращает во зло именно те факторы, которые сами по себе призваны принести человечеству благо. В условиях капиталистического общества наука и техника из могучего средства избавления людей от материальных лишений и культурной ограниченности все больше превращаются в орудие их экономического, социального и духовного порабощения. Любая деятельность людей — и как производителей и как потребителей — в таком обществе подчинена независимо от их субъективных намерений одной цели — эффективности производства, а в конечном счете извлечению максимальной прибыли. Массовое производство предполагает массового потребителя и, следовательно, стандартизацию вкусов, желаний, всего образа жизни людей. Когда-то Генри Форд мечтал о том, чтобы одеть всех людей в одинаковые костюмы, поселить их в стандартные дома и посадить за руль автомобилей-близнецов его марки. Современное массовое производство товаров на капиталистическом Западе внесло в этот казарменный идеал лишь одно дополнение — иллюзию

разнообразия товаров благодаря их внешнему виду, расцветке, упаковке. Не надо думать, что здесь проявляется чья-то «злая воля» либо «ирония судьбы». Дело обстоит гораздо проще: чем выше издержки производства какого-либо предмета вследствие возрастающих расходов (на оборудование, научные исследования, рабочую силу и т. д.), тем на большую массу одинаковых товаров они должны быть разложены, чтобы спастись от призрака открытой Марксом тенденции к снижению средней нормы прибыли.

Вездесущая реклама, преследующая людей на протяжении всей их жизни, собственно говоря, и призвана преобразовать эту необходимость для монополистических корпораций сбыть свои стандартные товары в личную потребность покупателя обладать ими. Опираясь на достижения современной науки, включая социологию и психологию, используя все технические средства массовой коммуникации (кино, телевидение, радио, прессу), реклама умело манипулирует сознанием и поведением потенциальных потребителей, эксплуатирует их предрассудки и исподволь внушает желания: она предлагает ему не зубную пасту, а «ослепительную улыбку», не телевизор, а «освобождение от забот», не автомобиль, а «социальный престиж». Движущей пружиной всего этого механизма массового производства и массового потребления является, разумеется, не бескорыстное стремление наделить людей всеми нужными им, а также бесполезными предметами потребления, но весьма рациональное в своей основе соображение: ради приобретения автомобиля и телевизора человек будет работать несравненно более интенсивно и производительно, чем только для того, чтобы обеспечить себя пищей и одеждой.

«Скрытые искусители», как метко заклеил капиталистическую рекламу американский публицист Ванс Паккард, вырабатывают у потребителей искусственные рефлексy еще более успешно, чем это делают ученые в лабораторных опытах над обезьянами. Благодаря усилиям рекламы девиз «Не отставай от Джонсов!» («Keep up with the Joneses») стал в Соединенных Штатах первой заповедью обывателя, который живет и ра-

ботает ради приобретения вещей и услуг не потому, что он испытывает в них жизненную потребность, но в первую очередь потому, что ими уже обладают другие. О человеке и его месте в обществе судят на основании того, что у него есть, а не что он есть, что собою представляет как личность. Как здесь не воскликнуть вместе с Олдосом Хаксли:

Человеческими остались лишь средства,

Цели ж их вполне достойны обезьян!..

Жертвой подобного коммерческого подхода становятся также культура и искусство. Они все больше превращаются в отрасли массового производства — стандартизированной продукции, предназначенной для удовлетворения духовных потребностей обывателя. Эта массовая культура, или, как ее презрительно окрестили, «маскульт» и «поп-арт» (то есть популярное искусство), изготавливается, рекламируется и сбывается, как всякий иной товар. Идеалом для производителя и приманкой для потребителя служит так называемый бестселлер, то есть художественное произведение, будь то книга либо фильм, которые пользуются наибольшим спросом. Именно такой, чисто количественный подсчет разошедшихся экземпляров книги или числа зрителей, просмотревших фильм, становится чуть ли не единственным критерием творческого успеха деятеля искусства, а также, разумеется, коммерческого успеха фирмы.

Чтобы добиться такого успеха, произведение искусства заранее ориентируется на наиболее распространенные вкусы и интересы, приведенные к общему, весьма примитивному знаменателю: секс, культ силы, голая занимательность и обывательская актуальность. Как только какая-нибудь книга или фильм, телепрограмма или мелодия достигла успеха, она немедленно влечет за собой, чисто по-обезьяньи, десятки вариаций и подражаний, пока публике не надоедает смотреть и читать одно и то же. И начинается новый цикл... Режиссеру и издателю важно хорошо знать не законы искусства, а законы рынка, чтобы вовремя войти и выйти из очередного цикла моды и подражания.

В «массовом обществе» ценятся не одаренность и

моральные достоинства человека, а его эффективность и деловые способности, не индивидуальность, а лояльность, не оригинальность, а конформизм. В «идеале» люди в таком обществе должны стать столь же взаимозаменяемы, как и детали машин. «Для личности сохраняются лишь две возможности, — с горечью констатирует выдающийся французский социолог Жак Элюль. — Либо человек продолжает оставаться самим собой, в этом случае он оказывается все более непригодным, невротиком, неэффективным, теряет возможность существования, и его, наконец, вышвыривают на мусорную свалку общества, как бы талантлив он ни был; либо он приспосабливается к новому общественному организму, который становится его миром, и отныне уже не способен жить где-либо, помимо массового общества. (И тогда он едва ли отличается от пещерного человека.)».

Символом «массового общества» стало крылатое выражение: «обезьяна за пишущей машинкой», то есть наивное и несостоятельное убеждение в том, что если даже бессмысленно перепробовать великое множество вариантов, то среди них по теории вероятностей обязательно окажется наилучшее решение данной проблемы. Иначе говоря, не столь уж важно, кто сядет за пишущую машинку — Хемингуэй или пятьдесят шимпанзе; главное, чтобы машинка выдавала текст с молниеносной скоростью, и шедевр будет в конце концов создан. Стоит ли после этого удивляться, что в «массовом обществе» возможны такие казусы, когда мазня обезьяны по холсту принимается за произведение живописи!..

Именно против этого «обезьяньего царства» и восстает Пьер Буль в своем фантастическом романе — сатире на «массовое общество».

Главное отличие человека от обезьяны состоит отнюдь не в том, что он ходит на двух ногах, пользуется речью и обладает предметами массового производства, утверждает писатель. Все это внешние признаки, которыми наделен любой обыватель в «массовом обществе», что не мешает ему вести себя как настоящая обезьяна. В конце концов, как весьма успешно доказывают в ро-

мане обезьяны, именно четверорукость и древесный образ жизни позволили им превзойти человека, обзавестись орудиями труда, разумом и речью. «На Земле я часто слышал, как для объяснения превосходства человека над остальными животными приводят доказательства, прямо противоположные. Однако, подумав, я решил, что рассуждения Зиры ничуть не менее убедительны, чем наши, человеческие».

Как это ни парадоксально, но, по убеждению Буля, люди отличаются от обезьян в первую очередь теми чертами, которыми они одновременно отличаются также друг от друга: многообразием творческих способностей и склонностей, различиями в знаниях и круге интересов, оригинальностью мышления и чувств, то есть своими индивидуальными признаками, которые из каждого человека, делают личность. Благодаря этому творческому разнообразию, отсутствующему в мире животных, у людей возникает потребность в социальном общении и обмене деятельностью, ибо они могут предложить что-то друг другу и заимствовать друг у друга. Лишите людей этих творческих способностей, проявляющихся в индивидуальных различиях, и они будут низведены до уровня обезьян.

Нет, Буль не мизантроп! Его авторская позиция в романе выражена совершенно определенно: он на стороне человека против всего, что превращает его в обезьяну. Вместе со своим героем, Улиссом Меру, он возмущается опытами над людьми, сочувствует людям, оказавшимся во власти обезьян, не может скрыть своей радости, узнав, что цивилизацию на планете Сорора все же создали люди, и потрясен ее трагедией; он мечтает возродить человечество, впавшее в дикость, а затем стремится хотя бы предупредить людей на Земле о грозящей им опасности. Даже кошмарный финал романа продиктован не безысходностью, а оптимистической верой в человека и его будущее. «Я вверяю эту рукопись вселенной не для того, чтобы призвать на помощь. Единственная моя надежда, что мой рассказ, может быть, сумеет предотвратить ужасную угрозу, нависшую над родом человеческим», — эти слова, которыми начинается повествование героя

о своих злоключениях, в сущности, представляют собой и обращение Буля к читателям «Планеты обезьян».

Роман Буля заставляет глубоко задуматься над социальными последствиями научно-технической революции вообще и на капиталистическом Западе в особенности. Человеку ничто не достается даром. Все бла-га цивилизации, в том числе и приносимые современной наукой и техникой, он вынужден оплатить либо сразу, либо чаще в рассрочку, которая может быть растянута на десятилетия и столетия. Коллективная мудрость человечества как раз в том и состоит, чтобы эта расплата (например, за расхищение природных ресурсов) не превратилась в трагедию для нас или в непосильное бремя для последующих поколений.

Великий ученый XX века Норберт Винер в последние годы жизни не раз вспоминал в своих книгах и лекциях рассказ У. У. Джекобса «Обезьянья лапа». Каждый обладатель талисмана — высушенной обезьяньей лапы — мог попросить исполнить три его желания. Но прежде чем произнести их вслух, надо было серьезно задуматься, какими условиями сопроводить свою просьбу, чтобы не расплатиться за нее непомерной ценой. Надо сделать так, предостерегал Винер, чтобы наука и техника не стали такой «обезьяньей лапой», протянутой человечеству.

Имя Пьера Буля у нас едва знакомо широкому кругу читателей, а между тем он, несомненно, принадлежит к числу наиболее одаренных и своеобразных представителей послевоенной французской литературы. На родине Буля за ним прочно утвердилось репутация плодовитого писателя, незаурядного стилиста и мастера в построении сюжета, пользующегося неизменным успехом у читателей благодаря социальной остроте своих тем и интеллектуальной честности. Его книги были отмечены литературными премиями, неоднократно переиздавались и переведены на другие языки.

Фантастические сочинения писателя, помещенные в этом томе, позволяют судить лишь об одной стороне его многогранного творчества. В ответе на ан-

кету «Иностранной литературы» Буль сам отмечал: «Я, сказать по правде, не сторонник привилегированных жанров в литературе. Безусловно, научная фантастика таит в себе множество новых возможностей и дает богатую пищу воображению, но лишь при условии, если не рассматривать ее как обособленное, изолированное от общего потока литературы течение, иначе произведения, зачисленные в жанр научной фантастики, постигнет печальная участь полицейских романов и романов о шпионах; они потеряют какую-либо художественную ценность и станут скучными и неинтересными». Это стремление «не укладываться» в прокрустово ложе традиционных жанров, избегать проторенных путей в литературе — пожалуй, самая отличительная черта большинства книг Буля, в которых даже обычные явления предстают в неожиданном свете.

Широкую известность на Западе, славу первоклассного писателя Булю принес обличительный антивоенный роман «Мост через реку Квай» (1952), а затем и одноименный фильм, обошедший экраны всего мира. Этот роман обратил на себя внимание прежде всего тем, что исключительно остро ставил вопрос о личной ответственности каждого человека за события, происходящие в современном мире. Вы ответственны, обращался Буль к читателям, не только за свои поступки, но и за других, за человечество в целом и судьбы цивилизации; никакие приказы свыше и формальное соблюдение долга не могут освободить человека от бремени этой ответственности, которая не становится меньше из-за того, что разделяется многими. Здесь вряд ли уместно излагать содержание романа, действие которого в основном разворачивается в японском лагере для военнопленных в годы второй мировой войны в Бирме. Скажем лишь, что в современной литературе не столь уж много произведений, которые бы с такой художественной убедительностью выявляли бесчеловечность войны и милитаризма, заставляющих жертвовать подлинными ценностями цивилизации во имя абсурдных целей.

«Мост через реку Квай», как и ряд других книг

Буля, во многом автобиографичен. Речь идет, однако, не о буквальном воспроизведении в них событий из жизни самого писателя, хотя проблемы и конфликты, положенные в основу сюжета, он черпал, как правило, из богатого личного опыта. Незадолго до второй мировой войны Пьер Буль, молодой инженер, только что закончивший Высшую электротехническую школу, отправляется в Малайю, чтобы по системе Тэйлора рационализировать производство каучука на плантациях. Здесь он впервые сталкивается с тем, что социальные и моральные ценности западной, капиталистической цивилизации, которые он прежде не ставил под сомнение, оказываются совершенно чуждыми местным жителям и рабочим-кули, с нескрываемой симпатией описанным им много лет спустя в романе «Малайское святотатство» (1951). Вскоре его мобилизуют во французскую армию в Индокитае, и он испытывает всю горечь «поражения без борьбы» и капитуляции вишистского правительства перед агрессорами. После оккупации Японией Юго-Восточной Азии Буль принимает активное участие в освободительной борьбе, выполняет опасные задания в глубоком тылу врага, сражается в Бирме и Китае. Попав в плен к японцам, он проходит через все мытарства судьбы военнопленных, столь реалистически изображенные в книгах «Мост через реку Квай» и «Источники реки Квай» (1967). Ему, однако, удается бежать из лагеря, и в 1944 году он возвращается на родину и находит свое место в рядах французского движения Сопротивления, о подлинных и мнимых героях которого им написан беспощадный психологический роман «Ремесло господ бога» (1960).

Война окончилась, и Буль возвращается в Малайю, но привозит оттуда не состояние, а сюжет для будущей книги «Испытание белых людей» (1955), глубоко лирической и одновременно философской повести о трагической любви европейской девушки и благородного юноши-малайца, безжалостно раздавленной условностями западной цивилизации. Эта книга от начала и до конца — страстная полемика Буля с киплингеским мифом о так называемом «бремени белого человека» и

цивилизаторской роли Запада на Востоке. Это пресловутое бремя, заявляет писатель, не только отягощает сознание самих европейцев нелепыми предрассудками и гибельным самодовольством; перелазимое ими на плечи угнетенных народов, оно становится источником отчуждения, законного возмущения и справедливой ненависти со стороны угнетенных народов. Еще одна длительная поездка, на этот раз в Африку, в Камерун, и Буль, наконец, становится профессиональным писателем.

Среди полутора десятков книг, написанных с тех пор Пьером Булем, есть весьма своеобразная и по построению и по содержанию повесть «Палач» (1954), позволяющая глубже понять творчество писателя в целом, в том числе и его фантастику. В основу повести положена странная история одного китайского палача, унаследовавшего против своей воли профессию предков. Из сострадания к осужденным на смерть он перед тем, как их обезглавить, давал им безболезненный, мгновенно действующий яд, чтобы избавить от последних психологических и физических мук. Правосудие, однако, в конце концов восторжествовало — палач-преступник был изобличен, осужден за убийство своих жертв и сам подвергнут особенно мучительной казни. Этот полудетектив-полулегенду писатель вкладывает в уста старика мандарина, который совершенно не способен понять побуждения удивительного палача и сопровождает рассказ своими нелепыми нравоучениями. В свою очередь, комментарии рассказчика постоянно прерываются диалогом самого автора с ангелом-хранителем художественной литературы, настойчиво уговаривающим писателя не поддаваться соблазну оригинальности и вернуться на проторенную стезю традиционных жанров. И хотя в повести один не может понять другого — ангел-хранитель писателя, писатель рассказчика, рассказчик палача, — читатель убеждается в том, что с точки зрения общечеловеческих ценностей (социальной справедливости и свободы личности, человеколюбия и самопожертвования) исторически преходящие и локальные, вполне земные цивилизации, стремящиеся увековечить себя, могут вы-

глядеть не менее абсурдными, чем самые фантастические миры на иных планетах.

Излагая в повести в нарочито утрированной форме, обусловленной сюжетом, свое авторское кредо, Буль подчеркивает, что в своих произведениях он нередко намеренно выбирает по возможности наиболее причудливую и на первый взгляд невероятную ситуацию, чтобы, вызвав сначала у читателя удивление и недоверие, затем показать, как кажущаяся абсурдность естественно вытекает из повседневной действительности. Самое опасное для людей — поддаться привычному образу мыслей, примириться с действительностью и воспринимать все происходящее в мире как само собою разумеющееся. Писатель призван вырвать читателя из плена повседневности и обыденности, заставить его размышлять над смыслом событий, их тенденций и возможными последствиями.

Как отмечает Буль, «прилагательное «странный» всегда производит на меня большое впечатление. Когда же оно сочетается с эпитетом «простой», то мной овладевает настоящий экстаз. В самом деле, эти два качества — странность и простота — служат для меня почти единственными художественными критериями». К сожалению, продолжает он, оба эти достоинства литературного произведения обычно сочетаются с трудом, хотя и не противоречат друг другу. Осуждая далее примитивные, вульгарные приемы «подцепить читателя на крючок», столь распространенные в изготавляемом на Западе «массовом чтиве», писатель заявляет о своем стремлении избегать отталкивающих и жестоких сцен, всякого мистицизма и ложной сентиментальности. «Они мне воспрещены!» — восклицает он. Содержание истории должно быть настолько ясным и не двусмысленным, «чтобы ребенок двенадцати лет мог схватить всю соль при первом чтении». «Не думайте, что я испытываю удовольствие изобретать парадоксы!» — отвечает автор на упреки литературных критиков. Лучше внимательно оглянитесь вокруг: разве не парадоксальна сама окружающая нас социальная действительность со всеми ее подлинными и мнимыми противоречиями...

Фантастика Буля неотделима от его остального литературного творчества; больше того, она — непосредственное продолжение и завершение основных тем его реалистических (в узком смысле этого слова) произведений. Научно-фантастическое предположение и литературно-художественная экстраполяция событий как в прошлое, так и в будущее служат писателю средством более глубокого осознания и отражения реальной действительности в ее противоречивых тенденциях. Вот почему, к каким бы темам ни обращался Буль, его фантастика, как правило, современна и своевременна в лучшем смысле этих понятий.

Убедительным подтверждением этого мнения может служить его небольшая повесть « $E=mc^2$ » (1957), оригинальная фантастическая интерпретация истории создания атомной бомбы.

Кто несет ответственность за преступления нашей цивилизации? — размышляет в повести Буля «Испытание белых людей» доктор Муавр: «Ответствен ли за Хиросиму пилот? или Трумэн? или Эйнштейн? или рабочий, который собрал само устройство?» Дать ясный и определенный ответ на этот вопрос, волнующий с августа 1945 года человечество, можно в разной форме: в научном исследовании социальных и международных конфликтов нашего века; в страстном публицистическом обвинении милитаризма, вроде замечательной книги Роберта Юнга «Ярче тысячи солнц»; наконец, в форме художественного произведения, как это сделал Буль в своей фантастической повести.

Герои его повести — ученые-физики: одни из них выступают под своими подлинными именами — Эйнштейн, Отто Ган, а в вымышленных именах других читатель без большого труда узнает Энрико Ферми (Лукези), Нильса Бора (Сборг), Роберта Оппенгеймера (Опмайер) и т. д. Как и в реальной истории, все они бескорыстные исследователи, убежденные гуманисты и решительные противники фашизма и войны, расовой и национальной исключительности. Наука и служение человечеству являются для них высшими ценностями. Автор повести заставляет их отвергнуть предложение американских военных стратегов создать атомную бом-

бу. Сама мысль об использовании научных открытий для разрушения кажется им столь чуждой и отвратительной, что они не останавливаются перед ложью и уверяют, будто атомная бомба в принципе невозможна. Вместо нее они создают нечто прямо противоположное — устройство, конденсирующее энергию в материю. Они надеются, что, продемонстрировав с его помощью над Хиросимой могущество науки, можно будет положить конец второй мировой войне без всяких жертв. И все же Хиросима гибнет, правда, не в пламени атомного взрыва, как это произошло в действительности, но не менее трагически погребенная под многометровым слоем урана. «Кто мог предвидеть это? — восклицают в конце повести потрясенные ученые. — Видит бог, мы этого не хотели!»

Фантастическое предположение, положенное Булем в основу сюжета, позволяет ему исключительно остро поставить вопрос о моральной ответственности ученых в современном мире. «Великое открытие подобно произведению искусства, а наука по нашему твердому и непоколебимому убеждению сама по себе — благо». Взяв это изречение Р. Оппенгеймера в качестве эпиграфа к повести, Буль полемизирует с ним всем ее содержанием: социальная среда и политические обстоятельства могут обратить во зло самые благие намерения.

К теме моральной ответственности ученых перед человечеством и социальных последствий научных открытий Буль вновь обращается в романе «Сад Канашима» (1964), посвященном соревнованию между СССР и США в космических исследованиях. И по своему содержанию и по литературной композиции этот роман имеет много общего с повестью « $E = mc^2$ »; события, описанные в нем, начинаются незадолго до второй мировой войны, доводятся до наших дней, а затем экстраполируются в непосредственное будущее. Подобный прием таит в себе несомненную привлекательность, позволяя придать художественному вымыслу особую реалистичность; вместе с тем он также, разумеется, чреват явным риском, в котором отдает себе отчет сам автор. «Меня, право, не слишком смущает описывать события, которые случатся двадцать тысяч

лет спустя, — пишет он, — однако задача становится гораздо деликатней, когда речь идет о шести-семи годах. Больше же всего меня беспокоит ближайшее будущее, непосредственно смыкающееся с настоящим...» Ведь достаточно произойти какому-либо непредвиденному событию (например, убийство президента Кеннеди, которое заставило Буля переписать последнюю треть книги), как все предположения автора превратятся в абсурд сразу же после выхода в свет романа.

Соревнование между двумя космическими державами завершается в романе сенсацией: первым на Луну попадает японский ученый Канашима. Жертвуя собою, он тем самым разрешает «истинно по-японски» наиболее сложную часть подобной экспедиции — благополучное возвращение космонавтов на Землю. Его бессмысленный с точки зрения науки поступок оказывается, как ни удивительно, весьма оправданным по своим моральным и социальным последствиям для человечества: под влиянием мирового общественного мнения соперничество ученых разных стран уступает место солидарности и международному сотрудничеству ради спасения «космического камикадзе».

Главным кульминационным моментом романа является все же не этот несколько неожиданный, как всегда у Буля, эпилог, а встреча президента США с ведущим американским конструктором ракет фон Шварцем, в котором читатель опять-таки без труда угадает Вернера фон Брауна. В ходе драматического диалога между Политикой и Наукой решается судьба не только американской экспедиции на Луну. Общественное мнение страны к тому времени уже настроено враждебно к проекту: «ученых все больше рассматривают как одержимых, безумие которых может стать опасным, как любителей научной фантастики, способных вовлечь страну в разорение, если им позволить делать то, что они хотят». Их уже готовы обвинить в заговоре, в намерении разорить двести миллионов американцев и столько же русских только для того, чтобы экипаж из трех человек достиг Луны на два-три года раньше, чем это позволит сделать «нормальная программа». Нет, возражают они, на Луну отпра-

вятся не три человека, а вся нация, человечество в целом, ибо это историческое предприятие будет завершением совместных усилий всех стран и народов.

«— Но зачем вообще отправляться на Луну?

— Зачем?

— Да, зачем? Разве странно, что я задаю этот вопрос? — риторически восклицает президент». И затем обстоятельно разбираются доводы «за» и «против» экспедиции. Выяснение тайны происхождения солнечной системы, сооружение астрономических обсерваторий на Луне, новый толчок для промышленности...

«— Все наши техники, все наши экономисты приходят к выводу, что значительно больший прогресс может быть достигнут другим способом, с бесконечно меньшими расходами. Итак?.. Во всех ваших научных аргументах я не нашел ни одного — вы меня слышите? — ни одного, который бы оправдывал в моих глазах... расход в десятки миллиардов долларов».

Но не являются ли в таком случае достаточно веским аргументом в пользу экспедиции соображения национального престижа? Президент в романе отвергает и этот довод: для престижа Соединенных Штатов несравненно лучше было бы устранить трудности в собственной стране, разрешить проклятый расовый вопрос, дать полноценное образование всем американцам, установить социальную справедливость здесь, на Земле. (В реальной жизни, заметим кстати, он рассуждает совсем наоборот: «Кто будет первым в космосе, тот будет первым на Земле!» — и проводит при этом историческую аналогию с экспансией Англии, «владычицы морей», в XVII—XIX веках. Ирония Буля неистощима!)

«— Я настоящий американец, доктор фон Шварц, — заявляет президент. — И естественно, у меня есть безумное желание попасть на Луну, но для этого мне нужны доводы, по крайней мере один, достаточно солидный, чтобы я мог его уравновесить с шестьюдесятью миллиардами долларов... И если никто не может мне его предоставить, то, клянусь, я прерву эту сумасшедшую авантюру!»

И ученый находит такой довод:

«— Мне хватит одного примера. Когда в XV веке отважные мореплаватели, прибывшие из Европы, открыли Америку, ничто, казалось, не оправдывало подобной авантюры в глазах их современников. Сегодня, однако, мы можем констатировать, что ее результатом является существование Соединенных Штатов в XX столетии. Не считаете ли вы, что появление Соединенных Штатов — достаточно веское извинение сумасшествию Колумба, и не думаете ли вы, что такой результат вполне оправдывает расход шестидесяти миллиардов долларов, даже если бы его экспедиция стоила столько?»

Как известно, открытие Колумба не обошлось без издержек для человечества. Но отнюдь не обязательно быть ученым-историком, чтобы осознать, что без великих географических открытий, необычайно ускоривших общественный прогресс и вовлекших в его орбиту народы всех континентов, история человечества за истекшие столетия выглядела бы несравненно более мрачной. Наверное, сейчас мы бы еще только высеивались от пут феодализма.

Подобные доводы, надо полагать, не переубедили бы царского чиновника, собиравшегося в сказке у Щедрина «закрыть Америку». Вряд ли они производят впечатление и на современного обывателя, для которого состязание с его соседом или сослуживцем в обладании вещами несравненно важнее, чем соревнование в космосе. Он также, если бы это было в его власти, не прочь «закрыть Луну», чтобы избавиться от лишних беспокойств и сэкономить деньги на свои повседневные нужды, семейный уют и прочие личные прихоти. В рассказе «Луныне» Буль разоблачает эту обывательскую точку зрения: Луну в конце концов взрывают ради увековечения «холодной войны» на Земле и сохранения устоев антагонистического мира, в котором любые внеземные существа ближе и симпатичней, чем сосед по дому или по планете.

Именно против такого рода обывательского сознания и политической близорукости ополчается Буль в своей фантастике. Проникновение в космос, как и другие великие предприятия человечества, нельзя рас-

сматривать только сквозь призму повседневных интересов и текущей политики. Для объективной оценки подобных поворотных событий, меняющих курс истории, которые Стефан Цвейг столь выразительно назвал «звездными часами человечества», необходимо хотя бы мысленно выйти за пределы забот и надежд лишь одного поколения людей.

Кстати, о часах... Разве первые дорогостоящие механические часы были сконструированы только потому, что у наших предков в средние века не было иного более простого и дешевого способа узнать, который час, не пора ли им обедать или ложиться спать? Ведь они тогда, пожалуй, не испытывали никакой практической потребности отсчитывать время по минутам. Однако без этих первых, примитивных механических часов, которые первоначально служили для забавы владетельных особ и тщеславия городских властей, не было бы ни современной науки, ни современной промышленности. Если бы люди на протяжении истории руководствовались лишь удовлетворением своих повседневных нужд, то, наверно, человечество до сих пор вело бы пещерный образ жизни и недалеко ушло бы от обезьян.

Рассказ «Луняне» опубликован в сборнике Буля «Абсурдные истории» (1952). Этот рассказ доводит до логического абсурда перспективу продолжения «холодной войны», которая тогда была в самом разгаре. Ее опасную бессмысленность в те времена на Западе признавали многие, хотя мало кто надеялся на ее прекращение в ближайшем будущем, а тем более видел реальные пути к этому. Много лет спустя в рассказе «Совершенное оружие» из сборника «Благотворительные рассказы» (1964) Буль уже гораздо более оптимистически смотрит на международную обстановку: гонка вооружений завершается созданием такого оружия, которое невозможно употребить, и государственных деятелей во всем мире, наконец, осознают, что война перестала быть продолжением политики и средством для решения международных конфликтов.

Фантастика Буля служит средством остроумного разоблачения религиозных предрассудков и не-

терпимости (рассказы «Чудо» и «Галлюцинация»), выявления поразительного расхождения между ничтожными целями и могучими средствами в руках ученых («Идеальный робот» и «Вес сонета»), осмеяния беспомощности обывателя, неспособного вырваться из заколдованного круга будничных обстоятельств («Бесконечная ночь»^{*}). Одним словом, она не уводит от реальных проблем в мир фантастических грез, а призывает к активному, деятельному отношению к социальной действительности.

В своих фантастических сочинениях Буль меньше всего претендует на то, что он сам знает будущее, которое ожидает человечество. Несостоятельной роли пророка он явно предпочитает скромную роль просветителя, который хочет прежде всего заставить читателя оторваться от своих повседневных забот, от жизненной суеты настоящего и задуматься над будущим, поверить в то, что оно в какой-то мере зависит и от его личных усилий. Будущее как отдельного человека, так и всего человечества не предопределено с фатальной неизбежностью; оно вовсе не детерминировано однозначным способом, подобно року или судьбе. Оно принадлежит к области возможного, по отношению к которой люди обладают хотя и ограниченной, но вместе с тем вполне реальной свободой действий. Иначе, как отмечал Маркс, история общества приобрела бы мистический характер. И задача состоит не в том, чтобы отгадать по каким-то знамениям якобы уже уготованное человечеству будущее, а в том, чтобы его творить в процессе практической деятельности, опираясь на объективные условия. Пусть пророки пророчат, историю же делают люди. В каждый определенный момент обычно существует не одна, а несколько реальных возможностей в отношении будущего, хотя и с разной долей вероятности. Но кто решится утверждать, будто в истории общества всегда совершались и будут совершаться только наиболее вероятные события?

Сила воздействия Буля заключается в обличении пороков современной «западной цивилизации», то есть

^{*} Рассказ помещен в т. 5 этого издания (прим. ред.).

капиталистического общества. Не случайно поэтому в его фантастике явно преобладают сатира, юмор и скептицизм. Однако, отвергая буржуазные социальные нормы и моральные ценности, он оказывается не в состоянии противопоставить им какого-либо привлекательного, жизнеутверждающего общественного устройства. И ему не остается ничего иного, как взывать к абстрактному гуманизму, пацифизму и справедливости. Он не видит в окружающей его действительности тех прогрессивных сил, которым принадлежит будущее. Вот почему все свои надежды он связывает лишь с тем, чтобы пробудить в людях чувство ответственности за свои действия и непримиримость к повседневной действительности капиталистического Запада. Герои Буля — это одиночки, движимые благородными побуждениями и нередко сознающие свое бессилие. Они борются не столько потому, что верят в успех, сколько потому, что так им велит их совесть.

Основная черта всего творчества Буля — стремление спасти достоинство человека, его непоколебимую веру в свои силы в любых обстоятельствах. А ведь без этого не может быть и лучшего будущего!

Э. АРАБ-ОГЛЫ

Планета обезьян

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА

1

джинн и Филлис наслаждались прогулками в космосе вдали от всех обитаемых миров.

Межпланетные путешествия стали уже обычным делом, да и межзвездные перелеты не вызывали сенсаций. Звездолеты регулярных линий доставляли туристов в сказочные города Сириуса, а финансовых тузов — на знаменитые биржи Арктура и Альдебарана. Но Джинн и Филлис, эта парочка богатых бездельников, славились своей эксцентричностью и склонностью к романтике. Поэтому они ради собственного удовольствия бороздили просторы вселенной под парусами.

Их космическая яхта представляла собой нечто вроде сферы, внешняя оболочка которой — необычайно тонкий и легкий парус — вздувалась и перемещалась в пространстве, улавливая давление световых лучей. Если бы этот кораблик остался без управления поблизости от какой-нибудь звезды — однако на достаточном удалении, там, где сила притяжения не слишком велика, — он бы устремился прочь от светила по прямой линии. Но в звездной системе Джинна и Филлис было не одно, а целых три солнца, расположенных довольно близко друг к другу, поэтому здесь солнечные ветры дули с трех сторон под разными углами. И вот Джинн придумал поистине удиви-

тельный способ передвижения в пространстве. На сферическом парусе его кораблика располагалось множество черных шторок, которые сворачивались или разворачивались по воле рулевого: при каждом таком маневре отражающая способность определенных секций паруса менялась, и одновременно менялось направление равнодействующих сил световых потоков. Кроме того, эластичная сфера-парус могла по команде растягиваться или сокращаться: так, если Джинн хотел ускорить ход, он увеличивал диаметр оболочки до предела, тогда огромная площадь паруса вздувалась под напором световых потоков и яхта устремлялась в глубь вселенной с безумной скоростью, от которой у него и его подружки Филлис кружилась голова; захваченные этим головокружительным бегом, они сжимали друг друга в объятиях и замирали, устремив взоры в таинственную бездну летящего им навстречу космоса. Если же Джинн хотел замедлить ход, он нажимал другую кнопку. Сферический парус сжимался настолько, что в кабине можно было сидеть, лишь тесно прижавшись друг к другу. Давление световых лучей почти не влияло на крохотный шарик, и, представленный самому себе, он словно повисал в пустоте на незримой нити.

Время замирало, опьяняющая истома охватывала юную парочку, и так они проводили долгие часы в своем тесном, созданном только для них мирке, который Джинн сравнивал с дрейфующим парусником, а Филлис — с пузырьком воздуха на паутинке водяного паука.

Джинн прекрасно выполнял и другие маневры, даже такие, которые считались среди космических яхтсменов самыми сложными, например поворот оверштаг с использованием тени от планеты или какого-нибудь спутника. Он поделился своими знаниями с Филлис, и вскоре та научилась управлять яхтой столь же искусно и даже смелее, чем он сам. Но стоило Филлис взять в свои руки руль, как она, что называется, зарывалась и выбирала такой курс, что яхта подходила к границам солнечной системы, где магнитные бури искажали потоки света, и их кораблик начинало

швырять, как ореховую скорлупу. Уже несколько раз Джинн, разбуженный таким штормом, вскакивал как встрепанный и вырывал у Филлис руль. Иногда, чтобы добраться до ближайшего порта, ему приходилось даже включать дополнительные ракеты, предусмотренные на случай крайней опасности, хоть это и считалось среди космических яхтсменов позором.

В тот день Филлис и Джинн, ни о чем не заботясь, сидели рядышком в сферическом гнездышке яхты и жарились под лучами своих трех солнц. Закрыв глаза, Джинн думал о Филлис и о том, как он ее любит. Филлис, лежа на боку, созерцала необъятную вселенную, загипнотизированная бесконечностью пустоты. Это с ней случалось.

Внезапно, словно проснувшись, Филлис вздрогнула и приподнялась. В пустоте сверкнула странная искорка. Филлис выждала несколько секунд, и вот искра сверкнула вновь, как будто луч отразился от блестящего предмета. Шестое чувство, приобретенное ею за время плавания на космическом корабике, не могло ее обмануть. К тому же и Джинн с ней согласился, а он в таких случаях не ошибался. Неподалеку от яхты — расстояние трудно было определить — в космосе плыло какое-то сверкающее тело. Джинн схватил бинокль, чтобы рассмотреть таинственный предмет. Филлис нетерпеливо прильнула к плечу своего спутника.

— Предмет небольшой, — проговорил Джинн. — Похоже, стеклянный... Постой, дай посмотреть!.. Он приближается. Его скорость больше нашей. Кажется...

Лицо его стало серьезным. Он уронил бинокль, который Филлис тотчас подхватила.

— Знаешь, что это, дорогая? Бутылка.

— Бутылка?

Она тоже посмотрела в бинокль.

— Да, бутылка. Я вижу ее отчетливо. Она из светлого стекла. Она заткнута: я вижу пробку. А внутри что-то белое. Наверное, бумага... записка! Джинн, надо ее поймать!

Джинни, видимо, был того же мнения, потому что он начал искусно лавировать, чтобы перехватить необычный предмет. Ему удалось быстро изменить курс и сбавить скорость, чтобы этот предмет прошел рядом с яхтой. Пока он маневрировал, Филлис успела надеть скафандр и выйти на внешнюю сторону сферического паруса через двойную камеру. Там, уцепившись за трос, она повисла в пустоте и, размахивая сачком на длинной ручке, приготовилась изловить бутылку.

Им уже не раз случалось с помощью сачка вылавливать из космоса посторонние тела. Когда плывешь потихоньку или висишь в пустоте почти неподвижно, можно увидеть немало странного и сделать удивительные открытия, недоступные для тех, кто мчится через вселенную на звездолетах. Своим сачком Филлис вылавливала кусочки взорванных планет, остатки метеоров, прилетавших из других галактик, и обломки спутников, запущенных в самом начале завоевания космоса. Она гордилась своей коллекцией, но бутылка, да еще бутылка с рукописью — а в этом Филлис не сомневалась, — такое ей встретилось впервые! Тело ее дрожало от нетерпения; раскачиваясь на тросе, словно паучиха на ваутине, она кричала в микрофон своему любовнику:

— Помедленнее, Джинни!.. Нет, чуть-чуть быстрее, а то она нас перегонит... Право руля! Лево руля! Прямо... Все, я ее поймала!

Издав торжествующий крик, она вернулась в кабину.

Добыча ее представляла собой большую тщательно закупоренную бутылку. Внутри можно было различить бумажный сверток из множества листов. Вся трепеща, Филлис чуть ли не умоляла Джинна:

— Разбей ее! Скорее! Прошу тебя!

Сохраняя спокойствие, Джинни аккуратно отковыривал кусочки воска. Но когда бутылка была таким образом откупорена, оказалось, что тугой сверток невозможно оттуда извлечь. Пришлось уступить нетерпеливым просьбам подружки и разбить бутылку молотком. Освобожденный сверток развернулся сам. Он состоял из множества необычайно тонких листов, ис-

пещренных мелким почерком. Рукопись была на земном языке, который Джинни знал в совершенстве, поскольку несколько лет учился на этой планете. Но какая-то неясная тревога удерживала его. И если бы не мольбы возбужденной до предела Филлис, он, может быть, и не стал бы читать этот документ, случайно попавший им в руки.

Но Филлис плохо понимала язык Земли и нуждалась в его помощи.

— Джинни, я тебя у-мо-ляю!

Он сократил размеры паруса до минимума, чтобы яхта повисла в пространстве, убедился, что впереди нет никаких препятствий, и, растянувшись рядом со своей подружкой, начал читать.

Я веряю эту рукопись вселенной не для того, чтобы призвать на помощь. Единственная моя надежда, что мой рассказ, может быть, сумеет предотвратить ужасную угрозу, нависшую над родом человеческим...

ГЛАВА 2

— Над родом человеческим? — с удивлением переспросила Филлис.

— Да, так здесь написано, — подтвердил Джинни. — Только не прерывай меня на каждом слове с самого начала!

И он продолжал:

...Что касается меня, Улисса Меру, то я со своей семьей нахожусь на борту космического корабля. Мы можем существовать в течение многих лет. У нас есть сад, огород, животные в зоологическом отсеке. Мы ни в чем не испытываем недостатка. Может быть, мы найдем когда-нибудь гостеприимную планету. Но об этом я могу только мечтать. А потому подробно и беспристрастно излагаю ниже все, что со мной произошло.

В 2500 году вслед за двумя моими старшими товарищами я взобрался на борт космического корабля, ко-

торый должен был достичь сонма планет, над которыми царственно сияет сверхгигантское солнце Бетельгейзе.

Это был смелый замысел, самый дерзкий из когда-либо осуществленных землянами. Звезда Бетельгейзе, альфа Ориона, как ее называли наши астрономы, удалена от нашей планеты почти на триста световых лет. Она отличается целым рядом особенностей. Прежде всего своими размерами: ее диаметр превосходит наше Солнце в триста, а может быть, и в четыреста раз, то есть, если бы это чудовищное светило встало на место Солнца, его корона простерлась бы до орбиты Марса. Затем — силой света, ибо это звезда первого класса, самая яркая из созвездия Ориона; несмотря на огромное расстояние, ее можно наблюдать с Земли невооруженным глазом. Далее — спектром излучения: она испускает ни с чем не сравнимые по величине красные и оранжевые лучи. И наконец, это звезда переменной яркости. Бетельгейзе — пульсирующая звезда, и интенсивность ее свечения все время меняется в зависимости от изменения ее диаметра.

Но почему, когда было установлено, что все планеты солнечной системы необитаемы, мы избрали для первого межзвездного перелета столь далекую цель? Такое решение принял профессор Антель, главный организатор и полномочный руководитель экспедиции, истративший на ее подготовку почти все свое огромное состояние. Он сам создал проект нашего космического корабля, сам наблюдал за его постройкой. Но свой выбор профессор объяснил мне лишь позднее, уже во время полета.

— Любезнейший Улисс, — сказал он, — полет к Бетельгейзе, в сущности, ничуть не труднее и лишь ненамного дольше перелета к какой-нибудь более близкой звезде, хотя бы к Проксиме Центавра.

Но тут я счел своим долгом запротестовать хотя бы для того, чтобы блеснуть недавно приобретенными астрономическими познаниями:

— Лишь ненамного дольше! Как же так? Ведь до Проксимы Центавра всего четыре световых года, а до Бетельгейзе...

— ...целых триста световых лет, о чем я прекрасно осведомлен. И все же до Проксимы Центавра нам пришлось бы лететь почти столько же или совсем немногим меньше, чем до Бетельгейзе, которой мы достигнем через каких-нибудь два года. Вам это, разумеется, кажется невероятным, потому что вы привыкли к нашим межпланетным перелетам, этим блошиным прыжкам, когда допустимо предельное ускорение, поскольку оно длится всего несколько минут, а крейсерская скорость по сравнению с нашей до смешного мала... Пожалуй, пора уже объяснить вам, как движется наш звездолет. Благодаря усовершенствованным ракетам, которые мне удалось изобрести, наш космический корабль способен перемещаться в пространстве с наивысшей скоростью, доступной для материального тела, то есть со скоростью света минус эпсилон.

— Минус эпсилон?

— Я хочу сказать, что наша скорость бесконечно приближается к скорости света, отставая от последней всего на одну миллиардную, если вам так легче понять.

— Предположим, — сказал я. — Это мне понятно.

— Но вам также следует усвоить, что, когда мы перемещаемся в пространстве с такой скоростью, наше время значительно отличается от земного, и чем быстрее мы летим, тем больше это отличие. Например, сейчас, пока продолжался наш разговор, у нас в звездолете прошло всего несколько минут, а на Земле — десятки месяцев. Когда же мы достигнем предельной скорости, время для нас почти остановится, хотя мы этого и не будем замечать. Тогда две секунды для вас и меня, два удара сердца для вас и меня будут соответствовать многим годам для тех, кто остался на нашей планете.

— Это мне тоже понятно. Именно это дает нам надежду добраться до цели прежде, чем мы умрем от старости. Но почему в таком случае наше путешествие продолжится два года? Почему не несколько дней или несколько часов?

— Я как раз к этому подхожу. Все очень просто: для того чтобы достичь максимальной скорости, когда время почти останавливается, нам понадобится около года, ибо наш организм не выдержит более сильного ускорения. И еще год уйдет на торможение. Теперь вы представляете график нашего полета? Год на ускорение, год на торможение, а в середине всего несколько часов, но за эти часы мы пройдем наибольшую часть пути. И если вы это усвоили, вам должно быть понятно, почему перелет до Бетельгейзе для нас продлится лишь немногим дольше, чем перелет до Проксимы Центавра. В последнем случае нам все равно пришлось бы провести в звездолете год, необходимый на ускорение, и еще год — на торможение, а между ними может быть всего несколько минут вместо нескольких часов, как при полете к Бетельгейзе. Разница в общем-то ничтожная. Но я старею и уже, наверное, не смогу осуществить еще одну экспедицию: поэтому я сразу избрал один из наиболее отдаленных уголков вселенной, ибо надеюсь отыскать там миры, совершенно не похожие на наш.

Подобного рода беседы помогали нам коротать часы досуга, и с каждым разом я проникался все большим уважением к глубокой мудрости профессора Антеля. В науке не было такой области, которая была бы ему незнакома! Мне оставалось лишь радоваться, что нашу смелую и рискованную экспедицию возглавляет такой человек.

Как и предвидел профессор Антель, наше путешествие по локальному времени звездолета продлилось около двух лет, за которые на Земле должно было пройти не менее трех с половиной веков. В этом заключалось единственное неудобство столь далекой экспедиции: если нам даже удастся благополучно возвратиться, мы найдем нашу планету постаревшей на семьсот-восемьсот лет. Но об этом мы пока и не думали. Подозреваю даже, что перспектива сбегать от своего поколения особенно прельщала профессора. Он неоднократно признавался, что устал от людей...

— Люди, все время люди... — снова заметила Филлис.

— Да, люди, — подтвердил Джинн. — Так и написано.

...За весь полет у нас не было ни одной серьезной неприятности. Мы стартовали с Луны. Земля и все остальные планеты быстро скрылись из глаз. Солнце стремительно уменьшалось, пока не превратилось в оранжевый шар величиной с апельсин, потом стало меньше сливы и, наконец, сделалось сверкающей точкой, не имеющей измерений, одной из звездочек, которую только всезнающий профессор Антель мог еще отыскать среди бесчисленных звезд галактики.

Итак, мы жили без Солнца, но нисколько от этого не страдали, ибо наш корабль имел соответствующие источники света. Не страдали мы и от скуки. Беседы профессора были поразительно интересны; не случайно за эти два года я узнал больше, чем за всю свою жизнь. Кроме того, я приобрел необходимый опыт в управлении звездолетом. Это оказалось неожиданно простым делом: достаточно было дать задание электронным приборам, и они сами производили все необходимые расчеты и направляли полет.

Наш сад доставлял нам немало радостей. Он занимал на корабле значительное место. Профессор Антель, помимо всего прочего, увлекался ботаникой и сельским хозяйством и, естественно, хотел проверить некоторые свои теории относительно развития растений в условиях космоса. Опытным участком ему служила кубическая оранжерея со сторонами в десять метров. Благодаря многочисленным стеллажам весь объем этого куба использовался полностью. Почва постоянно обновлялась химическими удобрениями, и не прошло и двух месяцев со дня отлета, как на грядках, к нашей радости, начали вызревать всевозможные овощи: с этого времени «космический огород» в изобилии поставлял нам здоровую свежую пищу. Но в заботах о полезном не было забыто и приятное: одну секцию оранжереи мы отвели под цветы, за которыми профессор ухаживал особенно любовно. Этот оригинал захватил с собой несколько птиц, бабочек и даже одну обезьяну, маленького шимпанзе; мы называли его Гектор, и он всю дорогу забавлял нас своими проделками.

Было совершенно очевидно, что наш мудрый профессор не слишком жаловал людей, хотя назвать его человеконенавистником я бы тоже не решился. Он часто говорил, что не ждет от рода человеческого большого проку, и, видимо, поэтому...

— Человеконенавистник? — снова не выдержав, переспросила Филлис. — Род человеческий?

— Если ты меня будешь прерывать на каждой фразе, мы никогда не доберемся до конца, — заметил Джинни. — Молчи и старайся, как я, хоть что-нибудь понять.

Филлис поклялась, что больше не откроет рта, пока Джинни не кончит читать, и сдержала свое слово.

...и, видимо, поэтому в огромном корабле, где могло бы разместиться множество семей, оказалась богатейшая коллекция всяческих растений, несколько животных, но всего три пассажира: сам Антель, его ученик Артур Левэн, молодой физик с большим будущим, и я, Улисс Меру, начинающий журналист, случайно встретившийся профессору во время очередного интервью. Уже тогда, узнав, что у меня нет семьи и что я довольно прилично играю в шахматы, великий ученый предложил мне принять участие в экспедиции. Для никому не известного журналиста это была неслыханная удача. Даже если мой репортаж удастся опубликовать только через восемьсот лет — а может быть именно поэтому! — он будет документом несравненной ценности. Я с восторгом согласился.

Итак, путешествие протекало без всяких происшествий. Единственным неудобством было увеличение тяжести во время разгона и во время торможения. Нам пришлось мириться с тем, что тела наши весили примерно в полтора раза больше, чем на Земле. Вначале мы быстро уставали, но вскоре привыкли и перестали обращать на это внимание. Между периодами ускорения и торможения мы находились в состоянии полной невесомости со всеми вытекающими отсюда странными и смешными последствиями, но это продолжалось всего несколько часов и не причинило нам никакого вреда.

И вот после долгих месяцев полета настал день,

когда мы с волнением увидели, что звезда Бетельгейзе приближается и растет на глазах.

Невозможно описать, какие чувства вызывает подобное зрелище. Звезда, которая вчера еще была безымянной сверкающей точкой,

одной из множества таких же безымянных точек, постепенно становилась ярче на черном фоне, вписывалась в пространство, обретая форму и размер. Сначала она была совсем маленькой сияющей горошиной, затем увеличилась и одновременно приобрела цвет, стала величиной с апельсин и, наконец, повисла в космической бездне, с виду такая же, как наше земное светило. Новое солнце родилось для нас, солнце чуть красноватое, как на Земле в предзакатные часы, и мы уже ощущали его тепло и его притяжение.

К тому времени звездолет сильно снизил скорость. Мы продолжали приближаться к Бетельгейзе до тех пор, пока звезда не заполнила весь экран, намного превысив размеры всех небесных тел, какие нам когда-либо приходилось созерцать. Впечатление было сказочное, потрясающее! Антель задал роботам новую программу, и мы начали вращаться вокруг сверхгигантской звезды. Затем профессор настроил астрономические приборы и приступил к наблюдениям.

Вскоре ему удалось обнаружить четыре планеты, вычислить их диаметры и орбиты, по которым они вращались вокруг центрального светила. Одна из этих планет, вторая по счету от Бетельгейзе, двигалась по орбите, близкой к земной. Она была примерно таких же размеров, что и Земля, на ней существовала атмосфера из кислорода и азота, и, находясь в тридцать раз дальше от Бетельгейзе, чем Земля от Солнца, она получала примерно такое же количество лучистой энергии, что и наша планета: последнее объяснялось, с одной стороны, размерами сверхгигантской звезды,

ГЛАВА

3

а с другой — ее сравнительно невысокой температурой.

Мы решили избрать эту планету первой целью наших исследований. Роботы получили новую программу, и звездолет быстро вышел на постоянную орбиту. Здесь, остановив двигатели, мы могли без спешки исследовать новый для нас мир. Внизу сквозь телескоп были видны моря и континенты.

Наш корабль был плохо приспособлен для посадок на планеты. Но для этого у нас были три ракетоплана гораздо меньших размеров, которые мы называли космическими катерами. В одном из них мы и разместились все трое, прихватив с собой кое-какую измерительную аппаратуру и Гектора: у шимпанзе, как и у всех нас, был свой особый скафандр, к которому он привык. Что касается звездолета, мы его просто оставили на постоянной орбите вблизи планеты. Там он находился в большей безопасности, чем корабль на якорной стоянке в порту, ибо мы знали, что роботы не позволят ему ни на йоту отклониться от заданного курса.

С нашим космическим катером сесть на планету такого типа было совсем нетрудно. Как только мы вошли в плотные слои атмосферы, профессор Антель взял образцы воздуха и подверг их анализу. Он нашел, что состав воздуха соответствует земному на данной высоте. Я не успел даже осознать всей многозначительности столь чудесного совпадения: планета быстро приближалась, и скоро мы были уже на высоте не более пятидесяти километров. Поскольку все маневры производились автоматами, мне оставалось лишь прижаться лицом к иллюминатору и созерцать этот неведомый мир, предвкушая ожидающие нас открытия. Сердце мое сжималось от восторга.

Планета была удивительно похожа на Землю. Это впечатление усиливалось с каждой секундой. Теперь я уже невооруженным глазом различал контуры материков. Воздух был голубой, прозрачный, чуть-чуть зеленоватый, а иногда его окрашивали оранжевые блики, как у нас в Провансе при заходе солнца. Океан тоже был голубоватый с зеленым оттенком. Очерта-

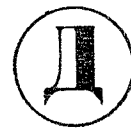
ния побережья отличались от всего, что я когда-либо видел на Земле, хотя я и старался отыскать какие-то аналогии: слишком уж много сходства было во всем остальном! Но увы, на этом аналогии кончались. География обоих полушарий планеты ничем не напоминала ни наш Старый, ни Новый Свет.

Ничем? Прошу прощения. Напоминала, и самым главным! Планета была обитаема. Мы пролетали над городом, и довольно большим, от которого во все стороны расходились дороги с деревьями по обочинам, а по дорогам бежали машины. Мне удалось в мгновение ока запечатлеть в памяти общий план города, широкие улицы, белые дома с высокими прямоугольными плоскостями стен.

Нам пришлось «приземлиться» вдалеке от этого места. Вначале мы летели над возделанными полями, затем над густым, слегка рыжеватым лесом, напоминающим наши экваториальные джунгли. Теперь мы уже достаточно снизились. Под нами появилось своего рода плато с довольно большой поляной, а дальше несколько хватал глаз простиралась пересеченная местность.

Начальник нашей экспедиции решил попытаться счастья и отдал электронным аппаратам последнее приказание. Заработали тормозящие ракеты. На несколько мгновений катер замер над поляной, как чайка, выматривающая добычу.

А затем, через два года после того, как мы покинули Землю, космический катер потихоньку снизился, и мы без единого толчка опустились на середину плато, прямо в траву, напоминающую травы наших нормандских равнин.

Довольно долго мы сидели молча и неподвижно. Такое поведение может показаться странным, но нам необходимо было собраться с силами и сосредоточиться. Мы пустились на рискованное предприятие, в тысячу раз более необычное, чем путе-

ГЛАВА

4

шествия первых земных мореходов, и мы хотели подготовиться к встрече с тем неведомым миром, о котором из поколения в поколение мечтали поэты, грезившие межзвездными перелетами.

Если говорить о чудесах, то самое чудесное заключалось в том, что мы без всяких приключений опустились на траву планеты, где были, как у нас, океаны, горы, леса, поля, города и, разумеется, обитатели. Однако, учитывая, что, прежде чем приземлиться, наш комический катер пролетел над джунглями довольно значительное расстояние, следовало полагать, что отсюда до цивилизованных районов было далеко.

Наконец мы опомнились. Облачившись в скафандры, осторожно приоткрыли иллюминатор катера. Ни малейшего дуновения. Между внутренним и внешним атмосферным давлением не было никакой разницы! Лес окружал поляну, подобно стенам крепости. Он оставался недвижим, безмолвен — ничто не нарушало покоя. Было довольно жарко, но терпимо: около двадцати пяти градусов по Цельсию.

Мы вышли из катера вместе с Гектором. Для начала профессор Антель решил более подробно исследовать атмосферу. Результат анализа был обнадеживающим: состав воздуха оказался таким же, как на Земле, за исключением не совсем точной пропорции редких газов. Тем не менее мы решили на всякий случай сделать опыт на нашем шимпанзе.

Когда Гектора освободили от скафандра, он был счастлив и не испытывал ни малейшего недомогания. Наоборот, очутившись на твердой почве, он словно опьянел. Сделав несколько уморительных прыжков, наш шимпанзе бросился к лесу, взлетел на дерево и помчался дальше, перепрыгивая с ветки на ветку. Вскоре он затерялся в листве и исчез, несмотря на все наши призывные жесты.

Тогда мы тоже сняли скафандры, чтобы свободнее переговариваться. Звуки наших голосов почему-то смущали нас; не без робости обошли мы вокруг нашего

космического катера, не осмеливаясь от него удаляться.

Было совершенно очевидно, что мы очутились на планете, которая могла бы быть сестрой-двойняшкой нашей Земли. Здесь существовала жизнь. Растительное царство было особенно пышным: отдельные деревья достигали в высоту более сорока метров. А вскоре мы заметили и первых представителей царства животных: крупные черные птицы парили в небе, словно наши коршуны, а другие, помельче, весьма похожие на попугаев, с пискom гонялись друг за другом. Как я уже сказал, еще до посадки мы обнаружили признаки цивилизации. Разумные существа — мы пока не осмеливались называть их людьми — изменили облик планеты. Однако здесь, вокруг нас, лес казался необитаемым. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: если бы мы случайно свалились с неба где-нибудь в сердце азиатских джунглей, нас бы тоже поразили дикость и безлюдье.

Прежде чем что-либо предпринимать, нам хотелось дать планете имя, и мы назвали ее Сорора* — за поразительное сходство с Землей.

После этого решено было, не теряя времени, приступить к разведке, и вот мы все трое двинулись в глубь леса по своего рода естественной тропке. Я и Артур Левэн были вооружены карабинами. Что же касается профессора, то он с презрением относился к любому оружию, кроме интеллектуального. Мы шагали удивительно легко и быстро, но вовсе не потому, что сила тяготения была здесь меньше, — даже в этом Сорора ничем не отличалась от Земли, — просто, обретенный нормальный вес после чуть ли не удвоенного, к которому мы привыкли на корабле, мы готовы были прыгать и скакать как козлята.

Мы продвигались цепочкой, друг за другом, окликая время от времени Гектора, но тот по-прежнему не появлялся. Вдруг Левэн — он шел впереди — остановился и подал нам знак, чтобы мы прислушались.

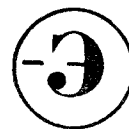
* Sorog — сестра (латин.).

Действительно, откуда-то доносились звуки, похожие на шум водопада. Мы двинулись в этом направлении, и вскоре шум падающих струй сделался явственнее и громче. Это действительно оказался водопад. Завидев его, мы все трое поразились красоте зрелища, которым нас встречала Сорора. С вершины скалистого обрыва срывался чистый, прозрачный, как наши горные ключи, поток, многометровым каскадом устремлялся вниз по склону и разбивался о камни в середине небольшого озера, поверхность которого горела и переливалась всеми цветами радуги, отражая свет гигантской Бетельгейзе, достигшей к тому времени зенита.

Озеро настолько походило на природный бассейн для купания с галечными и песчаными пляжиками, а вода выглядела так соблазнительно, что мы с Левэном сразу подумали об одном и том же. И действительно, становилось жарко. Сбросив одежду, мы хотели сразу нырнуть в озеро головой вниз, однако профессор Антель остановил нас, заметив, что едва опустившись на неведомую планету в системе Бетельгейзе, следует действовать с большей осмотрительностью. А что, если это не вода вовсе, а какая-нибудь неизвестная жидкость, может быть даже ядовитая? Он сам приблизился к берегу, сел на корточки, присмотрелся, припнулся и осторожно опустил в озеро палец. Потом он зачерпнул немножко подозрительней влаги в ладонь и, наконец, попробовал ее на вкус кончиком языка.

— Пожалуй, это не что иное, как обыкновенная вода, — пробормотал профессор Антель.

Он наклонился вперед, чтобы еще раз погрузить руку в озеро, и вдруг замер, словно окаменев. Затем с уст его сорвался вопль изумления, и профессор показал пальцем на след, обнаруженный им на песке. Более сильного потрясения я, кажется, не испытывал за всю свою жизнь! Над нашими головами пылала огромная, как гигантский багровый диск, Бетельгейзе, а здесь, перед нами, на узкой полоске сырого песка совершенно ясно вырисовывался четкий след человеческой ноги.

Глава 5
то след женской ноги, — убежденно сказал Артур Левэн. Столь решительное заявление, сделанное сдавленным от волнения голо-

сом, несколько меня не удивило. Скорее оно выразило мои собственные чувства. Изящество, тонкость и поразительная красота отпечатка на песке глубоко меня тронули. В том, что это след человеческой ноги, не было никаких сомнений. Возможно, здесь прошел юноша или мужчина маленького роста, но гораздо вероятнее — и я в это сразу уверовал всей душой, — здесь побывала женщина.

— Вот как, значит, Сорора населена людьми, — пробормотал профессор Антель.

В голосе его прозвучала нотка разочарования, неприятно резанувшая слух. Профессор привычно пожал плечами и вместе с нами принялся обследовать песчаный берег озера. Мы нашли еще несколько следов, явно оставленных тем же самым существом. Вскоре удалившийся от воды Левэн обнаружил один отпечаток на сухом песке. И этот след был еще влажным!

— Она была здесь меньше пяти минут назад! — воскликнул молодой физик. — Она здесь купалась, услышала наши голоса и убежала.

То, что это могла быть только женщина, стало для нас непреложным фактом. Затаив дыхание мы начали всматриваться в лесную чащу, но там даже ветка не шелхнулась, даже сучок не треснул.

— У нас еще будет время для знакомства, — проговорил профессор Антель, снова пожимая плечами. — Но если человеческое существо купалось в этом озере, значит и мы можем освежиться, ничего не опасаясь.

И без дальнейших церемоний почтенный ученый начал сбрасывать одежду, обнажая худощавое тело; разоблачившись, он сразу полез в озеро. После долгого перелета вода показалась нам такой восхитительно свежей, такой бодрящей, что, погрузившись в нее, мы почти забыли о нашем открытии. Один Артур Левэн сохранял задумчивый и как бы отсутствующий меланхолический вид. Я уже хотел поддразнить его, как

вдруг увидел женщину, стоявшую прямо над нашими головами на скалистом обрыве, с которого низвергался водопад.

Никогда не забуду впечатления, произведенного на меня этим зрелищем. При виде сказочной красоты сей дочери Сороры, представшей передо мной в сверкающей радуге брызг под кровавыми лучами Бетельгейзе, у меня перехватило дыхание. Это была, несомненно, женщина, скорее даже юная девушка, если только не сама богиня горного потока. Совершенно нагая, она не таила своих дерзких чар перед ликом чудовищного солнца: единственным нарядом ей служили довольно длинные, ниспадающие на плечи волосы. Разумеется, мы не видели женщин два долгих года, и нам не с кем было ее сравнить, и тем не менее никто из нас не считал себя жертвой миража. Мы сразу поняли, что у этой незнакомки, неподвижно замершей на скале, подобно статуе на пьедестале, была самая идеальная фигура, какую только могли бы себе представить скульпторы Земли. От восхищения мы с Левэном боялись вздохнуть, и даже сам профессор Антель, как мне кажется, был растроган.

Чуть пригнувшись, с устремленной к нам грудью и слегка отведенными назад руками, она стояла там словно ныряльщица, готовая кинуться в воду, и казалась столь же изумленной, как и мы. Сначала я был так поражен, что не сразу разглядел ее детально: меня загипнотизировал общий абрис ее тела. Лишь несколько мгновений спустя я осознал, что она принадлежит к белой расе, ибо кожа ее казалась скорее позлащенной, чем смуглой, что она довольно высока — впрочем, не слишком — и очень стройна. Затем я увидел ее чистое лицо — лицо, которое может присниться лишь в самом чудесном сне. И наконец, я встретился с нею взглядом.

В это мгновение внимание мое было напряжено, присущая мне наблюдательность была обострена до предела, и — я содрогнулся. Ибо в ее взгляде я прочел нечто совершенно необычное. Мы ко всему гото-

вились, стремясь к столь удаленным мирам, но сейчас я не мог понять, а тем более определить, в чем именно заключалась эта странность. Я чувствовал только, что наше восприятие реальности диаметрально противоположно. И это не зависело от цвета ее глаз, хотя серый цвет их имел довольно редкий на Земле оттенок. Странность заключалась в их выражении. Они были пустыми, в них отсутствовала всякая мысль или чувство, и они напоминали мне глаза одной несчастной умалишенной, которую мне пришлось когда-то видеть. Но нет! Это не были глаза умалишенной! В них было нечто более страшное, чем безумие.

Когда она заметила, что за ней самой наблюдают, то есть в то мгновение, когда мой взгляд встретился с ее взглядом, она вдруг автоматически отвернулась, как будто ее что-то ударило, и это было похоже на движение испуганного зверька. В нем не было ничего от жеста девственницы, чье целомудрие оскорблено. И у меня возникла уверенность, что подобное чувство скромности ей было вообще неизвестно. Просто ее глаза не могли или не хотели встречать взгляд моих глаз. Повернув голову в сторону, она теперь искоса поглядывала на нас.

— Я же говорил вам, что это женщина, — пробормотал Артур Левэн.

Он произнес эти слова голосом, еле слышным от волнения, почти шепотом, и тем не менее девушка на скале его услышала. Голос молодого физика произвел на нее неожиданное впечатление: она отпрянула, и так быстро, что движения ее напомнили мне рефлекс испуганного животного, готового обратиться в бегство. Но, сделав два-три шага назад, когда почти все тело ее скрылось за утесом, она остановилась. Теперь я различал только ее лоб и один внимательный, следивший за нами глаз.

Мы боялись шевельнуться, опасаясь, что при первом же нашем движении она исчезнет. И наше поведение ее успокоило. Через некоторое время она снова появилась на краю обрыва. Однако слишком взволнованный Левэн, самый молодой из нас, не смог сдержать своих чувств.

— Я в жизни ничего подобного... — начал он и тут же осекся, поняв свою неосторожность.

Богиня водопада опять отскочила и спряталась, словно испуганная звуками человеческой речи.

Тогда профессор Антель подал нам знак умолкнуть и принялся плескаться в озере, как бы не обращая ни на что внимания. Мы последовали его примеру, и вскоре наша тактика увенчалась успехом. Но успехом довольно странным.

Нимфа водопада не только приблизилась к озеру, но и начала проявлять к нашим заплывам и ныркам восторженный интерес, еще более возбуждивший наше любопытство.

Вы когда-нибудь видели, как щенок на пляже следит за своим кунающимся хозяином? Ему до смерти хочется последовать за ним, но он боится. Сначала он бросается вперед, потом назад, убегает от воды, возвращается, трясет ушами, машет хвостом, встряхивается. Вот точно так же вела себя наша богиня водопада.

И вдруг мы услышали ее голос! Однако звуки, слетевшие с ее уст, лишь усугубили наше впечатление о каком-то звере. В это мгновение она стояла на самом гребне скалистого обрыва и, казалось, была готова нырнуть в озеро. На какой-то миг она перестала метаться, словно щенок. Она открыла рот. Я в это время стоял немного в стороне и незаметно мог ее наблюдать, не будучи видимым. Я думал, что сейчас она нам что-нибудь скажет, крикнет. Я ждал ее призыва. Я был готов услышать слова самого примитивного языка, но только не те странные звуки, которые вылетели из ее горла. Именно из горла, ибо ни рот, ни язык не могли бы произвести тот писк или мяуканье, говорившее о восторге молодого зверька, которое мы слышали. Подобные звуки испускают в наших зоологических садах лишь молодые не в меру разыгравшиеся шимпанзе.

Изю всех сил делая вид, что не обращаем на нее внимания, мы продолжали плескаться в озере, и, наконец, она решилась. Сначала присев, она начала спускаться к нам, опираясь руками о камни. Нас поразило изящество ее движений. Ее позлащенное солнцем тело,

удивительно стройное, изгибалось, как бы повторяя все углы склона, а нам, сквозь тонкое зеркало водопада, оно вообще казалось феерическим в ореоле брызг и радуги. Мгновенно преодолев головокружительный спуск, где приходилось цепляться за едва заметные выступы, она очутилась на самом берегу озера и присела на плоский камень, поджав ноги. Несколько мгновений она разглядывала нас, потом нырнула и поплыла к нам без всякой опаски.

Мы поняли, что ей хочется с нами порезвиться, и продолжали плавать туда и обратно — это ее особенно прельстило! — избегая движений, которые могли бы ее напугать. И в конце концов началась игра, правила которой, сама того не сознавая, установила эта нимфа водопада. Поистине странная игра, напоминающая игры тюленей в бассейне, когда животные гоняются один за другим и неожиданно обращаются в бегство в то самое мгновение, когда они, казалось бы, вот-вот коснутся друг друга. Все это было, конечно, ребячеством, но чего бы мы не сделали, чтобы приручить прекрасную незнакомку! Я заметил, что даже профессор Антель с нескрываемым удовольствием принимал участие в нашей игре.

Наши водные забавы продолжались довольно долго, и мы уже начали уставать, когда меня вдруг поразило странное, я бы даже сказал, нелепое в данных обстоятельствах выражение лица незнакомки: оно было абсолютно серьезным. Девушка с удовольствием плескалась с нами, явно забавлялась ею же предложенной игрой, и тем не менее улыбка ни разу не мелькнула даже на ее губах. Вот уже несколько минут я испытывал какое-то тягостное чувство, но не мог его объяснить, и теперь, поняв, с облегчением вздохнул: она не смеялась и не улыбалась, лишь время от времени из горла ее вырывалось негромкое повизгивание, которым она выражала свою радость.

Я решил сделать опыт. Девушка плыла ко мне, быстро загребая воду руками и ногами, как плавают собаки, и ее распущенные волосы стелились за ней, словно хвост кометы. Когда она приблизилась, я посмотрел ей прямо в глаза и, пока она не успела отвер-

нуться, широко улыбнулся со всей нежностью, со всем дружелюбием, на какие только был способен.

Результат меня поразил. Девушка замерла, встала ногами на дно — в этом месте вода едва доходила ей до пояса — и, словно защищаясь, выставила вперед скрюченные пальцы с длинными ногтями. Потом она повернулась и бросилась на берег. Здесь она наполовину обернулась и снова замерла, как и тогда, на вершине обрыва, настороженно поглядывая на нас, будто зверек, почуявший опасность. Возможно, она бы вновь прониклась к нам доверием, потому что улыбка тотчас сбежала с моего лица и я снова принялся плавать туда и сюда с самым невинным видом. Но тут новое происшествие встревожило ее еще сильнее. Мы услышали в зарослях какой-то шум, а затем перед нами появился наш приятель Гектор. Перепрыгивая с ветки на ветку, он спустился на землю и заковылял к озерцу, радуясь, что наконец-то сумел нас отыскать. Я был потрясен, заметив, как при виде обезьянки лицо красавицы исказила хищная гримаса ярости и непередаваемого ужаса. Она вся сжалась, буквально слившись с камнями, мускулы ее напряглись, ноги подогнулись, как для прыжка, а пальцы скрючились, словно она выпустила когти. И все это из-за маленькой смешной обезьянки, которая спешила позабавить нас своими ужимками!

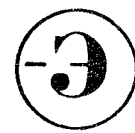
Дальнейшее произошло мгновенно. Когда Гектор, не замечая девушки, поравнялся с ней, та распрямилась, словно пружина, и прыгнула. Руки ее сомкнулись на шее шимпанзе, а ноги тисками обхватили его тельце, так что он не мог шевельнуться. Нападение было настолько внезапным, что мы не успели вмешаться. Гектор слабо дернулся и замер. Через несколько секунд, когда девушка его отбросила, он был уже мертв. Это лучезарное создание — в романтическом порыве я назвал ее Нова, ибо красоту ее можно было сравнить лишь с ослепительной звездой, — так вот, эта восхитительная нимфа просто-напросто задушила безобидного, ручного зверька.

Когда мы, наконец, вышли из оцепенения и бросились Гектору на помощь, было уже поздно. Нова по-

вернулась к нам и опять вытянула вперед руки, словно собираясь в нас вцепиться; верхняя губа ее приподнялась, обнажив клыки. Вид у нее был настолько свирепый, что мы замерли на месте. Затем она испустила вопль, который можно было принять за песнь торжества или крик ярости, и бросилась в чашу. Через мгновение ее золотистое тело, мелькнув в последний раз между кустов, скрылось из глаз, и мы вновь остались одни среди безмолвного, таинственного леса.

ГЛАВА

6

то дикарка! — произнес я наконец. — Может быть, она принадлежит к какому-нибудь отсталому племени? Вроде тех, что еще уцелели в Новой Гвинее или в лесах Африки? Впрочем, все это я говорил без особой уверенности. И Артур Левэн сразу же меня осадил. У каких это примитивных племен видел я подобное совершенство форм и гармоничность движений, спросил он чуть ли не со злобой. И я не нашелся, что ему ответить: он был тысячу раз прав. Профессор Антель казался погруженным в глубокое раздумье, однако он слышал весь наш разговор.

— Даже у самых примитивных племен Земли есть язык, — заметил он. — А эта... дикарка не знает речи.

Мы обшарили окрестности озера, но не нашли никаких следов незнакомки. Тогда мы вернулись на большую поляну к нашему космическому катеру. Профессор Антель хотел сразу взлететь, чтобы опуститься в более цивилизованном районе. Однако Левэн предложил подождать хотя бы двадцать четыре часа и попытаться установить контакт с обитателями джунглей. Я поддержал его предложение, и в конце концов оно было принято. Мы не решались друг другу признаться, что нас удерживала здесь надежда еще раз увидеть прекрасную незнакомку.

День закончился без происшествий. Наступил час заката, и мы залюбовались уходящей за горизонт гигантской Бетельгейзе: человеческое воображение не

в силах представить более фантастического и грандиозного зрелища. Но потом мы ощутили, что вокруг нас что-то изменилось. Джунгли наполнились таинственными звуками и шорохами. Нам чудилось, что невидимые существа отовсюду следят за нами сквозь листву. Впрочем, ночь прошла спокойно: мы заперлись в нашем катере и поочередно дежурили до утра. На рассвете неприятное ощущение слежки усилилось, мне даже показалось, что из лесу доносятся короткие пронзительные крики, вроде тех, что мы слышали накануне от Новы. Мы воображали, что лес кипит неведомыми созданиями, но ни одно из них так и не появилось.

Немного позднее мы решили еще раз сходить к водопаду. Всю дорогу нас не оставляло гнетущее чувство, что какие-то существа неотступно следят и следуют за нами, не решаясь, однако, показаться нам на глаза. Но ведь вчера еще Нова нас не боялась!

— Наверное, их пугает наша одежда, — проговорил вдруг Артур Левэн.

Меня словно осенило! Я отчетливо вспомнил, как Нова, задушив бедную обезьянку, бросилась бежать и внезапно замерла перед нашей сваленной в кучу одеждой. Затем она шарахнулась в сторону, как пугливая лошадь, и скрылась.

— Сейчас посмотрим! — сказал я.

И вот, раздевшись догола, мы, как и прошлый раз, бросились в озеро и принялись беспечно резвиться, делая вид, что не обращаем внимания на окружающее.

Уже испытанная уловка привела к ожидаемому результату. Через несколько минут мы заметили девушку на скалистом обрыве, хотя и не слышали, как она туда пробралась. Тем более что теперь она была не одна. Рядом с ней стоял совершенно голый мужчина, сложенный точно так же, как люди Земли. Он был уже в летах, но отдельные черты его настолько напоминали лицо нашей богини, что я принял его за ее отца. Как и она, он рассматривал нас с тревогой и недоумением.

Постепенно мы обнаруживали и других людей. Их оказалось много. Продолжая сохранять наигранное безразличие, мы следили, как они выскальзывали из лес-

ной чащи и приближались к озеру со всех сторон. Все они, мужчины и женщины, представляли собой превосходные образчики человеческой породы, прекрасно сложенные, с золотистой кожей. Вскоре мы оказались в кольце до предела возбужденных жителей Сороры, которые взволнованно жестикулировали в полной тишине, лишь изредка коротко вскрикивая.

Мы были окружены и уже начинали беспокоиться: эпизод с несчастным Гектором невольно настораживал. Однако в поведении людей не было ничего угрожающего: видимо, их, так же как и Нову, просто заинтересовали наши водные забавы.

Так оно и оказалось! Вскоре Нова, которую я уже считал нашей старой знакомой, бросилась в озеро, а за ней после более или менее продолжительных колебаний последовали и остальные. Теперь люди были в воде, и мы возобновили нашу вчерашнюю игру, гоняясь друг за другом, словно тюлени. Разница заключалась только в том, что сегодня вокруг нас плескалось и фыркало по крайней мере два десятка непонятных существ, чьи серьезные лица удивительно не вязались с их ребячливым поведением.

Прошло четверть часа, и эта игра начала мне надоедать. Неужели мы стремились сквозь бездны космоса к Бетельгейзе ради мальчишеских забав? Мне стало совестно перед самим собой, и я еще больше огорчился, когда заметил, что наш мудрый профессор Антель предается этой детской игре с видимым удовольствием. Впрочем, что нам еще оставалось делать? Вряд ли кто-нибудь может представить, как трудно установить контакт с существами, которые не знают, что такое речь и что такое улыбка. Тем не менее я попытался это сделать. Я начал жестикулировать, стараясь вложить в каждый жест определенное значение. С самым дружеским видом я складывал руки на груди. Я кланялся наподобие китайцев. Я посылаю воздушные поцелуи. Но все мои старания оставались без ответа. Ни одной искры понимания не зажглось в глазах этих созданий.

Во время перелета мы не раз обсуждали возможность встречи с новыми существами. Мы представляли

себе всяких бесформенных чудищ, совершенно непохожих на людей, но всегда исходили из предположения, что у этих чудищ обязательно должен быть разум. А здесь, на Сороре, мы столкнулись с непредвиденным. Все оказалось опрокинутым: нам встретились люди, абсолютно похожие на нас физически, но, по всей видимости, лишенные даже зачатков ума. Только так и можно было истолковать пустой взгляд Новы, поразивший меня при первой встрече. И теперь я видел то же самое в глазах ее соплеменников: полное отсутствие сознания, мысли, души.

Их интересовала только игра. И к тому же игра самая глупая, самая примитивная! Решив немного ее усложнить — совсем немного, чтобы они могли к нам присоединиться, — мы образовали круг и, стоя по пояс в воде, завели что-то вроде хоровода, одновременно поднимая и опуская руки, как это делают маленькие дети. Но это никого не увлекло. Большинство людей просто отплыло подальше, а остальные уставились на нас с таким безнадежно тупым, бессмысленным видом, что мы были ошеломлены.

Очевидно, потрясение оказалось слишком сильным, во всяком случае, оно едва не привело к катастрофе. Когда мы, наконец, осознали, что трое солидных мужчин, один из которых — ученый с мировым именем, взявшись за руки, ведут, как дети, хоровод под насмешливым оком Бетельгейзе, нервы наши не выдержали. Мы столько времени старались сохранить серьезность, эти четверть часа были такими напряженными, что теперь последовала разрядка. Мы хохотали как сумасшедшие, держась руками за животы, мы сгибались от смеха пополам, мы задыхались и никак не могли успокоиться.

И только этот невольный взрыв нашего дурацкого веселья вызвал, наконец, у людей Сороры ответную реакцию. Однако совсем не ту, на которую мы надеялись. Словно шквал пронесся над озером! Люди бросились от нас во все стороны в такой панике, что в иных условиях это показалось бы смешным и нелепым. Через несколько мгновений мы остались в воде одни. Дрожь от страха и ярости, люди Сороры стол-

пились на берегу в дальнем конце озера; одни испуганно вскрикивали, другие угрожающе размахивали руками. На лицах их была написана такая злоба, что мы с Левэном испугались и начали подбираться к оружию. Только мудрый Антель сохранил спокойствие и шепотом убедил нас не только не стрелять, но и не хвататься за ружья, пока эти люди держатся от нас в отдалении.

Не спуская с них глаз, мы начали торопливо одеваться. Но едва мы успели натянуть брюки, как возбуждение дикарей перешло чуть ли не в истерию. Похоже было, что зрелище одетых людей было им невыносимо! Некоторые обратились в бегство, остальные устремились к нам, выставив вперед руки с угрожающе скрюченными пальцами. Я схватил карабин. И как ни удивительно, эти тупые существа, видимо, поняли значение моего жеста: они бросились бежать и мгновенно затерялись среди деревьев.

Мы поспешили вернуться к нашему космическому катеру. Всю обратную дорогу меня ни на секунду не оставляло неприятное чувство, что за мной следят: люди Сороры неслышно и незримо шли за нами по пятам.

Нападение было настолько неожиданным, что о защите нечего было и думать. Мы уже подходили к поляне, когда люди Сороры, словно стая волков, выскочили из чащи и набросились на нас, прежде чем мы успели вскинуть ружья.

Самое любопытное в этом нападении заключалось в том, что оно, собственно, было направлено не против нас. Я сразу это почувствовал, и моя догадка тут же подтвердилась. Я интуитивно знал, что никого из нас не ожидает печальная участь Гектора. Люди покушались вовсе не на нашу жизнь, а только на нашу одежду и предметы снаряжения. Мгновенно нас прижали к земле. Десятки рук лихорадочно расшвыривали во все стороны ружья, патроны, содержимое рюкзаков,

сдирали с нас брюки, рубашки и тут же рвали их на клочки. Сообразив, что именно вызывает ярость нападающих, я перестал сопротивляться и в результате отделался несколькими случайными царапинами. Антель и Левэн последовали моему примеру, и никто не был ранен. Вскоре мы остались в чем мать родила посреди толпы таких же голых мужчин и женщин. Сразу успокоившись, они принялись резвиться вокруг нас, однако не позволяя нам удалиться ни на шаг. Бежать было невозможно.

Теперь на опушке леса собралось не меньше сотни этих странных людей. Одни окружили нас, другие устремились к космическому катеру и принялись его опустошать с такой же яростью, с какой только что рвали нашу одежду. С отчаянием смотрел я, как они калечат бесценную аппаратуру, но в то же время мысль моя продолжала работать, и, мне кажется, я уловил главное: этих людей приводили в ярость предметы! Все искусственно изготовленное вызывало у них неистовую злобу и одновременно страх. Едва им в руки попадался какой-либо инструмент, они его разбивали, расплющивали или ломали и тотчас отбрасывали подальше, словно это было раскаленное железо, а если и хватали снова, то лишь для того, чтобы доломать окончательно. Мне они напоминали мангуст, нападающих на змей, или кошек, которые сражаются с крысами: большая крыса, даже полумертвая, все еще может быть опасной. Я уже отметил про себя любопытный факт, что с нами они справились голыми руками, не пользуясь никаким оружием, даже палкой.

В бессильном отчаянии наблюдали мы, как люди Сороры грабят наш катер. Дверь быстро уступила перед их натиском. Они бросились внутрь и разрушили, разбили все, что только могло быть разбито и разрушено, в частности все ценные навигационные приборы, обломки которых усеяли поляну. Этот разгром длился довольно долго. Наконец, когда от катера остался только металлический корпус, грабители успокоились и вернулись к нам. Подталкивая и дергая за руки, дикари влекли нас за собой в лесную чащу.

Положение наше становилось все более и более отчаянным. Ограбленные, раздетые, обезоруженные, мы были вынуждены чуть ли не бежать вместе со всей стаей, не имея возможности ни перебраться словом, ни даже пожаловаться. Всякая попытка заговорить вызывала такую угрожающую реакцию, что нам пришлось замкнуться в тоскливом молчании. А ведь нас окружали люди, такие же, как и мы! Одень их, причеши как следует, и у нас на Земле никто даже не обратил бы на них внимания. Правда, все женщины были красивы. Однако с блистающей красотой Новы даже они не могли сравниться.

А Нова следовала за нами по пятам. Всякий раз, когда меня начинали подгонять слишком уж грубо и бесцеремонно, я оборачивался к ней в надежде уловить на ее лице сочувствие, и однажды мне это, кажется, удалось. Впрочем, возможно, я принимал желаемое за действительное. Едва мои глаза встречались с ее глазами, она тотчас отводила взгляд и лицо ее не выражало ничего, кроме искреннего недоумения.

Наш крестный путь продолжался много часов. Я едва не падал от усталости, ноги мои кровоточили, все тело было исцарапано колючими ветками, между которыми люди Сороры проскальзывали, как змей, без всякого для себя вреда. Товарищи мои были не в лучшем состоянии. Профессор Антель уже спотыкался на каждом шагу, когда мы, наконец, добрались до цели этого сумасшедшего путешествия. Лес поредел, заросли кустарника сменились полянами с невысокой травой. Здесь наши милые проводники оставили нас и, словно забыв о нашем существовании, вновь принялись гоняться друг за другом между деревьями — похоже, это было единственным их занятием в жизни. Что же до нас, то мы все трое свалились от усталости на траву и воспользовались передышкой, чтобы пенотом пошепчатся.

Левэн и я были на грани безысходного отчаяния; понадобилась вся философская мудрость нашего патрона, чтобы нас приободрить. Уже вечерело. Мы, конечно, могли воспользоваться беспечностью дикарей и бежать, но куда? Даже если бы нам удалось найти об-

ратную дорогу и добраться до катера, все равно это нам ничего бы не дало. Разумнее было остаться здесь и постараться умиловить этих непостижимых людей. К тому же нас начинал мучить голод.

Мы поднялись и нерешительно побрели по лесу. Люди продолжали бездумно резвиться, не обращая на нас никакого внимания. Только Нова, по-видимому, о нас не забыла. Она последовала за нами, держась на некотором отдалении и отворачивая голову всякий раз, когда мы оглядывались. Поблуждав немного по поляне, мы обнаружили, что находимся в своего рода становище, только вместо хижин здесь прямо на земле или в развилках нижних ветвей были устроены из хвороста какие-то примитивные гнезда, вроде тех, которые делают крупные обезьяны в наших африканских лесах. Некоторые гнезда были заняты. Мужчины и женщины дремали в гнездах поодиночке или парами, тесно прижавшись друг к другу или свернувшись калачиком, как собаки в холодную погоду. В более крупных гнездах помещались целые семьи: мы заметили спящих там детей, которые мне показались на диво крепкими и красивыми.

Однако все это никак не разрешало проблемы питания. Правда, под одним из деревьев мы заметили семью, приступившую к трапезе, но их пища не могла нас соблазнить. Зубами и ногтями, без помощи всяких инструментов они раздирали на части тушу какого-то крупного животного, похожего на оленя. Отрывая кровавые куски, люди Сороры отправляли их прямо в рот, выплевывая обрывки шкуры. Вообще на всей поляне мы не нашли ни одного очага.

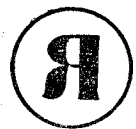
Вид этого пиршества вызывал тошноту. К тому же выяснилось, что никто и не собирается нас угощать. Напротив! Едва мы приблизились на несколько шагов к пирующей семейке, как угрожающее ворчанье заставило нас поспешно отступить.

Но тут нам помогла Нова. Возможно, она в конце концов поняла, что мы голодны, но я в этом не уверен. Могла ли она вообще хоть что-нибудь понять? Не знаю. Скорее всего просто она сама проголодалась. Во всяком случае, Нова приблизилась к высокому де-

реву, обхватила ствол руками и ногами и, быстро подтягиваясь, добралась до нижних ветвей. Она исчезла в листве, и вскоре оттуда градом посыпались плоды, весьма похожие на бананы. Затем Нова спустилась на землю и принялась уплетать эти бананы, искоса поглядывая на нас. После недолгих колебаний мы рискнули последовать ее примеру. Плоды оказались довольно вкусными, и нам удалось утолить голод. Нова только смотрела, не протестуя. Мы напились из ручья и решили, что здесь и заночуем.

Каждый выбрал себе местечко, где можно было соорудить такое же гнездо, как у людей Сороры. Нова заинтересовалась нашей работой настолько, что даже приблизилась ко мне и помогла сломать одну особенно упрямую ветку. Это меня растрогало, а юного Левэна, видимо, разозлило, потому что он повалился прямо на траву и повернулся к нам спиной. Что же касается профессора Антеля, то он давно уже спал, сломленный усталостью.

Я замешкался, стараясь получше устроить свое ложе. Нова продолжала за мной наблюдать со стороны. Когда я тоже, наконец, улегся в гнезде, она сначала заколебалась, но затем подошла ко мне неуверенными мелкими шажками. Я замер, боясь ее испугать. И вот она улеглась со мной рядом. Я лежал не шевелясь. В конце концов она доверчиво прижалась ко мне, и теперь мы ничем не отличались от остальных устроившихся на ночь парочек этого странного племени. Но в то время, несмотря на все очарование Новы, я не мог на нее смотреть как на женщину. Да и вела она себя словно ласковое домашнее животное, которому хочется согреться рядом с хозяином. Мне тоже была приятна теплота ее тела, но никакого желания она во мне не возбуждала. В конце концов я так и заснул в том же неловком положении, прижавшись к этому поразительно красивому и невероятно глупому существу. Я был так измучен, что едва удостоил взглядом даже выглянувший из-за деревьев ночной спутник Сороры, менее крупный, чем наша Луна, однако заливающий джунгли довольно ярким желтоватым сиянием.

Я проснулся, когда небо в просветах между ветвями уже побледнело. Нова еще спала. Я безмолвно залюбовался ею, но, вспомнив, как жестоко она обошлась с нашей бедной обезьянкой, только вздохнул. Мало того — все наши несчастья начались из-за этой красавицы. Ведь это она сообщила о нас своим соплеменникам! Но я не мог на нее злиться, покоренный гармоничной красотой ее тела.

Внезапно Нова зашевелилась и подняла голову. Ужас мелькнул в ее глазах, я почувствовал, как все мускулы ее напряглись. Однако моя неподвижность успокоила Нову, и постепенно лицо ее смягчилось. Видимо, она кое-что помнила. И впервые ей удалось на мгновение выдержать мой взгляд. Я это расценил как личную победу и, совершенно позабыв, какое впечатление производят на людей Сороры земные выражения дружелюбия, улыбнулся Нове.

К счастью, на сей раз реакция ее оказалась не столь бурной. Девушка задрожала и вся напряглась, словно перед прыжком, однако осталась неподвижной. Ободренный успехом, я улыбнулся еще шире. Она снова вздрогнула, но потом успокоилась, и под конец лицо ее не выражало ничего, кроме безмерного удивления. Неужели мне удалось ее приручить? Осмелев, я положил ей руку на плечо. Дрожь пробежала по ее телу, но она по-прежнему не шевелилась. Успех опьянил меня, однако я пришел в совершенный восторг, когда заметил, что Нова пытается мне подражать.

Да, это было именно так! Она старалась улыбнуться! О том, какого это ей стоило труда, я догадался, заметив, как судорожно сокращаются мускулы ее прелестного лица. Она сделала несколько попыток, но в результате сумела соорудить только некое подобие болезненной гримаски. В ее мучительных усилиях передать такое простое, но для нее недоступное человеческое выражение было что-то глубоко волнующее. Я вдруг почувствовал, как во мне все перевернулось и душу мою захлестнула волна жалости, словно передо мной был прекрасный, но неполноценный ребенок-ка-

лека. Я ласково сжал ее плечо, склонился к ней, легко коснулся ее губ... В ответ она потерлась носом о мой нос и лизнула меня в щеку.

В совершенной растерянности я не знал, что дальше делать. На всякий случай я повторил ее жест, хотя у меня это вышло не очень ловко. В конечном счете мы были здесь пришельцами, чужаками, значит нам придется перенимать обычаи великой планетной системы Бетельгейзе. Нова казалась удовлетворенной, но дальше этого наше сближение не пошло. Опасаясь, как бы мои земные манеры не привели меня к какому-нибудь непростительному промаху, я мучительно раздумывая, что бы еще предпринять, когда ужасающий грохот и звон заставили нас мгновенно вскочить на ноги.

Ошеломленные, мы стояли в лучах восхода рядом с двумя моими товарищами, о которых я едва не забыл, как самый последний эгоист. Нова, словно обезумев, заметалась из стороны в сторону. Впрочем, я сразу понял, что этот грохот был страшной неожиданностью не только для нас, но и для всех лесных жителей. Люди выпрыгивали из своих гнезд и беспорядочной толпой носились туда и сюда по поляне. И это уже не было игрой, как накануне: в их криках звучал непомерный ужас.

От этого грохота, внезапно разорвавшего тишину джунглей, кровь стыла в жилах. Однако я чувствовал, что лесные люди прекрасно понимают его значение и что их страшит не он сам, а приближение какой-то совершенно определенной опасности. Шум нарастал. Это была жуткая какофония, в которой смешались глухой рокот барабанов, резкий лязг и звон, словно от ударов в кастрюли, крики. Больше всего нас поразили эти крики, потому что, хотя мы и не понимали ни слова неведомого нам языка, голоса были, несомненно, человеческими.

Восходящая Бетельгейзе озаряла нелепую и страшную сцену: по лесной поляне во всех направлениях метались мужчины, женщины, дети, сталкивались между собой, падали и снова вскакивали, некоторые карабкались на деревья, словно пытаются там спрятаться. Тем

не менее вскоре несколько более пожилых мужчин, овладев собой, остановились и начали прислушиваться. Шум приближался довольно медленно. Он доносился с той стороны, где лесная чаща была особенно густой, и, казалось, исходил из ряда источников, широко растянутых в одну линию. Все это напоминало большую облаву, когда цепь загонщиков старается шумом и криками вспугнуть дичь.

По-видимому, старейшины племени приняли какое-то решение. Издавая отрывистое повизгивание, которое, несомненно, означало определенный сигнал или приказ, они устремились в сторону, противоположную надвигающемуся грохоту. Остальные последовали за ними, и мы увидели, как все племя ломится сквозь кусты, словно стадо вспугнутых оленей. Нова бросилась к нам — вернее, как мне показалось, ко мне. Жалобный стон вырвался из ее рта, стон, похожий на отчаянный призыв, затем она прыгнула в чащу и скрылась из глаз.

Шум становился все громче, и мне уже чудился треск сучьев под тяжелыми сапогами. Признаюсь, я тоже потерял голову. Благоразумнее было бы, конечно, остаться на месте и встретить новых представителей Сороры, которые перекликались явно человеческими голосами, — с каждой секундой это становилось все очевиднее. Но после всех испытаний, выпавших на нашу долю, этот звон, грохот и крики действовали мне на нервы. Панический страх Новы и ее сородичей захватил и меня. Я не мог ни думать, ни рассуждать, я даже не посоветовался со своими товарищами, а просто бросился в кусты и помчался следом за юной красавицей.

Так я пробежал несколько сот метров, но девушку не догнал. Зато я заметил, что только Артур Левэн следует за мной: видимо, для профессора Антея в его возрасте такая гонка была не под силу. Молодой физик, задыхаясь, поравнялся со мной. Мы взглянули друг на друга, сгорая от стыда. Я уже хотел было предложить Левэну вернуться или по крайней мере подождать нашего шефа, как вдруг совершенно иные звуки заставили нас буквально подскочить.

Теперь-то я не мог ошибиться. В джунглях гремели выстрелы — один, второй, потом еще и еще с неравными паузами, иногда одиночные, иногда сдвоенные, до ужаса напоминающая дублеты наших охотников. Стреляли где-то впереди, в той стороне, куда устремились беглецы. Но пока мы раздумывали, цепь загонщиков приблизилась к нам, приблизилась почти вплотную, и нас вновь охватила паника. Не знаю почему, стрельба показалась мне менее опасной, во всяком случае более знакомой и не столь страшной, чем этот адский концерт. Не рассуждая, я вновь бросился бежать, стараясь, однако, избегать открытых мест и двигаться как можно бесшумнее. Артур Левэн последовал за мной.

Так мы добежали до того места, где раздавались выстрелы. Я остановился, потом начал пробираться дальше еще осторожнее, чуть ли не на четвереньках. Мой товарищ не отставал от меня. Мы вскарабкались по склону невысокого холма и залегли почти на самой его вершине, чтобы перевести дух. Впереди росло всего несколько деревьев да полоса кустарника. Последние метры я преодолел ползком, выглянул из кустов и... замер, словно оглушенный, не в силах шевельнуться. Зрелище, представшее моим глазам, было слишком невероятным, непосильным для жалкого человеческого рассудка.

ГЛАВА

9

В том, что я увидел, было немало странного и даже страшного подробностей, но сначала все мое внимание приковало к себе одно существо, которое стояло неподвижно шагах в тридцати от нас и смотрело в нашу сторону.

Я едва не вскрикнул от изумления. Да, да, несмотря на панику, несмотря на весь трагизм нашего положения — ведь мы очутились между загонщиками и стрелками, — беспредельное удивление подавило во мне все остальные чувства, когда я увидел создание, подстерегавшее дичь из засады. Ибо это была обезья-

на, горилла огромного роста! Тщетно я твердил себе, что, должно быть, сошел с ума, — в своем определении я не мог ошибиться. Однако встреча с гориллой даже на Сороре сама по себе не представляла бы ничего сверхъестественного. Меня гораздо больше поразило то, что эта горилла была прилично одета, совсем как человек, а главное — явно чувствовала себя в одежде свободно и естественно. Именно эта естественность и произвела на меня такое ошеломляющее впечатление. С первого же взгляда я понял, что обезьяна не была кем-то специально наряжена. Одежда была привычна для нее, точно так же как нагота для Новы и ее соплеменников.

Горилла носила такой же костюм, как мы с вами, я хочу сказать, как наши охотники, приглашенные на одну из тех грандиозных облав, которые устраиваются у нас для послов и других важных персон по случаю официального открытия охотничьего сезона. Ее коричневая куртка казалась сшитой в лучшем парижском ателье, а под ней виднелась рубаша в крупную клетку, какие обычно носят наши спортсмены. Слегка расширяющиеся книзу бриджи были заправлены в гетры. Но на этом сходство кончалось: вместо ботинок горилла была обута в пару толстых черных перчаток.

И это была именно горилла, я видел! Из воротника рубашки торчала заросшая черной шерстью уродливая голова с остроконечным черепом, приплюснутым носом и огромными обезьяньими челюстями. Горилла стояла, слегка наклонившись вперед, в типичной позе охотника, подстерегающего добычу, и ее длинные руки сжимали ружье. Она притаилась точно напротив меня, по другую сторону широкой просеки, к которой приближалась цепь загонщиков.

Внезапно горилла насторожилась. Я тоже услышал в кустах чуть правее себя легкий шорох. Горилла повернула голову, одновременно поднимая ружье, чтобы сразу прицелиться. С вершины холма я заметил, как колеблется кустарник, сквозь который продирался наугад один из беглецов. Мне хотелось крикнуть, предостеречь его, настолько очевидны были намерения обезьяны. Но я не смог, да и не успел: человек уже вы-

скочил на открытое место с быстротой оленя. Выстрел настиг его, когда он был на середине просеки. Человек подпрыгнул, упал, забился в конвульсиях и испустил дух.

Но я не сразу обратил взгляд на убитого — все мое внимание было поглощено гориллой. Я пристально следил за ней с того мгновения, когда она услышала шорох, и был поражен богатством ее мимики: сначала морда гориллы выражала напряженное ожидание охотника, подстерегающего дичь, затем жестокую радость от удачного выстрела, и самым удивительным во всем этом было то, что она выражала свои чувства чисто по-человечески. Это меня потрясло больше всего! В глазах уродливой гориллы светился разум, который полностью отсутствовал у людей Сороры.

Впрочем, чувство опасности, угрожавшей мне самому, быстро превозобладаало над удивлением. Выстрел заставил меня снова взглянуть на жертву, и я стал свидетелем ее страшной агонии. Затем я с ужасом заметил, что вся просека усеяна человеческими телами. Последние мои иллюзии относительно происходящего рассеялись. Шагах в ста от первой гориллы я увидел вторую, одетую точно так же. Вне всяких сомнений, это была облава, фантастическая облава, в которой охотниками были обезьяны, расставленные по номерам с одинаковыми интервалами, а дичью — люди, во всем похожие на нас, мужчины и женщины, чьи обнаженные тела, простреленные, скорченные, застывшие в самых диких позах, валялись на окровавленной земле. И я сам, увы, участвовал в облаве... в качестве дичи!

Не выдержав этого ужаса, я отвел взгляд от просеки. Лучше уж было смотреть на карикатуру, и я снова стал наблюдать за гориллой, преграждавшей мне путь. Она повернулась, и я увидел за ее спиной другую обезьяну, которая стояла позади, как слуга возле своего хозяина. Это был шимпанзе, шимпанзе маленького роста, по-видимому, еще молодой, но, клянусь, обыкновенный шимпанзе! Одет он был, правда, не столь изысканно, как горилла, — в простую рубашу и брюки, но тем не менее ловко справлялся со своим

делом. Его роль сразу стала мне понятна, когда горилла протянула маленькому пимпанзе ружье, а тот подал ей другое, заряженное. Затем он быстро достал из патронташа патроны, сверкнувшие под лучами Бетельгейзе, и, перезарядив первое ружье, снова занял свое место позади гориллы-стрелка.

Все эти впечатления обрушились на меня в мгновение ока. Я пытался их проанализировать, осмыслить, но на это у меня не было времени. Артур Левэн лежал рядом со мной, оцепенев от страха, и ничем не мог мне помочь. Опасность возрастала с каждой секундой. Цепь загонщиков приближалась. Поднятые ими шум и крик становились невыносимыми. Мы были оглушены и охвачены паникой, как дикие звери, как эти несчастные люди, которые пробегали мимо нас. Племя оказалось гораздо многочисленнее, чем я думал, потому что мужчины и женщины все еще выкакивали на просеку, где их подстерегала ужасная смерть.

Впрочем, не всех. Пытаясь сохранить хладнокровие, я наблюдал с вершины холма за поведением беглецов. Большинство, обезумев от страха, с шумом ломилось прямо через кусты, предупреждая таким образом обезьян, которые расстреливали людей в упор. Однако другие вели себя гораздо осторожнее, как старые кабаны-секачи, уже побывавшие во многих облавах и научившиеся всяким хитростям. Эти беглецы неслышно подбирались к просеке и замирали в чаще, выжидая, когда ближайший охотник отвернется. Едва что-нибудь отвлекало гориллу, они выскакивали из кустов и мгновенно пересекали смертоносную зону. Многим удавалось благополучно перебежать просеку и нырнуть в спасительные заросли на другой стороне.

Возможно, это был наш единственный шанс на спасение. Я сделал Левэну знак следовать за собой и пополз к последним кустам перед просекой. Когда мы добрались до них, меня вдруг охватило совершенно неуместное негодование. Как, я, человек, буду прибегать ко всяческим уловкам, чтобы перехитрить обезьяну? Это ниже моего достоинства! Я должен просто встать и отлупить палкой этих взбесившихся живот-

ных. Однако нарастающий шум облавы мигом избавил меня от идиотского самомнения.

Охота завершалась, и грохот стоял адский. Загонщики были уже у нас за спиной. Одного из них я успел разглядеть сквозь листву. Это была огромная горилла, которая вопила и улюлюкала во все горло, стуча дубинкой по стволам деревьев. Мне она показалась в десять раз страшнее горилл-охотников. Левэн весь затрясся, щелкая зубами, а я затаил дыхание, выжидая благоприятного момента для решительного броска.

И тут мой несчастный товарищ, сам того не сознавая, спас меня, но какой ценой! Совершенно потеряв голову, Левэн вскочил и бросился бежать, не разбирая дороги. Он появился на открытом пространстве прямо под дулом ружья ближайшего стрелка. Далеко уйти ему не удалось. Выстрел словно переломил его надвое, и Левэн свалился рядом с трупами остальных беглецов, усеявших всю просеку. У меня не было времени его оплакивать, да это ему бы и не помогло. Сжавшись в комок, я ждал, чтобы горилла протянула ружье своему слуге. Едва она это сделала, я, в свою очередь, выскочил из кустов и бросился через просеку. Словно во сне, я видел, как горилла торопливо схватила заряженное ружье, но я уже нырнул в заросли, прежде чем она успела прицелиться. До моих ушей донесся ее возглас, похожий на ругательство, однако я не стал терять времени на размышления об этой новой несуразице.

Итак, я выиграл. Меня переполняли восторг и гордость, целительные для моего уязвленного самолюбия. Я продолжал бежать со всех ног, стараясь как можно быстрее уйти подальше от места кровавой бойни. Вскоре крики загонщиков за моей спиной смолкли. Я был спасен.

Спасен? Увы, я недооценил коварство обезьян Сороры! Не пробежав и ста метров, я споткнулся и с размаху налетел на какое-то препятствие, скрытое в зарослях кустарника. Это препятствие оказалось растянутой над землей сетью с крупными ячейками и кошельками, в одном из которых я застрял. Увы, я был не одинок! Сеть перекрывала довольно широкую

полосу леса, и в ней барахталось множество пленников, избежавших расстрела на просеке. Отчаянные рывки сети и злобный визг справа и слева от меня свидетельствовали об их тщетных усилиях вырваться на свободу.

Звериная, слепая ярость овладела мной, когда я почувствовал, что попался в ловушку, ярость, настолько необоримая, что я забыл об осторожности и утратил всякую способность соображать. Словно обезумев, я делал как раз то, чего по здравому разумению нельзя было делать, то есть барахтался и отбивался от сети, пока совершенно не запутался. Дело кончилось тем, что я вообще больше не мог шевельнуться. Мне оставалось только прислушиваться и, затаившись, ждать прихода обезьян, от которых теперь зависела моя жизнь.

Смертельный ужас охватил меня, когда я увидел приближающихся охотников. Мне казалось, что они сейчас же приступят к уничтожению пленников: ведь я уже был свидетелем их невероятной жестокости.

Впереди шли стрелки, все гориллы. Тут я заметил, что они безоружны, и в душе моей затеплилась надежда. За стрелками следовали загонщики, среди которых, помимо горилл, было примерно такое же количество шимпанзе. Гориллы-стрелки держались похозяйски, словно истинные аристократы; они были в превосходном настроении и, видимо, не питали никаких дурных намерений.

Поистине надо привыкнуть, как я, ко всем парадоксам этой планеты, чтобы написать подобную фразу, не задумываясь над ее нелепостью! И тем не менее так оно и было на самом деле: гориллы выглядели настоящими аристократами. Они весело переговаривались на непонятном, но вполне членораздельном языке, мимика их выражала все оттенки человеческих чувств, которые я тщетно пытался отыскать на лице Новы.

ГЛАВА 10

Увы, я не знал даже, что с ней стало! При одном воспоминании о кровавой просеке меня охватывала дрожь. Теперь-то я понимал, почему Нова так взволновалась, увидев нашего маленького шимпанзе. Здесь, на Сороре, люди и обезьяны свирепо ненавидели друг друга. Чтобы в этом убедиться, достаточно было посмотреть, как ведут себя пленники при виде приближающихся охотников. Они судорожно дергались, подпрыгивая на четвереньках, бешено скрежетали зубами и с пеной у рта грызли веревки сети.

Не обращая внимания на всю эту суматоху, гориллы-охотники — я поймал себя на том, что невольно называю их господами, — отдавали приказания своим слугам. На дороге, оказавшейся за кустами, где была растянута сеть, появились довольно низкие тракторные прицепы с установленными на них клетками. В эти клетки нас и побросали из расчета дюжины на прицеп, и длилось это довольно долго, потому что пленники отчаянно отбивались. Две гориллы-слуги, натянув толстые кожаные перчатки, защищавшие их от укусов, хватили людей одного за другим, высвобождали из сети, швыряли в клетку и быстро задвигали дверцу, а одна из горилл-господ руководила ими, небрежно опершись на трость.

Когда очередь дошла до меня, я хотел заговорить, чтобы привлечь к себе внимание. Но едва я открыл рот, горилла-исполнительница грубо зажала его мне огромной лапой в перчатке, очевидно вообразив, что я собираюсь ее укусить. С зажатым ртом не поговоришь! Словно мешок, меня бросили в клетку, и я очутился в компании десятка других мужчин и женщин, еще слишком возбужденных, чтобы обратить на меня внимание.

Когда все пленники были погружены, горилла-слуга проверила запоры клеток, затем что-то сказала своему хозяину. Тот взмахнул рукой, и лес огласился гулом моторов. Прицепы дернулись и покатались за машинами, похожими на наши колесные тракторы. Управляли ими тоже обезьяны. Я смог хорошо разглядеть шофера, который сидел за рулем трактора, следовавшего позади нас. Это был самец шимпанзе, облаченный

в синий комбинезон. Видимо, он пребывал в отличном настроении, потому что то и дело отпускал на наш счет ехидные шуточки, а в промежутках что-то напевал про себя: когда гул моторов затихал, до меня доносились обрывки томной мелодии с довольно приятным мотивом.

Этот первый этап оказался настолько коротким, что я не успел даже собраться с мыслями. Через четверть часа езды по разбитой дороге наш караван остановился на открытой площадке перед каменным домом. Здесь лес кончался, дальше насколько хватал глаз тянулись поля, засеянные какими-то зерновыми культурами.

Дом под красной черепицей, с зелеными ставнями и вывеской над входом весьма походил на харчевню. Я быстро сообразил, что это место сбора охотников. Здесь слуги шимпанзе ожидали хозяев, которые подкатывали на своих машинах, видимо пользуясь другой дорогой. Дамы-гориллы сидели кружком в креслах в тени высоких деревьев, напоминающих наши пальмы, и бесечно болтали, потягивая через соломинку какие-то напитки.

Когда прицелы были выстроены на стоянке, дамы-гориллы приблизились, с любопытством разглядывая добычу. Но прежде всего их внимание привлекла подстреленная дичь, доставленная на двух больших грузовиках: слуги-гориллы в длинных фартуках вытаскивали трупы и укладывали их в тени деревьев.

Добыча была великолепная! К тому же обезьяны действовали по строгой системе. Они уложили окровавленные тела лицом вверх в один ряд, словно по линейке. А затем под восхищенные возгласы дам начали прихорашивать добычу, чтобы она выглядела как можно привлекательнее. Они укладывали руки вдоль туловища, распрямляя скрюченные пальцы и поворачивая ладони вверх. Они вытягивали ноги, предварительно размяв их в коленях, вправляли вывихнутые суставы, поворачивали безобразно свернутые на сторону головы, короче — старались придать добыче живой, естественный вид. И наконец, они заботливо

причесали убитых, особенно женщин, как некоторые охотники причесывают шерсть или приглаживают перья только что взятой добычи.

Боюсь, у меня не хватит сил передать, что я испытывал при виде этой карикатуры, уродливо-смешной и одновременно кошмарной. Не помню, говорил ли я уже о чисто обезьяньих ужимках и внешности всех этих горилл, если не считать выражения их глаз? Не забыл ли я упомянуть, как дамы-гориллы, одетые тоже в спортивные костюмы, только гораздо более изысканные, толкались и суетились, отыскивая лучшие трофеи, показывали на них пальцами и поздравляли своих горилл-кавалеров? И про эту сценку, когда одна дама вынула из сумочки маленькие ножницы, наклонилась над трупом, отрезала несколько черных прядей и, свив их в кольцо, приколотла булавкой к своей шляпе? Если забыл, то добавлю: все остальные дамы тут же последовали ее примеру.

Но вот добычу рассортировали: все трупы были аккуратно уложены в три ряда, мужчины и женщины попеременно. И над всем этим пылало чудовищное солнце Бетельгейзе! В ужасе я отвел глаза и увидел новое действующее лицо — обезьяну с треножником и укрепленной на нем продолговатой черной коробкой. То был шимпанзе. Когда он приблизился, я понял, что это фотограф, который собирается запечатлеть для обезьяньего потомства результаты славной охоты. На это у него ушло более четверти часа. Сначала господа гориллы фотографировались поодиночке в самых лестных для себя позах — некоторые с видом победителей ставили ногу на одну из своих жертв, — затем общей группой, обнявшись за плечи. После этого настала очередь самок, и они тоже долго выбирали положение поизящнее на фоне окровавленных тел, стараясь, чтобы их шляпки с пучками приколотых волос были отчетливо видны.

От этого зрелища можно было сойти с ума: ужас происходящего намного превышал человеческие силы и разумение. Какое-то время я сдерживался, хотя кровь во мне так и кипела, но когда одна из самок уселась на труп, чтобы сняться позффектнее, когда

я различил черты убитого, лежавшего в общем ряду, юные, почти детские черты моего несчастного друга Артура Левана, нервы мои не выдержали. И снова мои чувства выразились самым нелепым образом, в полном соответствии с нелепостью всей этой сцены, одновременно страшной и смешной. Мною овладело вдруг безудержное веселье, и я разразился сумасшедшим хохотом.

Увы, я не подумал о своих соседях по клетке! Но мог ли я тогда вообще думать? Только паника, охватившая людей, напомнила мне, что для меня они, несомненно, опаснее, чем даже обезьяны. Мускулистые руки угрожающе протянулись ко мне со всех сторон. Я понял, что жизнь моя на волоске, и постарался заглушить смех, спрятав лицо в ладони. Но, возможно, меня все равно задушили бы или растерзали, если бы несколько обезьян, привлеченных шумом свалки, не восстановили порядок уколами пик. По счастью, новое событие отвлекло от меня внимание. В харчевне зазвонил колокол, приглашая на завтрак. Гориллы, весело переговариваясь, направились небольшими группами к дому, а фотограф-шимпанзе, сделав несколько снимков с наших клеток, начал складывать свой аппарат.

Однако и мы, люди, тоже не были забыты. Я не знаю, какую судьбу уготовили нам обезьяны, — во всяком случае, они решили о нас позаботиться. Прежде чем скрыться в дверях харчевни, один из господ отдал какое-то приказание другому самцу-горилле, который, видимо, был начальником отряда егерея. Тот вернулся к клеткам, созвал своих подчиненных, и вскоре слуги принесли нам корыта с едой и воду в ведрах. Пища представляла собой нечто вроде густой похлебки. Я не испытывал голода, однако решил есть вместе со всеми, чтобы сохранить силы. Приблизившись к корыту, вокруг которого уже сидели на корточках многие пленники, я робко протянул руку. Они злобно посмотрели на меня, но, поскольку еды было вдоволь, не стали возражать. Пища оказалась довольно вкусной кашинцей из каких-то круп. Несколько пригоршней я съел не без удовольствия.

К тому же мы получили кое-что и на десерт — благодаря доброте наших сторожей. Эти загонщики, наводившие на нас ужас, теперь, по окончании охоты, казались совсем не страшными и относились к нам благосклонно, разумеется, если мы вели себя прилично. Они прогуливались перед клетками и время от времени кидали нам разные плоды, забавляясь свалкой, которую каждый раз вызывали их подачки. При этом произошла одна сценка, заставившая меня задуматься. Маленькая девочка поймала на лету плод, сосед бросился к ней, чтобы его отнять, но тут вступилась обезьяна. Она просунула пику сквозь решетку, грубо оттолкнула мужчину, а затем вложила второй плод прямо в руку ребенка. Так я узнал, что этим существам доступно чувство жалости.

Когда с едой было покончено, начальник отряда со своими егерями стали переселять отдельных пленников из одной клетки в другую. Казалось, они нас сортируют, но по какому принципу — этого я не мог уловить. Оказавшись в конце концов в одной клетке с самыми красивыми мужчинами и женщинами, я решил, что попал в группу выдающихся представителей своей породы, и попытался утешиться горькой мыслью, что вот, мол, даже обезьяны с первого взгляда причислили меня к элите.

С удивлением и огромной радостью я обнаружил среди моих соседей по клетке Нову. Она избежала гибели, и за это я возблагодарил небеса Бетельгейзе. Именно о ней я думал, внимательно разглядывая убитых, и дрожь пробирала меня при мысли, что среди кучи трупов может оказаться ее прекрасное тело. Мне показалось, что я вновь обрел возлюбленную, и вот, опять забыв обо всем, я бросился к Нове, раскрыв объятия. С моей стороны это было чистейшим безумием: мой жест ее ужаснул. Неужто она забыла прошлую ночь? Неужто в столь прекрасном теле нет никакой души? Я был удручен и обескуражен, когда увидел, что Нова при моем приближении сжалась в комок и вытянула вперед руки со скрюченными пальцами, словно собиралась вцепиться мне в горло,

что, наверное, и произошло бы, если бы я не остановился.

Но поскольку я замер на месте, Нова довольно быстро успокоилась. Она устроилась в углу клетки, и я со вздохом последовал ее примеру. Вскоре улеглись и остальные пленники. Подавленные, сломленные усталостью, они, казалось, примирились со своей судьбой.

А снаружи обезьяны готовились к отъезду. На нашу клетку накинута брезент, доходивший до половины высоты прутьев, так что свету было достаточно. Послышались голоса, приказания, заработали моторы. И вот нас уже куда-то везли с большой скоростью, а я лежал и тоскливо раздумывал: какие еще злоключения ожидают меня на планете Сорора?

чувствовал себя совершенно уничтоженным. События последних двух дней сломили меня физически и погрузили мой разум

ГЛАВА 11

в отчаяние столь глубокое, что я не мог ни оплакать гибель своих товарищей, ни представить себе до конца, что означает для меня разрушение нашего космического катера. Поэтому я приветствовал сумерки, а затем с облегчением укрылся в наступившей за ними темноте: вечера здесь были короткие. Нас везли всю ночь. Я пытался хоть как-то осмыслить происходящее. Это было необходимо: я должен был думать, думать, чтобы не поддаться подстерегавшему меня безумию, чтобы доказать самому себе, что я все-таки человек, земной человек, то есть мыслящее существо, привыкшее отыскивать логичные объяснения самым, казалось бы, фантастическим явлениям природы, а не животное, пойманное в западню высокоразвитыми обезьянами.

Я перебирал все мелочи, которые запечатлелись в моей памяти даже помимо моего сознания. Но самым главным из моих воспоминаний оставалось одно: все эти обезьяны, самцы и самки, гориллы и шимпанзе, никоим образом не казались нелепыми или странными. Я уже говорил: они ни разу не напомнили мне

дрессированных обезьян, вроде тех, что показывают в наших цирках.

У нас на Земле шимпанзе в шляпе всегда вызывал безудержный смех, хотя, должен признаться, меня лично это зрелище удручало. Здесь же не было ничего похожего. Шляпы шли обезьянам, одежда сидела на них хорошо, все их движения были естественными. Самка-горилла, потягивавшая прохладительный напиток через соломинку, выглядела как настоящая дама. Один из охотников — я это тоже вспомнил — вынул из кармана трубку, набил ее и неторопливо раскурил. И самым поразительным в этой сцене были ее привычность, обыденность. Потрясенный до глубины души, я пытался осмыслить эту нелепицу, но сколько ни ломал себе голову, так и не мог прийти ни к какому выводу. Кажется, в первый раз за время пребывания в плену я горько пожалел, что со мною нет профессора Антеля. Его мудрость и знания наверняка помогли бы найти объяснение даже такой парадоксальной ситуации. Однако что с ним стало? Среди жертв, застреленных охотниками, профессора Антеля не было — в этом я убедился. Может быть, он тоже попал в сеть? Всех пленников я не успел разглядеть, так что это было вполне вероятно. Надеяться же на то, что он сумел остаться на свободе, я даже не осмеливался.

Итак, предоставленный самому себе, я старался придумать свою теорию, которая, впрочем, меня не слишком удовлетворяла. Возможно, жители этой планеты, цивилизованные существа, чьи города мы видели издалека, сумели так выдрессировать своих обезьян, что те после терпеливого и длительного отбора, наверняка продолжавшегося не одно поколение, приобрели черты более или менее разумных созданий. В конечном счете и у нас на Земле некоторые шимпанзе способны проделывать потрясающие трюки! И даже тот факт, что у обезьян Сороры есть свой язык, сам по себе не столь уж удивителен, как это мне показалось. Я вспомнил об одном разговоре с крупным специалистом в этой области. Он сообщил мне, что вполне серьезные ученые уделяют немало времени, стараясь научить приматов разговорной речи. Они ут-

верждают, что физическое строение обезьян несколько этому не препятствует. До сих пор все их попытки оставались безрезультатными, но ученые не отступаются, ибо они уверены, что единственная причина их неудач заключается в нежелании обезьян говорить. Но, может быть, на Сороре обезьяны однажды все-таки заговорили? И это позволило предполагаемым хозяевам планеты использовать их для черной работы, вроде облавы в джунглях, во время которой я тоже попал в западню?

Я в отчаянии уцепился за эту гипотезу, боясь даже подумать, что может существовать другое, более простое объяснение. Чтобы не сойти с ума, мне необходимо было верить, что на этой планете есть настоящие разумные существа, то есть люди, такие же люди, как я сам, и с ними я смогу, наконец, объясниться.

Люди! Однако кто же тогда эти несчастные создания, которых обезьяны убивают или сажают в клетки? Задержавшиеся в своем развитии дикари? Отсталое племя? Но ведь это же неслыханная жестокость со стороны истинных хозяев планеты допускать или, может быть, даже организовывать такие побоища!

От горьких размышлений меня отвлекла неясная фигура, подползавшая ко мне на четвереньках. Это была Нова. Все остальные пленники уже лежали кучками на полу. Поколебавшись немного, Нова, как и в прошлый раз, прижалась ко мне. Но тщетно пытался я уловить в ее взгляде хотя бы искорку нежности или дружеского сочувствия. Она отвернулась и вскоре закрыла глаза. Несмотря на это, мне стало как-то спокойнее от одного ее присутствия, и в конце концов я тоже заснул, стараясь не думать о завтрашнем дне.

ГЛАВА

12

Защитный рефлекс помог мне избавиться от слишком горьких и гнетущих мыслей, и я проспал до самого утра. Правда, ночью меня мучили кошмары, в которых горячее тело Новы представлялось мне чудовищной змеей, обвившейся

вокруг меня. На рассвете я открыл глаза. Нова проснулась раньше и сидела, чуть отодвинувшись. В ее настороженных глазах словно навеки застыло выражение растерянности и непонимания.

Наш фургон замедлил ход, и я увидел, что мы въезжаем в город. Пленники приблизились к решетке. Присев на корточки, они выглядывали из-под брезента с беспокойством и страхом. Я тоже прижался лицом к прутьям решетки, чтобы получше рассмотреть первый представший моим глазам цивилизованный город Сороры.

Мы ехали по довольно широкой улице с тротуарами по обеим сторонам. Я всмотрелся в прохожих и пришел в смятение: это были обезьяны. Я заметил торговца, видимо бакалейщика, который поднимал металлическую штору своей лавочки и с любопытством обернулся, чтобы взглянуть на нас: он оказался обезьяной. Я старался рассмотреть лица шоферов и пассажиров в обгонявших нас автомашинах: все это были обезьяны, одетые как люди.

Последняя моя надежда встретить на Сороре расу цивилизованных людей улетучилась как дым, и весь остаток пути я провел в мрачном оцепенении. Вскоре машины еще раз замедлили ход. Только теперь я заметил, что за ночь наш караван значительно сократился: осталось только два тракторных прицепа, а все остальные, видимо, куда-то свернули по дороге. Глухие ворота открылись перед нами, и мы въехали во двор. Обезьяны тотчас окружили клетки: пленники начали волноваться, и страже пришлось усмирять их уколами пик.

Двор со всех сторон замыкало многоэтажное здание с рядами одинаковых окон. Больше всего оно походило на больницу, и это впечатление еще усилилось, когда навстречу нашим сторожам из дверей здания вышли новые лица. На них были белые халаты и маленькие шапочки, как у наших санитаров. Но это были обезьяны.

Да, все они оказались обезьянами, гориллами или пимпанзе! И вместе со сторожами они принялись разгружать фургоны. Пленников по одному вытаскивали

из клеток, засовывали в большие мешки и уносили в здание. Я не стал сопротивляться, и вскоре две огромные гориллы в белых халатах сунули меня в мешок. Потом меня долго куда-то несли: мне казалось, что мы поднимаемся по лестнице, движемся по бесконечным коридорам. Наконец меня бесцеремонно вытряхнули из мешка и сунули в другую клетку, на сей раз укрепленную неподвижно, с соломенной подстилкой на полу и... одиночную. Горилла-санитар тщательно заперла дверь клетки на замок.

Помещение, в котором я очутился, представляло собой вытянутый зал с множеством таких же клеток вдоль стен и длинным проходом между ними. Почти все клетки были заполнены; одни — моими друзьями по несчастью, другие — мужчинами и женщинами, которые находились здесь, видимо, уже давно. Этих пленников можно было отличить по вялому и как бы отрешенному виду. Они равнодушно встречали вновь прибывших и едва достаивали взглядом какого-нибудь несчастного, когда тот раздражался жалобными стенаниями. Кроме того, я заметил, что новичков всех разместили поодиночке, в то время как старожилов, как правило, жили парами. Высунувшись, насколько можно было, между прутьями решетки, я увидел в конце прохода еще одну большую клетку, со множеством детей. В отличие от взрослых малыши реагировали на наше прибытие довольно бурно. Они размахивали руками, толкались, суетились, делали вид, что хотят сломать решетку, и веревцали доверху, как маленькие обезьянки-забияки.

Две гориллы появились снова с очередным мешком. Из него на свет божий вывалилась красавица Нова. Ее поместили в клетку напротив — это меня хоть немного утешило. Однако Нова была в ярости и выражала недовольство на свой лад, стараясь оцарапать горилл или укусить. Когда же ее все-таки заперли в клетке, она, скрежеща зубами, принялась трясти решетку, испуская такое жуткое улюлюканье, что сердце разрывалось. Лишь через некоторое время Нова заметила меня и замерла, вытянув шею, как удивленный зверек. Я осторожно улыбнулся ей, помахал ру-

кой. И когда она неловко попыталась повторить этот жест, душа моя возликовала!

Меня отвлекло возвращение двух горилл в белых халатах. Очевидно, разгрузка закончилась, поскольку они никого больше не принесли. Зато теперь они катили перед собой тележку с едой и ведерками воды. Раздача пищи сразу успокоила пленников.

Вскоре очередь дошла до меня. Пока одна из горилл стояла на страже, другая вошла в клетку и поставила передо мной миску с кашей, ведро с водой и положила рядом несколько плодов. У меня уже созрело решение любой ценой установить контакт с обезьянами, которые, по-видимому, были единственными мыслящими и разумными существами на этой планете. Горилла, принесшая мне еду, выглядела довольно добродушной. Видя, что я держусь спокойно, она даже потрепала меня по плечу. Я посмотрел ей прямо в глаза, затем поднес руку к груди и вежливо поклонился. Подняв голову, я увидел, что горилла поражена. Тогда я ей улыбнулся, стараясь вложить в улыбку всю мою душу. Горилла уже собиралась уйти, но тут она замерла на месте, вскрикнув от удивления. Наконец-то меня заметили! Чтобы закрепить успех и продемонстрировать все мои способности, я довольно глупо произнес первое, что мне пришло на ум:

— Как поживаете? Я человек с Земли. Это очень далеко отсюда.

Смысл не имел значения. Достаточно было просто говорить, чтобы обезьяны поняли, с кем имеют дело. И я достиг своей цели. Наверное, никогда ни у одной обезьяны еще не было такой обалделой от удивления морды! Горилла и ее напарник замерли с разинутыми ртами, боясь вздохнуть. Наконец они торопливо загаворили о чем-то вполголоса, однако их короткое совещание привело к совершенно неожиданным результатам. Подозрительно поглядев на меня, горилла быстро выскочила из клетки и заперла дверь с особой тщательностью. Затем обезьяны переглянулись между собой и вдруг залились безудержным хохотом. По-видимому, я действительно представлял собой явление уникальное, потому что они долго не могли успо-

контиться. От смеха у них слезы выступили на глазах, а одна горилла вынуждена была даже поставить на пол котел с кашей и полезть в карман за платком.

Обида и разочарование настолько ослепили меня, что я едва не взбесился. В слепой ярости я не хуже людей Сороры тряс прутья решетки, скалил зубы и поносил обезьян на всех известных мне языках последними словами. А когда мой запас ругательств иссяк, я продолжал рычать и визжать, выкрикивая нечто совершенно нечленораздельное, но тут уж гориллы только презрительно пожали плечами.

Впрочем, мне все-таки удалось обратить на себя внимание. Прежде чем удалиться, гориллы несколько раз оглядывались и внимательно ко мне присматривались. Наконец, когда силы мои иссякли и я успокоился, одна из горилл вынула из кармана блокнот и что-то записала, предварительно взглянув на укрепленную на моей клетке табличку, очевидно с моим номером.

Гориллы ушли. Пленники, встревоженные моим припадком ярости, успокоились и снова принялись за еду. Мне тоже оставалось только поесть да лечь спать, ожидая более благоприятной возможности обнаружить свою благородную человеческую сущность. Покопав все с той же крупяной кашей, я принялся за сочные плоды. В клетке напротив Нова временами переставала жевать и исподтишка поглядывала в мою сторону.

ГЛАВА

13

До конца дня нас больше не беспокоили. Вечером, после второй кормежки, гориллы ушли, погасив за собой свет. Эту ночь я почти не спал, и не потому, что подстилка была жестка — толстый слой соломы представлял собой довольно удобное ложе, — а потому, что без конца строил планы, как мне установить контакт с обезьянами, как с ними договориться. Я дал себе слово, что больше не поддамся слепой ярости, а буду с неустанным терпением подстерегать малейшую возможность проявить свой разум. Гориллы-сторожа, по-видимому, были ограниченными

типами из низшего персонала; они, разумеется, не могли оценить и правильно истолковать мои намерения, но ведь есть же, наверное, и другие, более культурные обезьяны!

Утром я убедился, что не ошибся в своих предположениях. Я не спал уже более часа. Большинство пленников безостановочно кружило по своим клеткам, как некоторые звери в неволе. Я вдруг осознал, что инстинктивно веду себя точно так же, и был этим глубоко огорчен. Тогда я заставил себя сесть перед решеткой и принять как можно более осмысленную позу задумавшегося человека. В этот момент дверь отворилась и в проходе в сопровождении горилл-сторожей показалась самка-шимпанзе. По тому, как сторожа лебезили перед ней, я сразу понял, что она занимает здесь достаточно высокое положение.

Сторожа, несомненно, доложили обо мне, потому что, едва войдя в зал, шимпанзе о чем-то спросила их, и один из сторожей указал пальцем на мою клетку. Шимпанзе направилась прямо ко мне.

Пока она приближалась, я успел ее рассмотреть. На ней был тоже белый халат, но более элегантного покроя, чем у горилл-сторожей, — с пояском и короткими рукавами, из которых высовывались длинные подвижные лапы. Однако больше всего меня поразили ее глаза, удивительно умные и живые. Я подумал, что это добрый знак. Шимпанзе показалась мне совсем молоденькой, несмотря на типично обезьяньи морщинки, окружавшие ее белую мордочку. В руке у нее была кожаная папка для бумаг.

Она остановилась перед моей клеткой и принялась меня внимательно разглядывать, одновременно вынимая из папки тетрадь.

— Добрый день, мадам, — сказал я, поклонившись.

Я старался, чтобы мой голос прозвучал как можно ласковее. Мордочка шимпанзе отразила глубокое удивление, однако она сохранила серьезность и даже заставила коротким жестом умолкнуть горилл-сторожей, которые снова начали было хихикать.

— Мадам или мадемуазель, — продолжал я, ободрившись, — я искренне сожалею, что вынужден пред-

ставляться вам в подобной обстановке и в таком... виде. Поверьте, не в моих правилах...

Я продолжал болтать бог знает какие глупости, заботясь лишь о том, чтобы мои слова гармонировали с изысканно-вежливым тоном, которого я решил придерживаться. Когда я умолк, закончив свою речь самой оборотистой улыбкой, удивление шимпанзе сменилось чуть ли не столбняком. Глаза ее заморгали, лоб наморщился. Было видно, как она мучительно пытается решить труднейшую задачу. Но вот она улыбнулась мне в ответ, и я сердцем почувствовал, что перед ней хоть и слабо, но все же начинает брезжить свет истины.

Во время этой сцены люди в клетках не выказывали прежнего озлобления, в какое их приводили все мои попытки заговорить. Наоборот, сейчас они казались даже заинтересованными. Один за другим пленники переставали кружить по клеткам, подходили к решеткам и старались сквозь прутья разглядеть нас получше. И только Нова продолжала в ярости метаться от стены к стене.

Самка-шимпанзе достала из кармашка халата ручку и сделала в тетради несколько записей. Затем, подняв голову и встретив мой взволнованный взгляд, она снова мне улыбнулась. Это придало мне смелости: я решился сделать еще один дружеский жест. Просунув руку сквозь решетку, я протянул шимпанзе открытую ладонь. Встревоженные гориллы бросились было к нам, однако шимпанзе удержала их коротким приказом. Сначала она тоже чуть не отпрыгнула в сторону, но затем, овладев собой, протянула мне чуть дрожащую лапку, пристально глядя мне в глаза. Я не шевелился. Она сделала еще один шаг вперед, положила свою руку с необычайно длинными пальцами мне на запястье. Я почувствовал, как она вздрогнула от этого соприкосновения, и замер, чтобы не напугать ее каким-нибудь неосторожным движением. Тогда она потрепала меня по ладони, погладила мою руку и с торжествующим видом повернулась к своим помощникам.

Я задыхался от радости. В душе моей крепла надежда, что наконец-то она признает во мне разумное,

высшее существо. И когда шимпанзе строго приказала что-то гориллам, у меня мелькнула даже безумная мысль: сейчас клетка откроется и меня с извинениями выпустят на волю! Увы, об этом никто и не помышлял. Один из сторожей порывлся у себя в карманах, затем протянул своей начальнице какой-то белый кубик. А та, в свою очередь, с очаровательной улыбкой положила кубик мне на ладонь. Это был кусочек сахара.

Кусочек сахара! В мечтах я вознесся слишком высоко, поэтому разочарование мое было безмерно. Жалкая подачка показалась мне настолько унижительной, что я едва не швырнул ее в улыбающуюся морду шимпанзе. Но я вовремя вспомнил свои благие намерения и успел сдержаться. И вот, поклонившись, я взял сахар и принялся его грызть с самым умным видом, на какой только был способен.

Так произошло наше знакомство. Самку-шимпанзе, как я вскоре узнал, звали Зира. Она была заведующей отделения, в которое меня поместили. Несмотря на горькое разочарование, я оценил ее ум и возгорелся надеждой, что в будущем мне все же удастся установить с ней контакт.

Зира долго разговаривала со сторожами-гориллами: насколько я понял, она давала им относительно меня подробные указания. Затем она направилась дальше, чтобы навестить обитателей других клеток.

Шимпанзе с особым вниманием осматривала вновь прибывших, делая в тетради пометки, впрочем гораздо более краткие, чем обо мне. И разумеется, она не осмелилась приблизиться ни к одному из людей. Если бы она это сделала, я бы, наверное, ощутил ревность. Мне было лестно оставаться привилегированным пленником, единственным, заслуживающим особого отношения. И когда я увидел, что Зира, остановившись перед клеткой с детьми, бросает им тоже кусочки сахара, я пришел в ярость, сравнимую, пожалуй, только с яростью Новы, которая дико оскалилась на самку-шимпанзе, забиравшуюся в дальний угол клетки и повернувшись к нам спиной.

Второй день прошел так же, как и первый. Обезьяны не обращали на нас внимания, только приносили еду. Я все больше недоумевал, стараясь догадаться, что это за странное заведение, но на следующий день нас вдруг начали подвергать целой серии тестов, при воспоминании о которых я до сих пор испытываю чувство унижения. Однако в то время они меня по крайней мере развлекли.

Первый тест сначала показался мне довольно глупым. Один из сторожей-горилл приблизился ко мне, а второй занялся клеткой напротив. Мой сторож прятал одну руку за спиной, в другой у него был свисток. Горилла уставилась на меня, стараясь привлечь мое внимание, затем поднесла свисток ко рту и принялась извлекать из него пронзительные звуки; это продолжалось не меньше минуты. Затем горилла нарочито медленно вынула из-за спины вторую руку, и я увидел в ней один из тех бананов, которые у людей Сороры считались любимым лакомством. Держа банан перед собой, сторож пристально за мной наблюдал.

Я протянул руку, чтобы взять банан, но горилла стояла слишком далеко и явно не собиралась приближаться. Казалось, она ожидала от меня иной реакции и была разочарована. Через несколько мгновений, устав ждать, она снова спрятала банан за спиной и опять принялась свистеть. Я нервничал, не понимая смысла этой комедии, и едва не вышел из себя, когда сторож вторично начал размахивать бананом на таком расстоянии, что до него невозможно было дотянуться. Лишь с трудом мне удалось сохранить спокойствие и отбросить мысли. Сторож определенно чего-то от меня добивался, ибо после каждой новой попытки удивление его возрастало, словно я вел себя совсем не так, как полагалось. Прodelав ту же самую церемонию шесть или семь раз, он, видимо, отчаялся и перешел к соседнему пленнику.

Я был поистине обескуражен, когда увидел, что мой сосед, а затем и другой пленник после первой же попытки получили бананы. Тогда я стал пристально на-

блюдать за второй гориллой, которая проделывала ту же самую церемонию перед клетками противоположного ряда. Сторож как раз дошел до Новы, и я увидел во всех подробностях, как она реагирует. Сторож свистнул и замахал перед Новой бананом. Девушка заволновалась, задвигала челюстями и...

В мгновение ока мне все стало ясно. Нова, лучезарная Нова, при виде лакомства открыла рот, и из него обильно потекла слюна, как у голодной собачонки, которой показали кусочек сахара. Именно этого и ожидал от нее сторож-горилла, во всяком случае, на сегодня. Кинув Нове столь желанный банан, он удовлетворенно перешел к соседней клетке.

Итак, я все понял и был этим даже горд! В свое время я интересовался биологией и был знаком с работами Павлова. Мне стало очевидно, что здесь на людях изучали рефлекс, точно так же как Павлов изучал их на собаках. Какого же дурака я свалил несколько мгновений назад! Зато теперь с моей культурой и моими знаниями я не только понял значение сегодняшних опытов — я знал заранее все, что за этим последует. В течение многих дней обезьяны будут проделывать то же самое: свистеть в свисток, затем показывать что-нибудь вкусное, что вызывает у подопытных слюноотделение. Через некоторое время люди начнут пускать слюни на один только свисток. У них, выражаясь научным языком, выработается условный рефлекс.

Я поздравлял себя за догадливость, но этого мне было мало: нужно было еще показать, что я понял. Когда мой сторож-горилла, покончив со своим рядом клеток, пошел обратно, я постарался всеми способами привлечь его внимание. Я стучал по прутьям клетки, размахивал руками и показывал на свой рот, пока он, наконец, не сообразовал повторить опыт. И тогда после первого свиста, еще до того, как он показал мне банан, я принялся пускать слюни, обильно, яростно, чуть ли не с отчаянием; я, Улисс Меру, старательно пускал слюну, словно от этого зависела моя жизнь, — так я был рад и так мне хотелось показать свою сообразительность!

И действительно, мой сторож был поражен. Он по-

дозвал своего напарника, и они долго совещались, как и накануне. Нетрудно было догадаться, о чем говорят эти тугодумы: вот человек, у которого только что не было никаких рефлексов, и вдруг сразу выработался условный рефлекс. Но ведь для того, чтобы закрепить такой рефлекс у других подопытных, обычно требуется столько времени и терпения!

Мне было жаль этих простодушных олухов. С их слабым умишком они не в силах были прийти к единственно правильному заключению: подобный мгновенный прогресс объясняется только одним — наличием у подопытного сознания. Я был уверен, что Зира на их месте догадалась бы.

Однако вся моя мудрость и излишнее рвение привели совсем не к тем результатам, что я ожидал. Гориллы ушли, так и не дав мне банана: мой сторож сам сжевал его на ходу. Зачем ему было меня баловать, если цель опыта уже достигнута и без награды!

На следующий день гориллы вернулись с новыми приспособлениями. Одна псела в руках колокольчик, другая катила перед собой тележку, на которой был установлен какой-то аппарат, похожий с виду на магнето. На сей раз, заранее зная, каким опытам нас собираются подвергнуть, я догадался о назначении этих предметов еще до того, как гориллы пустили их в ход.

Начали они с соседа Новы, здорового парня с удивительно тупым и мрачным взглядом. Он стоял у решетки, схватившись за прутья руками, как это теперь делали все мы, когда появлялись сторожа. Первая горилла принялась звонить в колокольчик, у которого оказался неожиданно низкий звук; вторая в это время присоединяла провода от магнето к решетке. Когда колокольчик прозвонил достаточно долго, второй сторож крутанул ручку магнето. Человек сразу отскочил от решетки, испуская жалобные вопли.

Эту операцию над тем же подопытным гориллы повторяли многократно, каждый раз подманивая человека к решетке фруктами. Цель опыта была мне известна: выработать у подопытного новый условный рефлекс, чтобы он отпрыгивал в глубь клетки при первых

же звуках колокольчика, еще до того, как почувствует электрический удар. Но в тот день добиться результатов им не удалось: психика этого парня была слишком слабо развита, и он никак не мог установить связь между причиной и следствием.

Я ждал своей очереди, внутренне посмеиваясь: мне не терпелось продемонстрировать им различие между инстинктами и разумом. Едва колокольчик зазвонил, я быстро отпустил прутья решетки и отступил в глубь клетки. При этом я смотрел на моих сторожей и насмешливо улыбался. Гориллы нахмурились. Теперь они уже не смеялись надо мной. Казалось, они впервые начали подозревать, что я над ними издеваюсь.

Тем не менее они решили продолжить опыт, но тут им помешало появление группы посетителей.

П о проходу двигались трое: самка-шимпанзе Зира и две обезьяны, одна из которых была, очевидно, высоким начальством. Это был самец-орангутанг, первый орангутанг, которого я увидел на Сороре. Ростом меньше гориллы, он казался гораздо более сторбленным. У этого орангутанга были такие длинные руки, что он на ходу частенько опирался на костяшки согнутых пальцев, чего другие обезьяны почти никогда не делали. Создавалось странное впечатление, будто он идет, опираясь на две палки. Его втянутую в плечи голову обрамляли длинные пряди рыжеватой шерсти, а на морде застыло глубокомысленное выражение старого педанта. Всем обликом своим этот орангутанг напоминал отягощенного годами почтенного священнослужителя. Да и костюм его резко отличался от одежды остальных обезьян: на нем был давно нечищенный длиннополый редингот черного цвета с пурпурной звездой на лацкане и такие же пыльные черные брюки в белую полоску.

За орангутангом семенила маленькая самочка-шимпанзе с тяжелым портфелем. По ее поведению можно было заключить, что она являлась его секретаршей.

ГЛАВА 15

Я думаю, читателя уже не удивляет, что я на каждом шагу отмечаю особенности поведения обезьян и выражение их лиц. Клянусь, любой разумный человек на моем месте принял бы эту парочку за высокочтимого ученого и его скромную секретаршу. Их появление дало мне возможность лишний раз убедиться, что среди обезьян существует довольно строгая иерархия. Зира обращалась к своему ученому патрону с явным уважением. Два сторожа-гориллы, едва завидев посетителей, бросились им навстречу, кланяясь чуть не до земли. Однако орангутанг в ответ лишь благосклонно помахал им лапой.

Посетители сразу направились к моей клетке. И не удивительно: разве я не был самым интересным экземпляром из всей партии? Я встретил высокое начальство самой дружеской улыбкой и обратился к орангутангу с выпренной речью.

— Дорогой орангутанг! — произнес я. — Ты не представляешь, насколько я счастлив, что наконец-то встретил существо, чей облик исполнен мудрости и проницательности! Я уверен, что мы пойдем друг друга.

«Дорогой орангутанг» при первых же звуках моего голоса подскочил от неожиданности. Потом он принялся чесать ухо, подозрительно осматривая мою клетку, словно опасаясь какого-нибудь подвоха или мистификации. Тогда к нему обратилась Зира: раскрыв свой блокнот, она начала зачитывать относящиеся ко мне записи. Она пыталась в чем-то убедить орангутанга, но тот не хотел ничего слышать. Несколько раз он прерывал ее напыщенными сентенциями, пожимал плечами, мотал головой и под конец, заложив руки за спину, принялся рассказывать взад и вперед перед моей клеткой, время от времени бросая на меня весьма неодобрительные взгляды. Остальные обезьяны ожидали его решения в почтительном молчании.

Впрочем, почтительность эта была, пожалуй, чисто внешней: заметив, какими знаками обменивались исподтишка сторожа-гориллы, я понял, что в душе они насмеваются над своим шефом. Поведение орангутанга меня раздосадовало и разочаровало, поэтому, заметив,

что остальные обезьяны не принимают его всерьез, я решил разыграть маленькую сценку: может быть, он, наконец, оценит мою сообразительность! И вот я тоже принялся рассказывать по клетке, заложив руки за спину, сгорбившись и хмурия брови с видом глубокой задумчивости.

Гориллы едва не задохнулись от смеха, маленькая секретарша, чтобы не выдать себя, уткнулась мордочкой в раскрытый портфель, и даже Зира не могла сохранить серьезность. Я от души радовался успеху своей импровизации, пока не сообразил, что она может обойтись мне дорого. Орангутанг заметил мою мимику и рассвирепел. Несколько сухих фраз, произнесенных резким тоном, мгновенно восстановили порядок. После этого он остановился передо мной и начал диктовать секретарше свои замечания.

Диктовал он довольно долго, подчеркивая каждый период напыщенными жестами.

Вскоре мне надоела его самодовольная тупость, и я решил еще раз продемонстрировать свои способности. Протянув к нему руку, я произнес, стараясь выговаривать как можно лучше:

— Ми Зайус!

Я обратил внимание, что все подчиненные обращались к орангутангу, начиная с этих слов, а позднее узнал, что «Зайус» было именем ученого мужа, а «ми» — его почетным титулом.

Обезьяны были поражены. Им уже было не до смеха, особенно Зире, которая встревожилась еще больше, когда я указал на нее пальцем и произнес:

— Зира!

Это слово я тоже запомнил и был уверен, что оно могло означать только ее собственное имя.

Что касается Зайуса, то он окончательно разнервничался и снова забегал по проходу между клетками, недоверчиво трясая головой. Наконец спокойствие вернулось к нему, и он приказал повторить уже знакомые мне опыты в его присутствии. Я охотно подчинился. Я пускал слюни, едва слышав свисток. Я отскакивал от решетки при первых же звуках колокольчика. Этот второй опыт Зайус заставил горилл повторить десять

раз и все время диктовал секретарше бесконечные замечания.

Под конец меня осенило. В то мгновение, когда один из сторожей-горилл зазвонил в колокольчик, я разжал зажим, с помощью которого электрический ток был подведен к решетке, и отбросил провод в сторону. После этого я мог спокойно стоять у решетки, держа за прутья, хотя второй сторож старался вовсю, вращая ручку отныне безобидного магнето.

Я был горд своей выдумкой, ибо, на мой взгляд, для каждого хоть сколько-нибудь разумного создания она являлась неопровержимым доказательством. И действительно, на Зиру, во всяком случае, мой поступок произвел должное впечатление. Она пристально посмотрела на меня, и ее белая мордочка порозовела, что у шимпанзе, как я узнал позднее, служит признаком сильнейшего волнения. Однако Зайуса ничто не могло поколебать. Сколько Зира его ни убеждала, проклятый орангутанг только презрительно пожимал плечами и мотал головой. Сей ученый муж, видимо, принадлежал к числу строгих классификаторов, и одних голых фактов ему было недостаточно. Он отдал гориллам приказ, и меня подвергли новому испытанию, представлявшему собой комбинацию двух первых тестов.

Об этом опыте я тоже знал и даже видел в одной из лабораторий, как его проводили на собаках. Целью его было сбить с толку подопытное животное и вызвать у него нервное расстройство, комбинируя два противоположных рефлекса. Итак, первый сторож-горилла принялся свистеть в свисток, обещая лакомство, а второй зазвонил в колокольчик, подавая сигнал опасности. Я вспомнил выводы одного выдающегося физиолога относительно подобных опытов: он говорил, что они могут довести животное до состояния, весьма напоминающего человеческий невроз, и даже до сумасшествия, если повторять их достаточно часто.

Зная все это, я постарался избежать ловушки. Сделав вид, что внимательно прислушиваюсь сначала к свистку, затем к звону колокольчика, я уселся посреди клетки, подперев кулаком подбородок в традиционной позе мыслителя.

Зира, не удержавшись, захлопала в ладоши. Зайус вытащил из кармана платок и отер лоб. Пот катил с него градом, но ничто не могло поколебать его ослиного упрямства. Это я понял по его гримасам, пока он яростно спорил о чем-то с шимпанзе. Продиктовав еще несколько заметок своей секретарше, орангутанг дал Зире кучу подробнейших указаний, которые та выслушала с недовольным видом, и, наконец, удалился, одарив меня на прощание сердитым взглядом.

Зира, в свою очередь, обратилась к сторожам-гориллам, и я сразу понял, что она приказала им оставить меня в покое, по крайней мере на сегодня, потому что они тут же ушли, захватив с собой все приспособления для опытов. Оставшись со мной наедине, Зира приблизилась к клетке и долго в молчании смотрела на меня. Затем неожиданно она дружеским жестом протянула мне лапу. Я взволнованно пожал ее, тихонько повторяя имя «Зира». Мордочка шимпанзе снова порозовела, и я понял, что она глубоко тронута.

ГЛАВА
16

Зайус снова явился через несколько дней и сразу же приказал изменить весь распорядок в нашей секции. Но сначала я должен рассказать, как мне удалось за эти несколько дней отличаться перед обезьянами.

На следующий день после первого посещения орангутанга нас подвергли целой серии новых тестов. Все началось во время кормежки. Вместо того чтобы, как обычно, бросить фрукты нам в клетки, Зорам и Занам — так звали двух сторожей-горилл, и я в конце концов выучил их имена — положили еду в корзины и подтянули корзины к потолку клеток с помощью специально предусмотренных для этого блоков. Затем они внесли в каждую клетку по четыре довольно больших деревянных ящика кубической формы. После этого гориллы отошли на середину прохода и принялись за нами наблюдать.

У всех моих товарищей по несчастью сделались та-

кие огорченные лица, что жалко было смотреть! Они пробовали донпрыгнуть до корзин, но никому это не удавалось. Некоторые взбирались до потолка по решетке, но и оттуда, сколько они ни старались, ни один не мог дотянуться до еды, подвешенной над серединой клетки. Эти люди оказались настолько глупы, что я сгорал от стыда. Что же касается меня самого, то нечего и говорить — я сразу решил несложную задачу. Нужно было поставить четыре куба один на другой, взобраться на это шаткое сооружение и преспокойно снять корзину с крюка, что я и сделал, скрывая под небрежным видом свою гордость. Все было очень просто, однако из всех людей только я один оказался достаточно сообразительным. Зорам и Занам были восхищены, и это растрогало меня до глубины души.

Я принялся за еду, не скрывая своего презрения к остальным пленникам, которые не могли проделать то же самое и после того, как я показал им пример. Даже Нова в тот день не сумела повторить эту несложную операцию, хотя я специально несколько раз показывал ей все этапы с начала и до конца. Но она хотя бы старалась понять — Нова была, безусловно, самой сообразительной из всей нашей группы. Она попыталась поставить один куб на другой, однако поставила его неровно, и, когда ее сооружение с грохотом развалилось, бедняга с перепугу забилась в угол клетки. Эта девушка обладала удивительной гибкостью и подвижностью, все ее движения были легки и гармоничны, но в обращении с любым предметом она выказывала редкостную неуклюжесть. Впрочем, к концу второго дня она все же научилась справляться с деревянными кубами.

А в то первое утро я ее пожалел и бросил ей через решетку два сочных плода. За это я удостоился ласки от Зир, которая как раз в это мгновение вошла в нашу секцию. Я чуть ли не замурыкал, как кот, когда волосатая лапка потрепала меня по плечу, однако Нове это явно не понравилось: она пришла в ярость и замечталась по своей клетке, испуская пронзительные крики.

Точно так же я отличился и в других опытах, но самое главное, мне удалось, внимательно прислушива-

ясь, уловить несколько простейших слов обезьяньего языка и понять их значение. Я произносил эти слова всякий раз, когда Зира проходила мимо моей клетки, и с каждым разом ее удивление возрастало. Вот тогда-то Зайус и почтил нас новым визитом.

Как и в первое посещение, его сопровождала шимпанзе-секретарша, но теперь, помимо нее, с Зайусом пришел еще один орангутанг, такой же важный и с такой же звездой на лацкане редингота. Орангутанги разговаривали между собой, как равный с равным, и я понял, что Зайус пригласил своего ученого коллегу для консультации, чтобы разобраться в сложном случае, каким я ему представлялся. Остановившись перед моей клеткой, орангутанги пустились в бесконечную дискуссию, в которой приняла участие и Зира. Шимпанзе говорила долго и взволнованно. Я понимал, что она меня защищает, указывая на мою сверхъестественную сообразительность, в коей никто уже больше не сомневался. Но все ее доказательства вызвали у двух ученых орангутангов лишь недоверчивую улыбку.

Меня еще раз подвергли в присутствии высоких посетителей всем опытам, с которыми я так ловко справлялся. Последний заключался в том, что я должен был открыть шкатулку, запертую на девять различных запоров — задвижкой, крючком, пингалетом, врезным замком, навесным замком и тому подобное. Насколько мне помнится, на Земле аналогичное приспособление для оценки сообразительности обезьян придумал физиолог Кинноман; эта задача считалась самой сложной, однако некоторым подопытным все же удавалось ее разрешить. Видимо, здесь это испытание расценивалось так же. В первый же раз я успешно выдержал его после нескольких попыток.

И вот сейчас Зира сама протянула мне закрытую шкатулку с таким умоляющим видом, словно от моего успеха зависела ее собственная репутация. Чтобы не обмануть ее ожиданий, я постарался показать себя во всем блеске и мгновенно без малейших колебаний открыл все девять запоров один за другим. Но этим я не ограничился. Достав из шкатулки положенный туда плод, я галантно предложил его Зире. Шимпанзе при-

няла мой дар, покраснев от смущения. Не теряя времени, я тут же выложил все свои познания в обезьяньем языке, старательно произнося выученные слова и показывая пальцем на предметы, которые они обозначали.

Мне казалось, что после этого никто не посмел бы усомниться в моей истинной природе. Увы, тогда я еще не знал, как велико слепое самодовольство орангутангов! На их мордах появилась все та же скептическая улыбка, приводившая меня в ярость. Они резко оборвали Зиру и снова о чем-то заспорили между собой. Когда я говорил, они меня слушали, как слушают попугая. Я чувствовал, орангутанги сходятся на том, что все мои таланты можно объяснить своего рода инстинктом и высокоразвитыми подражательными способностями. По-видимому, они придерживались той самой доктрины, которую один наш земной ученый, Г. Л. Морган, сформулировал следующим образом:

«Мы никоим образом не должны расценивать какое-либо действие как проявление высших психических способностей, если это действие можно объяснить проявлением психических способностей более низкого порядка».

Несомненно, именно об этом и толковали орангутанги на своем ученом жаргоне, а мне оставалось только скрежетать зубами от ярости. Возможно, я не выдержал бы и взорвался, если бы вовремя не уловил предостерегающий взгляд Зиры. Мне стало ясно, что она не согласна с орангутангами и просто стыдится, что они несут в моем присутствии подобную чепуху.

Когда ученый собрат Зайуса удалился, несомненно высказав относительно меня свое категорическое мнение, орангутанг приступил к новым опытам. Для начала он обошел все помещение, останавливаясь перед каждой клеткой и внимательно разглядывая пленников. По мере того как орангутанг давал указания, Зира их записывала. Судя по выражению ее мордочки, всех нас ожидали большие перемены. Я довольно скоро догадался, в чем заключается план Зайуса, и понял смысл замечаний, которые он делал, сравнивая определенные качества тех или иных мужчин и женщин.

И я не ошибся в своих предположениях. Зира передала указания своего шефа гориллам, и те приступили к их выполнению. Нас рассортировали по парам. Но какой еще дьявольский опыт предвещали эти приготовления? Какие еще особенности человеческой природы стремились изучить обезьяны, охваченные исследовательской горячкой? Знакомство с работой физиологических лабораторий подсказало мне ответ: для любого ученого, занимающегося изучением инстинктов и рефлексов, половой инстинкт представляет первостепенный интерес.

Да, речь шла именно об этом! Проклятые обезьяны хотели изучить на нас, в том числе и на мне, раз уж я по иронии судьбы оказался в этом стаде, все особенности любовных игр людей: поведение самца, поведение самки, как люди сближаются в неволе и тому подобное, — может быть, для того, чтобы потом сравнить результаты с прежними наблюдениями, сделанными над людьми в естественных условиях.

Проникнув в намерения обезьян, я поклялся скорей умереть, чем сделаться объектом их отвратительных опытов. В жизни я еще не испытывал подобного унижения! Впрочем, хотя решимость моя и оставалась непоколебимой, мне стало значительно легче, когда я увидел женщину, которую ученый орангутанг предназначил мне в подруги. Это была Нова. За такой выбор я был готов простить старому болтуну даже его глупость и упрямство и не стал противиться, когда Зорам и Занам бесцеремонно схватили меня и бросили к ногам нимфы водопада.

не буду рассказывать обо всем, что происходило в соседних клетках в течение следующих недель.

Как я и предполагал, обезьяны решили изучить во всех подробностях сексуальную жизнь людей и принялись за дело со свойственной им методичностью.

ГЛАВА 17

Я и сам начал делать кое-какие наблюдения. Однако мне это скоро наскучило, поскольку ничего нового я так и не увидел. Ничего, если не считать странного способа ухаживания, к которому прибегал мужчина, прежде чем приблизиться к женщине. Это было нечто вроде танца, весьма похожего на брачный танец некоторых птиц. Мужчина медленно и неуверенно начинал ходить вокруг женщины, делая шаг вперед, потом назад, потом в сторону. Так он кружился, постепенно сужая круги, в центре которых женщина оставалась неподвижной и только поворачивалась на месте к нему лицом. Я неоднократно наблюдал за этой любопытной церемонией: основные фигуры брачного танца всегда оставались неизменными, и лишь детали иногда варьировались.

Самым поразительным во всем этом была научная скрупулезность обезьян, которые невозмутимо вели наблюдения, фиксируя в своих блокнотах все подробности.

Однако когда они дошли до меня самого, дело приняло совсем иной оборот. Заметив, что я не собираюсь предаваться любовным утехам, наши сторожа-гориллы втемянили себе, что могут добиться своего силой. И вот они принялись меня поощрять, подкалывая никами, как обыкновенное животное, меня, Улисса Меру, человека, созданного по образу и подобию божьему! Я отбивался с неукротимостью отчаяния. Однако гориллы не отступались, и неизвестно, что бы они со мной сделали, если бы не появление Зиры.

Когда сторожа доложили ей о моем странном поведении, Зира надолго задумалась. Потом она подошла к клетке, посмотрела на меня своими прекрасными умными глазницами и заговорила, поглаживая меня по голове. Я думаю, смысл ее слов сводился примерно к следующему:

— Бедный смешной человек! Какой же ты чудной! Ну разве хорошие люди себя так ведут? Посмотри на них! Сделай то, о чем тебя просят, и ты получишь что-нибудь вкусенькое.

Зира вынула из кармана кусочек сахара и протянула его мне. Я был в отчаянии! Значит, и она считает

меня животным, разве что чуть-чуть более сообразительным, чем остальные. В ярости я помотал головой, отвергая подачку, и забился в угол клетки, подальше от Новы, которая смотрела на меня в полном недоумении.

Наверное, дело тем бы и кончилось, если бы как раз в этот момент черт не принес старого Зайуса. В тот день орангутанг был нетерпим и самодоволен, как никогда. Он потребовал отчета о результатах опытов и для начала, по своему обыкновению, осведомился обо мне. Зире пришлось доложить ему о моем упрямстве.

Раздосадованный орангутанг забежал перед клеткой, заложив руки за спину, но через минуту принял решение и категорическим тоном что-то приказал сторожам. Зорам и Занам открыли клетку и увели от меня Нову. Проклятый Зайус с его тунным педантизмом и научной сверхдобросовестностью!

С ужасом я увидел, как Нову втолкнули в клетку напротив моей, где сидел широкоплечий детина, настоящий великан с волосатой грудью, который сразу же подскочил к Нове и принялся топтаться вокруг нее, исполняя уже описанный мною нелепый любовный танец.

Едва я осознал смысл его поведения, как все мои благие намерения вылетели у меня из головы. Я потерял рассудок и снова повел себя как одержимый. Поистине я обезумел от ярости! Я рычал и улюлюкал не хуже людей Сороры. Так же как и они, я в бешенстве бросался на решетку, с пеной у рта грыз прутья клетки, скрежетал зубами — короче, вел себя как самое настоящее животное.

Но еще поразительнее оказался неожиданный результат моей вспышки. Глядя, как я беснуюсь, Зайус вдруг улыбнулся. Впервые он был доволен мной. Наконец-то перед ним была знакомая картина типично человеческого поведения. Его теория оказалась верной. Орангутанг пришел в благодушное настроение и даже согласился по просьбе Зиры отменить свой приказ и сделать последнюю попытку. Сторожа-гориллы вернули Нову в мою клетку, прежде чем волосатый скот успел

к ней прикоснуться. Обезьяны отошли, но продолжали издали внимательно наблюдать за нами.

Что еще прибавить к сказанному? Все эти тревожения окончательно меня сломили. Мне оставалось только сдаться перед сатанинской пронизательностью орангутанга, который, посмеиваясь, торжествовал победу. И вот, сгорая от стыда, я сделал первое робкое па.

Да, я, царь творения, начал кружиться в брачном танце вокруг моей красавицы! Перед всеми этими обезьянами, которые не спускали с меня глаз, перед старым орангутангом, диктовавшим заметки своей секретарше, перед снисходительной самкой-шимпанзе и двумя ухмыляющимися самцами-гориллами, я, человек, вершина тысячелетней цивилизации, трусливо оправдываясь в душе, что во всем-де виноваты превратности космических странствий и что, мол, теперь-то я знаю, — поистине в небесах и на планетах есть немало такого, чего не снилось даже мудрецам, — я, Улисс Меру, словно павлин, топтался вокруг восхитительной Новы, исполняя любовный обряд.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА

1

Теперь я должен признаться, что довольно легко приспособился к жизни в клетке, даже слишком легко и быстро. С точки зрения материальной мне, в сущности, нечего было желать: днем обезьяны выполняли малейшие мои прихоти, а ночью я делил подстилку с одной из прекраснейших женщин мироздания. Я настолько свыкся со своим положением, что перестал замечать всю его нелепость и унижительность и в течение целого месяца не предпринимал каких-либо серьезных попыток положить этому конец. Самое большее, на что я оказался способен, это выучить еще несколько слов обезьяньего языка. Я не возобновлял попыток установить контакт с Зирой, так что если раньше она и подозревала во мне разумное существо, то теперь, видимо, согласилась с Зайусом и смотрела на меня, как на человека своей планеты, то есть как на животное, может быть и неглупое, но, уж во всяком случае, лишенное интеллекта.

Мое превосходство над остальными пленниками, которое, впрочем, я особенно не выпячивал, чтобы не пугать сторожей, сделало меня важной персоной, гордостью института. К стыду своему, должен признаться, что это вполне удовлетворяло мое честолюбие и какое-то время я даже гордился своим положением. Зорам и Занам относились ко мне по-дружески: их забавляло,

когда я им улыбался, хохотал или произносил отдельные слова. Перепробовав на мне все классические опыты, они старались изобрести новые, более сложные, и мы вместе радовались, когда мне удавалось решить очередную задачу. Они никогда не забывали принести мне какое-нибудь лакомство, которым я охотно делился с Новой. Мы считались привилегированной парой. В своем ослеплении я воображал, будто Нова сознает, что своим благополучием обязана мне, моим талантам, и большую часть времени пыжился перед нею, как последний фанфарон.

Но через несколько недель я вдруг почувствовал, что меня от всего этого вот-вот стошнит. Может быть, виноваты были глаза Новы, показавшиеся мне в то утро особенно бессмысленными, а может быть, кусочек сахара, которым меня угостила Зира. Сахар этот внезапно показался мне горьким, и я покраснел от стыда, осознав, что уже готов был трусливо смириться. Что подумает обо мне профессор Антель, если он случайно уцелеет и найдет меня в клетке? Даже мысль об этом была невыносима, и я твердо решил начиная с того самого мгновения вести себя как подобает цивилизованному человеку.

Поглаживая в знак благодарности лапку Зире, я осторожно завладел ее блокнотом и ручкой. Затем, не обращая внимания на ее ласковые упрёки, я уселся на солому и принялся рисовать Нову. Когда-то меня считали неплохим рисовальщиком, к тому же такая модель могла вдохновить кого угодно, и мне удалось сделать довольно приличный набросок, который я протянул шимпанзе.

Тотчас все сомнения Зире на мой счет возродились, и она пришла в неопределимое волнение. Мордочка ее покраснела, она уставилась на меня, не в силах унять дрожь. Воспользовавшись ее смятением, я властно протянул руку за блокнотом, и на сей раз она отдала его мне по доброй воле. До сих пор не понимаю, почему я раньше не прибег к такому простому способу!

Вспомнив свои школьные занятия, я начертил геометрическую фигуру, иллюстрирующую теорему Пифагора. Мой выбор не был случайным. В юности я прочел одну научно-фантастическую повесть, в которой старый ученый использовал геометрические фигуры, чтобы установить контакт с разумными существами иного мира. Во время перелета я как-то заговорил об этом методе с профессором Антелем, и даже он его одобрил. Помнится, он еще добавил, что геометрия Эвклида сплошное заблуждение, и именно потому она должна быть общепринятой во всех мирах.

Как бы там ни было, Зире мой чертёжик буквально потряс. Она дико вскрикнула, мордочка ее сделалась совсем пурпурной. Лишь когда встревоженные Зорам и Занам бросились к ней на помощь, ей с большим трудом удалось овладеть собой. И тут Зира повела себя по меньшей мере странно: исподтишка взглянув на меня, шимпанзе быстро и ловко спрятала сделанные мною рисунки. Она сказала несколько слов гориллам, и те вышли из помещения: я понял, что Зира удалила их под каким-то благовидным предлогом. Затем, приблизившись вплотную к клетке, она пожала мне руку, и рукопожатие ее имело совсем иное значение, нежели раньше, когда она просто ласкала симпатичного зверя, который угодил ей своей сообразительностью. Теперь она сама с умоляющим видом протягивала мне блокнот и ручку. Теперь уже ей не терпелось установить со мной контакт.

Я возблагодарил в душе Пифагора и снова обратился к геометрии. На одной странице я как можно старательнее начертил три конические производные с их вершинами и направляющими: эллипс, параболу и гиперболу. На другой я начертил конус. Здесь я хочу напомнить, что пересечение конуса плоскостями образует в плане именно эти три производные фигуры в зависимости от угла пересечения. Поэтому я пририсовал к конусу пересекающую плоскость под определенным углом и, обратившись к первому чертежу, указал восхищенной шимпанзе на эллипс, которому соответствовало это сечение.

Зира вырвала блокнот у меня из рук, в свою оче-

редь начертила конус, пересеченный плоскостью под иным углом, и указала мне своим длинным пальцем на гиперболу. Я был потрясен. Слезы выступили у меня на глазах, и, не в силах сдержать волнения, я судорожно сжал руку шимпанзе. Нова в глубине клетки завизжала от ярости. Инстинктивно она улавливала смысл того, что происходило у нее на глазах. И она не ошиблась. Между мной и Зирой через посредство геометрии установилось духовное общение. Я испытывал от этого почти физическое наслаждение и чувствовал, что самочка-шимпанзе тоже взволнована и смущена.

Внезапно она вырвала у меня свою лапку и опрометью бросилась вон из нашей секции. Отсутствовала она недолго, но все это время я провел словно во сне, не смея поднять глаз на Нову, которая с ворчанием кружила вокруг меня: я почему-то чувствовал себя перед ней виноватым.

Когда Зира вернулась, я увидел, что она принесла мне рисовальную доску с укрепленным на ней большим листом бумаги. Подумав немного, я решил объяснить ее намерения.

В одном углу листа я изобразил систему Бетельгейзе, такой, как она нам представилась из звездолета: гигантское солнце в центре, а вокруг него — четыре планеты. Особенно тщательно я нарисовал Сорору с ее маленьким спутником, точно определив ее положение в пространстве. Несколько раз я ткнул пальцем в это изображение, а затем настойчиво указал на Зиру. Она сделала знак, что прекрасно все поняла.

Тогда в другом углу листа я нарисовал нашу старую добрую солнечную систему с ее основными планетами. Я показал на Землю и приложил руку к своей груди.

На этот раз Зира заколебалась. В свою очередь, показав на Землю, она подняла палец вверх, к небу. Я утвердительно закивал. Шимпанзе была в недоумении, но явно силилась понять. Стараясь помочь ей, я соединил Землю с Соророй пунктирной линией и отделил в другом масштабе нарисовал наш звездолет. Это для нее было как луч света во тьме!

Все сомнения рассеялись: теперь она знала, кто я и откуда. Зира рванулась ко мне, но тут в начале коридора показался Зайус, явившийся с очередным обходом.

Глаза Зире округлились от страха. Она мгновенно сложила лист бумаги, сунула его в карман вместе с блокнотом, и пока орангутанг еще не приблизился, успела умоляющим жестом приложить палец к губам. Я понял, что она советует мне не открываться перед Зайусом. И я ей подчинился, хотя толком не понимал, к чему вся эта таинственность. Но я был уверен, что отныне Зира моя союзница, а потому со спокойной совестью опять прикинулся эдаким умным животным.

этого дня благодаря Зире я начал делать значительные успехи в изучении обезьяньего языка и обезьяньей культуры. Под пред-

логом новых, особо сложных опытов Зира почти ежедневно ухитрялась проводить со мной наедине несколько часов. Она взялась учить меня своему языку и в то же время сама усваивала французский с легкостью поистине необычайной. Менее чем через два месяца мы уже могли свободно разговаривать на самые разные темы. Мало-помалу передо мной открывался духовный мир Сороры, ее странная цивилизация, которую я пытаюсь обрисовать здесь хотя бы в самых общих чертах.

Как только мы с Зирой начали понимать друг друга, я первым делом поспешил удовлетворить сжигающее меня любопытство и задал самый главный вопрос:

— Неужели обезьяны — единственные разумные существа, цари природы на этой планете?

— А как же иначе? — изумилась она. — Разумеется, обезьяна единственное мыслящее существо, наделенное не только телом, но и душой. Самые заядлые

материалисты из наших ученых и те признают божественную сущность обезьяньей души.

От подобных высказываний я каждый раз чуть не подпрыгивал, хотя мог бы и попривыкнуть.

— Но скажи, Зира, кто же в таком случае люди?

Я уже упоминал, что она гораздо быстрее усваивала мой язык, чем я обезьяний, поэтому в первые дни мы говорили только по-французски и сразу же инстинктивно перешли на «ты». Сначала нам было трудно приспособиться к тому, что слова «человек» и «обезьяна» имеют для нас разный смысл, поскольку на Сороре они означают совсем не то, что на Земле, но мы к этому быстро привыкли. Всякий раз, когда она говорила «обезьяна», я переводил про себя: высшее существо, вершина эволюции. Когда же она упоминала о людях, я знал, что речь идет о животных, правда наделенных подражательным инстинктом и имеющих некоторое анатомическое сходство с обезьянами, однако именно о животных с примитивной звериной психикой и без малейших признаков сознания.

— За последние сто лет, — наставительно объясняла мне Зира, — мы добились замечательных успехов в исследовании происхождения видов. Раньше считалось, что виды неизменны, что все существа были и остаются такими, какими их некогда создал всемогущий творец. Но целая плеяда выдающихся ученых — все они были шимпанзе — заставила нас полностью пересмотреть свои взгляды. Теперь мы знаем, что виды эволюционируют и, возможно, у близких видов был общий прапредок.

— Значит, обезьяна произошла от человека?

— Некоторые так и считают, однако на деле все обстоит сложнее. Обезьяна и человек на определенном этапе эволюции образовали две различные ветви: одна продолжала развиваться и постепенно достигла вершин разума, другая же застыла на уровне животного мира. Впрочем, многие орангутанги до сих пор отрицают даже эту очевидную истину.

— Ты сказала, Зира... целая плеяда великих ученых — и все шимпанзе?..

Я передаю наш отрывочный разговор таким, каким он был: жажда сразу узнать как можно больше заставляла меня задавать самые неожиданные вопросы, а Зиру — пускаться в длинные объяснения.

— Почти все великие открытия сделаны нами, шимпанзе, — с горячностью подтвердила она.

— А какие еще касты есть у обезьян?

— Существуют три различные расы, — ты уже это заметил, — каждая со своими отличительными признаками: это гориллы, орангутанги и шимпанзе. Расовые барьеры между ними теперь уничтожены, и взаимная ненависть, которую они возбуждали, канула в прошлое, главным образом благодаря усилиям шимпанзе. Сегодня все расы в принципе равны.

— Однако большая часть великих открытий сделана все-таки учеными-шимпанзе? — продолжал я настаивать.

— Да, это так.

— Ну, а кто такие гориллы?

— Пожиратели мяса, — ответила она с презрением. — Некогда они были феодальными князьками, и у многих до сих пор сохранился вкус к власти. Они охотятся на животных и управляют ими. Они любят охоту и жизнь на лоне природы. А те, что победнее, нанимаются на работу, требующую большой физической силы.

— А что ты скажешь про орангутангов?

Зира внимательно посмотрела на меня, потом расхохоталась.

— Это жрецы официальной науки, — сказала она. — Ты уже убедился в этом и, боюсь, убедишься еще не раз. Они знают все, что можно вычитать из книг. У всех у них куча наград. Некоторые считаются даже светочами в какой-нибудь узкой области, требующей хорошей памяти. В остальном же...

Зира презрительно махнула рукой. Я не стал настаивать, решив, что мы еще успеем поговорить на эту тему. А пока я вернулся к более общим вопросам. По моей просьбе Зира нарисовала генеалогическое древо обезьян, как его представляют себе лучшие специалисты. Оно оказалось весьма похожим на наши схемы

эволюции видов. От общего ствола, погруженного в неведомые области, последовательно отделялись различные ветви: растения, одноклеточные организмы, кишечнополостные, иглокожие; выше располагались рыбы, пресмыкающиеся и, наконец, млекопитающие. Далее выделялся класс, аналогичный классу наших человекообразных. От него отходила ветвь человека. Но она была боковой и короткой, а центральный ствол продолжал расти и ветвиться на различные виды доисторических обезьян с непроизносимыми названиями, чтобы в конечном счете обозначить вид *simie sapiens* с тремя вершинами эволюции: расами шимпанзе, горилл и орангутангов. Все это было весьма логично.

— Мозг обезьяны, — продолжала Зира, — развивался, усложнялся и, наконец, превратился в орган мышления, в то время как мозг человека не претерпел никаких изменений.

— Но почему же именно мозг обезьяны достиг такого развития? — спросил я.

Разумеется, главную роль сыграла речь. Однако почему обезьяны заговорили, а люди нет? На этот счет мнения ученых расходятся. Одни видят в этом таинственное предначертание творца, другие утверждают, что разум обезьян эволюционировал благодаря наличию у них четырех подвижных конечностей.

— Человек с его двумя руками и короткими неловкими пальцами, — сказала Зира, — с самого начала оказался в невыгодном положении: он не мог прогрессировать, потому что не мог составить правильного представления об окружающем его мире. По той же причине люди никогда не умели правильно пользоваться какими-либо орудиями... О, вполне возможно, что когда-то они делали робкие попытки, на заре истории... Недавно обнаружены любопытные находки. Как раз сейчас в этом направлении ведутся исследования. Если это тебя интересует, я тебя как-нибудь познакомлю с Корнелием. Он в этих вопросах разбирается лучше меня, и вы сможете поговорить.

— Корнелий? Кто это?

— Мой жених, — ответила Зира, покраснев. — Настоящий, большой ученый.

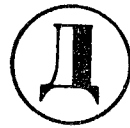
— Шимпанзе?

— Ну конечно!.. Да, — продолжала она, — я лично убеждена: тот факт, что мы четверорукые, сыграл в нашей духовной эволюции решающую роль. Это позволило нам сначала подняться на деревья и таким образом освоиться в трехмерном пространстве, в то время как человек, привязанный к земле своим физическим несовершенством, продолжал влачить жалкое существование на одной плоскости. Затем мы пристрастились к различным орудиям, опять же потому, что могли умело ими пользоваться. Начался прогресс, в результате которого обезьяны достигли вершин разума.

На Земле я часто слышал, как для объяснения превосходства человека над остальными животными приводят доказательства, прямо противоположные. Однако, подумав, я решил, что рассуждения Зиры ничуть не менее убедительны, чем наши, человеческие.

Я хотел продолжить этот разговор, на языке у меня вертелись сотни вопросов; но тут нас прервали Зорам и Занам, которые принесли еду для вечерней кормежки. Зира шепотом пожелала мне доброй ночи и ушла.

Я снова остался в клетке наедине с Новой. Мы поели. Гориллы удалились, погасив за собой все лампы, кроме одного ночника над дверью, распространявшего тусклый свет. Я смотрел на Нову, раздумывая обо всем, что узнал за этот день. Нова, разумеется, ненавидела Зиру, и мои беседы с шимпанзе приводили ее в неистовство. Вначале она даже пыталась нам помешать, посвоему выражая недовольство: она становилась между мной и Зирой, прыгала по клетке, вырывала из подстилки пучки соломы и швыряла их в голову разлучницы. Чтобы усмирить ее, пришлось прибегнуть к силе. Нова успокоилась, только получив пару звонких шлепков. Я позволил себе столь неделикатный жест, ни о чем не думая; позднее меня замучила совесть, однако Нова, по-видимому, нисколько не рассердилась.

Для меня это был великий день. Уступив, наконец, моим просьбам, Зира согласилась вывести меня из Института Высшей Физиологии — так называлось наше учреждение — для прогулки по городу.

Она решила на это после долгих колебаний. По-надобилось немало времени, чтобы окончательно убедить ее в моей принадлежности к мыслящим существам. Пока она оставалась со мной, для нее это было очевидно, но вдали от меня Зиру снова одолевали сомнения. Я все понимал. Попробуйте представить себя на ее месте! Мои рассказы о людях, а главное — об обезьянах Земли, поразили ее и возмутили, иначе и быть не могло. Позднее Зира призналась, что долгое время предпочитала видеть во мне шарлатана или колдуна, лишь бы не признавать факты. Тем не менее ей пришлось их признать под давлением многочисленных доказательств и уточнений, которые я представлял. В конце концов она полностью в меня уверовала и даже начала строить планы моего освобождения, что, кстати, оказалось совсем не простым делом, как она мне в тот день объяснила. А пока она явилась за мной вскоре после полудня, чтобы вывести меня на прогулку.

При одной мысли, что я снова увижу небо над головой, сердце мое так и запрыгало. Однако я заметно поостыл, когда увидел, что Зира собирается вести меня на поводке. Гориллы вытащили меня из клетки, захлопнув дверцу перед носом Новы, и надели мне на шею кожаный ошейник с прикрепленной к нему прочной цепочкой. Зира схватила свободный конец цепи и повела меня к выходу под душераздирающее улюлюканье Новы. Охваченный жалостью, я хотел ее успокоить дружеским жестом, но шимпанзе это заметила; она по-настоящему рассердилась и без дальнейших церемоний дернула поводок, увлекая меня за собой. С тех пор как Зира убедилась, что я обладаю разумом обезьяны, моя связь с этой девушкой шокировала ее и возмущала.

Ее дурное настроение рассеялось, когда мы остались одни в полутемном пустом коридоре.

— Наверное, люди Земли не привыкли, чтобы их вот так прогуливали на поводке обезьяна? — спросила она, смеясь.

Я уверил ее, что для нас это действительно редкость. Извинившись, Зира объяснила, что некоторых прирученных людей можно водить по улицам, не опасаясь штрафов и неприятностей, но наша прогулка будет выглядеть гораздо естественнее, если я останусь на привязи. Позднее, когда она убедится в моем послушании, я, возможно, смогу с ней прогуливаться и без поводка.

Затем, по-видимому забыв, кто я такой — с Зирой это случилось, — она принялась давать мне всевозможные советы и наставления:

— Не вздумай бросаться на прохожих или скалить зубы... И боже тебя упаси оцарапать доверчивого ребенка, которому захочется тебя погладить. Я не стала надевать тебе намордник, однако...

Давно я не испытывал подобного унижения!

Но тут Зира оборвала свою речь и расхохоталась.

— О, извини меня, извини! — воскликнула она. — Я все время забываю, что ты умен, как обезьяна...

Она дружески похлопала меня по плечу, словно прося прощения. Ее веселость утихомирила закипавшую во мне злость. Я любил слушать смех Зир. Вспомнив Нову, которой никак не удавалось выразить радость таким человеческим способом, я только вздохнул. Вскоре веселье шимпанзе заразило меня. В полутьме коридора черты Зир были почти неразличимы — я видел только ее белую мордочку. Для прогулки она нарядилась в яркое платье, а на голову натянула студенческий колпачок, скрывавший ее уши. На мгновение я даже забыл, что это обезьяна, и взял ее под руку. Это показалось ей вполне естественным, и она не стала возражать. Так, прижавшись друг к другу, мы прошли несколько шагов. Но в конце коридора было боковое окно; дойдя до него, Зира живо высвободила руку и оттолкнула меня.

— Ты не должен так поступать, — грустно сказала она. — Во-первых, я обручена, а потом...

— Ты обручена?!

Нелепость этого замечания в связи с моим невинным дружеским жестом предстала перед нами обоими одновременно. Мордочка Зиры порозовела, и она поспешила загладить свой промах:

— Я хочу сказать, что никто не должен подозревать о твоей истинной сущности. Уверю тебя, это в твоих же интересах.

Я покорно вздохнул и поплелся за ней на поводке. Мы вышли из здания. Швейцар института, здоровенный самец-горилла в мундире, вежливо поклонившись шимпанзе, проводил меня насмешливым взглядом. На улице я едва не потерял равновесие: после трех месяцев заключения от городской суеты и сияния Бетельгейзе кружилась голова. Полной грудью я вдыхал теплый воздух и в то же время краснел от стыда за свою наготу. Я привык к наготу в клетке, но тут, на улице, на глазах прохожих обезьян, которые меня беззастенчиво разглядывали, я чувствовал себя смешным и непристойным. Зира категорически отказалась дать мне одежду, утверждая, что тогда я буду выглядеть еще нелепее, как один из тех дрессированных людей, которых показывают на ярмарках. И она, разумеется, была права. Если прохожие и оглядывались на меня, то не потому, что я был голым, а потому, что я был человеком, то есть диковинкой, вызывающей такое же любопытство зевак, какое на улицах французского города могло бы возбудить появление шимпанзе. Взрослые, посмеявшись, шли своей дорогой. Несколько обезьяньих детенышей, обрадованных даровым представлением, увязались за нами. Зира быстро довела меня до своей машины, посадила на заднее сиденье, а сама устроилась за рулем, и мы не торопясь поехали по улицам.

Этот город, столицу одной из крупнейших областей обезьяньего государства, я видел лишь мельком из клетки в день прибытия, и теперь мне приходилось

заново привыкать к тому, что он населен обезьянами-прохожими, обезьянами-шоферами, обезьянами-торговцами, обезьянами-дельцами, обезьянами в мундирах, следящими за порядком, — одними обезьянами! Если бы можно было отвлечься от этой детали, город не представлял бы собой ничего особенного. Дома подходили к нашим, улицы, как и у нас, грязноватые... Движение показалось мне менее напряженным. Единственное, что меня поразило, так это способ, каким пешеходы пересекали улицы. Вместо пешеходных дорожек здесь для них были устроены воздушные переходы из металлической сети с крупными ячейками, за которую обезьяны цеплялись всеми четырьмя руками. Все они были обуты в перчатки из тонкой кожи, позволявшие им пользоваться нижними конечностями так же свободно, как и верхними.

Повозив меня немного по городу, чтобы я мог составить о нем общее представление, Зира остановила машину перед высокой решеткой, сквозь которую виднелись целые поляны цветов.

— Это наш парк, — объяснила она. — Здесь мы сможем прогуляться. Я бы хотела тебе показать кое-что другое, например наши замечательные музеи, но пока это невозможно.

Я уверил ее, что буду рад поразмять ноги.

— К тому же, — добавила она, — в парке нас не будут беспокоить. Народу здесь бывает мало, а нам давно уже пора поговорить серьезно.

Ты, видимо, не представляешь, какие опасности тебе угрожают у нас? — спросила Зира.

— Кое с какими я уже познакомился. Но мне кажется, если выяснится, кто я такой, — а я могу теперь представить необходимые доказательства — обезьяны должны будут меня признать, как своего собрата по разуму.

— Вот как раз в этом ты ошибаешься. Слушай меня внимательно...

ГЛАВА

4

Мы прогуливались по парку. Аллеи его были пустынные, лишь изредка нам встречались влюбленные парочки, почти не обращавшие на меня внимания. Я же, со своей стороны, внимательно наблюдал за ними, решив не упускать ни одной возможности, чтобы поскорее изучить обычаи обезьян.

Влюбленные гуляли мелкими шажками, обняв друг друга за талию так, что их длинные руки образовывали тесное и сложное переплетение. На поворотах аллей они часто останавливались и обменивались поцелуями. Иногда, оглянувшись по сторонам, они хватались за нижние ветви и взбирались на деревья. Прodelывали они это, не разнимая объятий, — каждый действовал одной рукой и одной ногой с завидной ловкостью, и уже через мгновение влюбленные исчезали в листве.

— Слушай меня, — говорила Зира. — Твой космический катер, — я уже подробно объяснил ей, как мы высадились на планету, — твой катер обнаружен, во всяком случае то, что от него осталось после разгрома. Он привлек внимание наших ученых. Специалисты признали, что он не мог быть построен на Сороре.

— А у вас есть аналогичные аппараты?

— Есть, но не такие совершенные. Судя по твоим рассказам, мы намного отстали от вас. Однако мы уже запустили несколько искусственных спутников и последний даже с живым существом, с человеком. К сожалению, мы не могли его вернуть, и нам пришлось его взорвать в полете.

— Понимаю, — сказал я задумчиво. — Значит, вы тоже используете людей для подобных экспериментов.

— Приходится... Итак, твоя ракета была обнаружена.

— А наш корабль, который вращается вокруг Сороры вот уже два с лишним месяца?

— Об этом я ничего не слышала. Видимо, наши астрономы его не засекли. Однако не прерывай меня на каждом слове! Ученые выдвинули гипотезу, что твоя ракета прилетела с другой планеты нашей звездной системы и что в ней были пассажиры. Дальше

этого они не пошли. Никому и в голову не приходит, что эти разумные существа могут иметь обличие людей!

— Но, Зира, надо им это сказать! — воскликнул я. — Мне надоело быть пленником даже в самой удобной из клеток, даже когда обо мне заботишься ты. Почему ты меня прячешь? Почему не открыть правду всем остальным?

Зира остановилась, оглянулась по сторонам и положила руку мне на плечо.

— Почему? Только ради тебя самого. Ты знаешь Зайуса?

— Конечно. Я даже хотел о нем поговорить. Но при чем здесь он?

— Ты заметил, как он воспринял твои первые попытки доказать, что ты разумное существо? Знаешь ли ты, что я сто раз пыталась его прощупать по этому поводу и хотя бы намекнуть, — о, совсем осторожно намекнуть! — что, несмотря на внешний вид, ты все-таки, может быть, не совсем животное?

— Я знаю только, что вы часто спорили и, кажется, не пришли к согласию.

— Он упрям, как осел, и глуп, как человек! — взорвалась Зира. — Но что делать? Таковы почти все орангутанги. Он объявил раз и навсегда, что все твои способности объясняются высокоразвитым животным инстинктом, и теперь ничто не заставит его изменить свое мнение. К несчастью, он уже написал о тебе целую диссертацию, в которой доказывает, что ты ученый человек, то есть человек, очевидно уже побывавший в плену, выдрессированный прежним хозяином и способный бессознательно выполнять определенные трюки.

— Глухое животное!

— Согласна. Однако вся беда в том, что он представляет официальную науку и пользуется большим влиянием. В институте он занимает один из самых высоких постов, поэтому все мои предложения проходят через его руки. Я убеждена, что, если я попытаюсь рассказать о тебе правду, как ты настаиваешь, Зайус просто обвинит меня в научной недобросовестности.

Меня уволят. Это бы все пустяки, но знаешь ли ты, что может случиться с тобой?

— А что может быть ужаснее жизни в клетке?

— Неблагодарный! Ты даже не подозреваешь, на какие уловки мне пришлось пуститься, чтобы тебя не переместили в энцефалическую лабораторию! Зайус не остановился бы ни перед чем, если бы я продолжала ему доказывать, что ты являешься разумным существом.

— А что такое энцефалическая лаборатория? — спросил я встревоженно.

— Лаборатория, где мы производим некоторые тонкие операции на живом мозге: пересадки тканей, поиски и раздражение нервных центров, частичное или полное выключение мозговых долей.

— И вы проделываете подобные опыты на людях?

— Разумеется. Мозг человека, как и вся его анатомия, ближе всего подходит по строению к нашему. Нам просто повезло, что природа создала животное, на котором мы можем изучать нашу собственную физиологию. Люди служат нам и для других опытов, но об этом ты узнаешь позднее. Как раз сейчас мы приступили к чрезвычайно важным исследованиям...

— ...Требуящим значительных пополнений человеческого материала?

— Да, значительных. Этим и объясняются облавы в джунглях, восполняющие наши запасы. К сожалению, облавы организуют гориллы, и мы не можем лишить их любимого развлечения — ружейной охоты. А из-за этого огромное количество материала оказывается потерянным для науки.

— Действительно, факт, достойный сожаления, — процедил я, поджав губы. — Однако вернемся к моей скромной особе...

— Теперь ты понимаешь, почему я решила сохранить все в тайне?

— Неужели я обречен до конца дней своих сидеть за решеткой?

— Нет, если только мой план удастся. Но ты не должен себя выдавать, пока не наступит благоприятный момент и пока все козыри не будут у нас на

руках. Вот что я предлагаю: через месяц откроется ежегодный конгресс биологов. Это большое событие. На открытии будет огромное количество народу и в том числе представители всех крупнейших газет. А у нас общественное мнение играет такую роль, что с ним вынуждены считаться не только Зайус, не только все орангутанги, вместе взятые, но даже гориллы. Вот этим ты и должен воспользоваться. Ты должен открыть свою тайну перед всем конгрессом, во время заседания, ибо ты будешь на нем присутствовать: как я уже сказала, Зайус написал длинный доклад о тебе и твоём пресловутом инстинкте, и он сам приведет тебя в качестве экспоната. Но когда наступит его черед, лучше будет, если ты сам возьмешь слово и все объяснишь. Это будет такой сенсацией, что Зайус не сможет тебе помешать. Остальное зависит только от тебя. Ты должен говорить четко и ясно, чтобы убедить ученых, публику и журналистов, как ты сумел убедить меня.

— А если Зайус и другие орангутанги заупрямятся?

— Гориллы, вынужденные считаться с общественным мнением, поставят этих идиотов на место. Кстати, не все орангутанги так глупы, как Зайус, и, наконец, среди ученых есть несколько шимпанзе, которых пришлось сделать академиками за их выдающиеся открытия. Один из них — Корнелий, мой жених. С ним, и только с ним одним я уже говорила о тебе. Он обещал выступить в твою защиту. Разумеется, сначала он хочет познакомиться с тобой и проверить все, что я ему рассказала. — слишком уж это кажется невероятным! Кстати, отчасти для этого я и привела тебя сюда. Сегодня Корнелий назначил мне здесь свидание и должен скоро прийти.

Корнелий ожидал нас возле группы гигантских папоротников. Это был симпатичный шимпанзе, разумеется, более взрослый, чем Зира, но все-таки слишком уж молодой для почтенного академика. С первого же мгновения я был поражен глубиной его взгляда, необычайно живого и проникательного.

— Ну, как ты находишь? — тихонько спросила меня Зира по-французски.

Судя по такому вопросу, я, видимо, окончательно завоевал доверие этой самочки-шимпанзе. В ответ я пробормотал несколько восхищенных замечаний, и мы подошли к Корнелию.

Жених и невеста обнялись, как обнимались все парочки в этом парке. Корнелий обвил Зиру руками, даже не взглянув в мою сторону. Было ясно, что, несмотря на все ее рассказы обо мне, я для него значил не больше, чем ручной домашний зверь. Да и сама Зира на мгновение забыла обо мне, и губы влюбленных слились в долгий поцелуй. Затем Зира вздрогнула, быстро отстранилась и смущенно потупила взор.

— Что с тобой, дорогая? — удивился Корнелий. — Ведь мы одни!

— Извините, но я тоже здесь, — с достоинством проговорил я на самом лучшем обезьяньем языке, на какой был способен.

— Что?! — вскричал шимпанзе, отскакивая в сторону.

— Я сказал: я тоже здесь. К сожалению, вынужден вам об этом напомнить. Ваши объятия и поцелуй меня несколько не стесняют, но вы сами впоследствии можете упрекнуть меня в нескромности.

— Черт бы меня побрал! — завопил ученый шимпанзе.

Зира расхохоталась и представила нас друг другу.

— Доктор Корнелий, член академии, — сказала она. — Улисс Меру, житель одной из планет солнечной системы, точнее — житель Земли.

— Счастлив с вами познакомиться, — проговорил я. — Зира мне о вас рассказывала. Рад, что у вас такая очаровательная невеста. Примите мои поздравления.

Тут я протянул ему руку, но Корнелий отскочил назад, словно увидел возникшую перед ним змею.

— Значит, это правда? — пробормотал он, ошалело глядя на Зиру.

— Милый, разве я тебе когда-нибудь лгала?

Корнелий овладел собой: он был настоящим ученым. После недолгих колебаний шимпанзе пожал мне руку.

— Как поживаете? — спросил он.

— Благодарю вас, — ответил я. — Еще раз прошу меня извинить за мой... костюм.

— Он только об этом и думает, — смеясь, заметила Зира. — Прямо какая-то мания! Он даже не представляет, как он будет выглядеть в одежде.

— И вы действительно прибыли с этой... как ее?..

— С Земли, из солнечной системы.

По-видимому, до сих пор Корнелий мало верил словам Зиры, полагая, что все это какая-то мистификация. Но теперь он буквально забросал меня вопросами. Мы прогуливались мелкими шажками по парку: шимпанзе шли под руку впереди, а я на поводке за ними, чтобы не привлекать внимания прохожих. Однако мои ответы настолько поражали воображение Корнелия, что он то и дело останавливался, бросал свою невесту, и мы принимались спорить, стоя друг перед другом, размахивая руками, испещряя песок аллеи всевозможными чертежами. Зира на нас не сердилась. Наоборот, видя, какое впечатление я произвел на ее жениха, она радовалась от души.

Разумеется, Корнелия больше всего заинтересовала эволюция рода человеческого на Земле, и он заставил меня несколько раз повторить все, что я об этом знаю. После этого он надолго погрузился в задумчивость. Затем он сказал, что моя информация, несомненно, представляет огромную ценность для науки вообще и для него в частности, особенно теперь, когда он приступил к чрезвычайно смелым исследованиям в области происхождения обезьян. Насколько я понял, он считал эту проблему далеко не решенной и не соглашался с общепринятыми теориями. Однако когда речь зашла о его собственных предположениях, он стал сдержанным, и в эту первую встречу я так от него ничего и не узнал. Как бы там ни было, я приобрел в его глазах неизмеримую ценность, и, видимо, он отдал бы все свое состояние, лишь бы заполучить меня в свою лабораторию.

Затем мы заговорили о моем положении и о Зайусе, чья глупость и слепое упрямство были Корнелию хорошо известны. Он одобрил план Зиры. И даже обещал подготовить почву для моего выступления, намекнув

кое-кому из своих коллег, что в моем случае много неясного и таинственного.

Когда мы расставались, Корнелий без колебаний протянул мне руку, проверив на всякий случай, нет ли поблизости посторонних. Потом он поцеловал свою невесту и удалился, оглядываясь через плечо, словно для того, чтобы убедиться, что я ему не привиделся во сне.

— Какой приятный молодой шимпанзе, — сказал я Зире, когда мы возвращались к машине.

— И очень крупный ученый, — добавила она. — Я уверена, при его поддержке ты сумеешь убедить конгресс.

— Зира, — прошептал я ей на ухо, устроившись на заднем сиденье, — я обязан тебе свободой и жизнью.

Только теперь я понял, как много она для меня делала с первого же дня моего плена. Без нее мне бы никогда не удалось установить контакт с обезьяньим миром. Зайус вполне мог бы удалить у меня мозг, лишь бы доказать, что я не являюсь мыслящим существом. Благодаря Зире теперь у меня были союзники, и я мог смотреть в будущее с некоторой долей оптимизма.

— Я это делала из любви к науке, — ответила Зира, краснея. — Твой случай уникален, и я должна была сохранить тебя любой ценой.

Я не знал, как выразить мою признательность. По-коренный взглядом ее мудрых глаз, я уже не видел обезьяньей морды. Рука моя сама легла на ее длинную волосатую лапку. Зира вздрогнула, и я прочел в ее взгляде сочувствие и нежность. Глубоко взволнованные, мы не произнесли на обратном пути ни слова.

ГЛАВА

5

Зира тайком передала мне электрический фонарик и теперь снабжает книгами, которые я прячу под соломой. Я уже бегло читаю и говорю на обезьяньем языке. Каждую ночь по многу часов я изучаю цивилизацию Сороры. Вначале Но-

ва протестовала. Скаля зубы, она обнюхивала книгу, словно опасного зверя. Но достаточно было направить на нее луч фонаря, как она забивалась в угол, дрожа и повизгивая. С тех пор как у меня появился фонарик, я полный хозяин в своей клетке и мне уже не приходится прибегать для успокоения Новы к веским аргументам. Чувствую, что внушаю ей священный ужас, да и остальные пленники, судя по некоторым признакам, относятся ко мне так же. Мой престиж стоит весьма высоко. И я этим злоупотребляю. Иногда на меня накатывает блажь, и я без всякого повода пугаю Нову светом фонарика. А потом она же ластится ко мне, чтобы я простил ее за свою жестокость.

Льщу себя надеждой, что уже составил достаточно ясное представление об обезьяньем мире.

У обезьян нет деления на нации. Вся планета управляется кабинетом министров, во главе которого стоит триумvirат из одной гориллы, одного орангутанга и одного шимпанзе. Параллельно с этим правительством существует Парламент, состоящий из трех палат: Палаты горилл, Палаты орангутангов и Палаты шимпанзе. Каждая палата защищает интересы своей расы.

По сути дела, это деление на три расы является единственным на Сороре. В принципе представители всех рас обладают равными правами и могут занимать любой пост. Однако на деле существуют ограничения, и каждая раса специализируется в своей области.

В далеком прошлом гориллы играли главенствующую роль благодаря своей физической силе. С тех пор многое изменилось, но и теперь они составляют самый могущественный класс. Они не смешиваются с массой, их не увидишь в толпе демонстрантов, но именно гориллы из высших сфер управляют большинством крупных предприятий. В целом довольно невежественные, они инстинктивно умеют использовать опыт и знания подчиненных. Больше всего они любят

давать общие указания, намечать генеральные линии и командовать прочими обезьянами. Если какой-нибудь специалист делает интересное открытие, например изобретает светящуюся ампулу или новый сорт горючего, то эксплуатирует это изобретение, извлекая из него максимальную выгоду, как правило, горилла. Не обладая большим умом, гориллы все же куда хитрее и сообразительнее орангутангов. Играя на тщеславии этих туниц, гориллы добиваются от них всего, чего хотят. Так, например, во главе нашего института над Зайусом, занимающим пост научного руководителя, стоит горилла-директор, которого почти никто никогда не видит. В наше отделение он зашел всего один раз. Он окинул меня таким генеральским взором, что я машинально едва не вытянулся перед ним по стойке «смирно». Зайус в его присутствии вел себя роботно, и даже на Зиру начальственный вид директора производил впечатление.

Гориллы, которые не занимают ответственных постов, обычно нанимаются на черную работу, требующую физической силы. Так, например, Зораму и Занаму поручают лишь второстепенные дела, главная же их обязанность — в случае необходимости восстанавливать порядок среди подопытных.

И наконец, многие гориллы становятся охотниками. По сути дела, это их привилегия. Они занимаются отловом диких зверей, в частности людей. Я уже говорил, что эксперименты обезьян требуют постоянно-го пополнения человеческого материала, который расходуется в огромных количествах. Непонятно почему, этим экспериментам придают здесь исключительное значение. Похоже, что чуть ли не треть обезьяньего населения занимается проблемами биологии и физиологии, но к этому запутанному вопросу я еще вернусь. Как бы там ни было, поставки человеческого материала требуют сложной организации. Многочисленные группы стрелков, загонщиков, транспортных рабочих и продавцов служат в охотничьих фирмах, во главе которых всегда стоят гориллы. Дела этих фирм, я думаю, процветают, потому что цены на людей все время растут.

Рядом с гориллами — я бы сказал, ниже горилл, хотя формально такой иерархии не существует, — стоят орангутанги и шимпанзе. Орангутангов довольно мало, а их роль Зира достаточно ясно определила короткой формулой: они представляют официальную науку.

До известной степени это справедливо, однако некоторые орангутанги занимаются также политикой, искусством и литературой. И в любую область приносят характерные для них черты. Чванливые, тщеславные, педантичные, самоуверенные и не признающие ничего оригинального, слепые и глухие ко всему новому, зато готовые с пеной у рта отстаивать любое традиционное старье — стертые штампы, банальные истины, готовые формулировки, — орангутанги составляют основной контингент для всех академий. Обладая превосходной памятью, они выучивают наизусть огромное количество книг. Затем они пишут свои книги, повторяя в них все выученное раньше, и этим добиваются признания со стороны своих коллег-орангутангов. Возможно, в этом вопросе я нахожусь под слишком сильным влиянием Зире и ее жениха, которые, как и все шимпанзе, презирают орангутангов. Но ведь и гориллы тоже их презирают, издеваются над их робованием и ловко используют в своих интересах. Почти за каждым орангутангом стоит горилла или совет горилл, который поддерживает своего подопечного, продвигает его на почетные должности, помогает ему получать звания, а главное — боготворимые орангутангами ордена, но все это только до тех пор, пока подопечный удовлетворяет опекунов. В противном же случае его немедленно увольняют в отставку и без малейших сожалений заменяют другой обезьяной той же породы.

Остаются еще шимпанзе. Они, насколько я понял, представляют собой интеллигенцию планеты. Зира не зря хвасталась, когда говорила, что все великие открытия сделаны учеными-шимпанзе. Может быть, она слегка обобщила факты, потому что есть все же исключения. Во всяком случае, большую часть интересных книг по самым различным вопросам написали

именно шимпанзе. По-видимому, в них чрезвычайно сильно развит дух поиска, исследований.

Я уже говорил, как фабрикуют свои труды orangутанги. Но самое страшное, часто жаловалась мне Зира, что они точно таким же образом стряпают учебники, распространяя грубейшие заблуждения среди обезьяньей молодежи. По ее словам, всего несколько лет назад школьные учебники утверждали, будто планета Сорора является центром мироздания, хотя даже обезьяны средних способностей давно не верили в подобную чепуху, и все это лишь потому, что много тысячелетий тому назад на Сороре жил orangутанг по имени Аристас, пользовавшийся огромным авторитетом и проповедовавший эту теорию, которую другие orangутанги повторяют с тех пор как непреложную истину. Узнав, что тот же Аристас утверждал, будто душу могут иметь только обезьяны, я начал лучше понимать отношение Зайуса ко мне. К счастью, шимпанзе обладают гораздо более критическим умом. Вот уже несколько лет, как я понял, они ожесточенно штурмуют твердыню косных аксиом, стараясь низвергнуть древнего идола.

Что касается горилл, то они пишут редко. Зато их труды заслуживают всяческой похвалы, если не за содержание, то, во всяком случае, за оформление. Я пробежал несколько таких книг и до сих пор помню некоторые названия: «Научно-исследовательская работа — основа организации предприятия», «Преимущества общественного сектора» или, скажем: «Организация больших облав на людей на Зеленом материке». В этих книгах, как правило, приводится масса документов, и каждую главу пишет специалист. В них много диаграмм, таблиц или захватывающих фотографий.

Объединение всей планеты, отсутствие войн, а следовательно, военных расходов, — на Сороре нет армии, только полиция, — казалось бы, должны были способствовать головокружительному прогрессу обезьяньей цивилизации. Но этого не произошло. Хотя Сорора, очевидно, даже старше Земли, обезья-

ны значительно отстают от людей во многих областях.

У них есть электростанции, промышленность, автомобили, самолеты, однако в освоении космоса обезьяны все еще топчутся на стадии искусственных спутников. В теоретических науках, в познании бесконечно большого и бесконечно малого они тоже продвинулись недалеко. Впрочем, это отставание, по-видимому, случайно, и я не сомневаюсь, что когда-нибудь они нас догонят: в пользу этого говорят их необычайная работоспособность и острый исследовательский ум шимпанзе. Порой мне кажется, что в истории обезьян был темный период застоя, продолжавшийся очень долго, гораздо дольше, чем у нас, и что лишь недавно они вступили в новую эпоху великих открытий и свершений.

Основная часть их научных исследований — я должен это еще раз подчеркнуть — ведется в области биологии и физиологии и направлена, в частности, на изучение обезьяны. Для этих исследований используются люди, которые играют, таким образом, в жизни обезьян хоть и незавидную, но первостепенную роль. Хорошо еще, что на Сороре достаточно людей! По свидетельству одного ученого, люди здесь даже более многочисленны, чем обезьяны. Однако обезьянье население непрерывно возрастает, в то время как число людей сокращается, поэтому уже сейчас некоторые исследователи обеспокоены проблемой пополнения материала для своих лабораторий.

Но все это не объясняет тайны обезьяньей эволюции. Впрочем, может быть, никакой тайны вообще не существует? Может быть, их развитие происходило так же закономерно, как наше? Нет, не могу в это поверить! Тем более что теперь мне доподлинно известно, что в спонтанное вознесение обезьян на вершину эволюции не верят многие ученые Сороры. К их числу принадлежит и Корнелий, и, насколько я знаю, его поддерживают самые светлые, ищущие умы.

Обезьяны не знают, откуда они взялись, кто они такие и куда идут, и, видимо, страдают от такой неопределенности. Может быть, именно это чувство зас-

тавляет их с лихорадочной поспешностью вести биологические изыскания и придает особую направленность всей их научной деятельности?

Дальше этого в ту ночь я не продвинулся и так и заснул, не разрешив самого главного вопроса.

ГЛАВА 6

Зира частенько выводила меня на прогулку в парк. Там иногда мы встречали Корнелия и вместе с ним готовили речь, которую я должен был произнести на заседании конгресса. День его открытия приближался, а я нервничал все больше. Зира уверяла меня, что все будет хорошо. Корнелию не терпелось освободить меня, чтобы вплотную заняться моей особой — то есть, поправлялся он, видя мое недовольство такой постановкой вопроса, чтобы привлечь меня к своей работе.

Но в тот день Корнелий прийти не смог, и Зира предложила посетить зоологический сад, примыкавший к парку. Я бы, конечно, предпочел сходить в театр или в музей, но эти развлечения были мне пока что недоступны. Кое-какое представление об обезьяньем искусстве я, правда, уже составил, но лишь по книгам. Меня приводили в восхищение репродукции классических картин — портреты знаменитых обезьян, сельские пейзажи, обнаженные фигуры сладострастных самок, вокруг которых порхали крылатые обезьянки, изображавшие Амуров, или батальные сцены, в которых участвовали страшные гориллы в сверкающих мундирах. Были у обезьян и свои импрессионисты, а некоторые современные художники возвысились даже до абстрактной живописи. Со всем этим я познакомился у себя в клетке при свете электрического фонарика.

Я не мог голышом появиться в театре, поэтому Зира водила меня только на спортивные зрелища под открытым небом. Так я увидел игру, напоминающую наш футбол, присутствовал на жуткой встрече по боксу между двумя гориллами и любовался состязанием

по легкой атлетике, во время которого воздушные гимнасты-шимпанзе взлетали в прыжках с шестом на головокружительную высоту.

Ну что ж, сегодня я согласился посетить зоосад.

Сначала я не заметил там ничего примечательного. Животные весьма напоминали наших земных зверей. Здесь были хищники, хоботные, жвачные, пресмыкающиеся и птицы. И если я видел трехгорбого верблюда или кабана с козлиными рогами, это меня никак не могло удивить после всего, что я уже повидал на Сороре.

Изумляться я начал, когда мы дошли до секции людей. Зира пыталась меня увести, видимо сожалея, что вообще затеяла эту прогулку, но мое любопытство было слишком велико, и я дергал поводок до тех пор, пока она не уступила.

В первой клетке, у которой мы остановились, сидело человек пятьдесят женщин, мужчин и детей, выставленных здесь напоказ к великой радости обезьян-ротозеев. Люди лихорадочно суетились, прыгали, толкались, кувыркались и выкидывали всевозможные фокусы, стараясь привлечь к себе внимание. Поистине это было небывалое зрелище!

Каждый пленник стремился заслужить одобрение маленьких обезьянок, которые время от времени кидали в клетку фрукты или пряники, купленные при входе в зоосад у старой самки-шимпанзе. Когда кто-нибудь из людей, ребенок или взрослый, проделывал особенно забавный трюк — взбирался по решетке, прыгал на четвереньках или начинал ходить на руках — он получал вознаграждение. Но едва лакомый кусочек падал среди толпы пленников, тотчас начиналась свалка — люди дрались, царапались, таскали друг друга за волосы, — и все это с яростным визгом, с криком, со звериным рычанием.

Некоторые более пожилые люди не участвовали в потасовках. Они сидели в стороне, поближе к решетке, и, завидев, что какая-нибудь маленькая обезьянка сует лапу в мешочек с угощением, умоляюще протягивали к ней руки. Обезьяний малыш обычно в испуге отскакивал, но, когда родители или друзья поднимали

его на смех, он набирался храбрости и, весь трепеща, передавал лакомство из руки в руку.

Появление в зоосаде человека на поводке произвело сенсацию как среди пленников, так и среди зрителей-обезьян. Люди в клетке на минуту прервали свою беготню и подозрительно уставились на меня, но поскольку я держался смирно и с достоинством отказывался от подачек, которые боязливо протягивали мне обезьянны малыши, и пленники и зрители вскоре перестали обращать на меня внимание, и я получил возможность беспрепятственно наблюдать за теми и другими. Скотское поведение людей вызывало у меня краску стыда, особенно когда я лишний раз убеждался, насколько они похожи на меня внешне.

В других клетках я увидел те же самые унижительные представления. Сердце мое ожесточилось, и я уже готов был последовать за Зирой, тянувшей меня за поводок прочь из этого ада, как вдруг в глаза мне бросилось такое, что я едва удержался, чтобы не закричать. В одной из клеток в стаде людей я увидел моего спутника по космическому путешествию, прославленного профессора Антеля, который был руководителем и душой нашей экспедиции. Наверное, он, как и я, попал в ловушку, но, видимо, ему не повезло, и его продали в зоосад.

Я был так счастлив видеть его живым и здоровым, что слезы выступили у меня на глазах. Но тут же я подумал, в каких ужасных условиях он находится, и содрогнулся. Буя чувств, одолевавших меня, вскоре сменилась унылым изумлением, когда я заметил, что великий ученый ведет себя точно так же, как остальные обитатели клетки. Это было невероятно, однако приходилось верить своим глазам. Профессор Антель примкнул к группе пожилых самцов, которые не участвовали в свалках, а только протягивали за подачкой руки с умоляющими гримасами. Я видел, как он это делал, и ничто в его поведении не отличало его от людей Сороры. Маленькая обезьянка дала ему банан. Профессор взял его, уселся, скрестив под собой ноги, и начал торопливо пожирать подачку, не спуская со своего благодетеля жадного взгляда, как

будто надеялся получить еще. При виде этой сцены я снова заплакал. Мне пришлось шепотом объяснить Зире причину моего горя. Я хотел подойти и заговорить с профессором, но она решительно этому воспротивилась. Я ничем не смог бы ему помочь, а бурное свидание грозило вызвать нежелательный скандал, который повредил бы нам обоим и помешал моим собственным планам.

— Мы займемся им после конгресса, когда ты будешь признан и принят в наше общество как разумное существо, — сказала мне Зира.

Она была права, и я с горечью позволил увести себя из зоосада.

По дороге к машине я объяснил Зире, кто такой профессор Антель и какой репутацией он пользовался на Земле среди ученых. Она долго думала и в конце концов пообещала сделать все возможное, чтобы выволочить его из зоосада. Пока мы добирались до института, я немного успокоился, однако когда гориллы принесли вечернюю кормежку, она встала у меня поперек горла, и я отказался от еды.

ГЛАВА

а неделю перед конгрессом Зайус зачастил ко мне, подвергая меня самым нелепым испытаниям. Его секретарша не успевала запол-

нять многочисленные листки замечаниями и наблюдениями, относящимися к моей особе. Я же лицемерно старался вести себя не умнее, чем от меня требовалось.

Наконец конгресс начался, однако первые два дня были посвящены теоретическим дискуссиям, и за мной явились только на третий день. Но все это время я был в курсе событий благодаря Зире. Зайус уже выступил с длинным докладом, в котором представил меня как человека с удивительно развитыми инстинктами, но полностью лишённого разума. Корнелий задал ему несколько коварных вопросов, чтобы докладчик объяснил, как он оценивает те или иные особенности

7

моего поведения. Это разожгло старую вражду, и последнее заседание было довольно бурным. Ученые разделились на два лагеря: одни доказывали, что у животных вообще не может быть души, другие — что различие между психикой обезьян и животных выражается только количественно, но не качественно. Разумеется, истинной подоплеку этого спора не знал никто, кроме Корнелия и Зиры. Тем не менее в докладе Зайуса были приведены факты столь поразительные — о чем этот болван даже не подозревал, — что многие беспристрастные наблюдатели и даже некоторые заслуженные ученые были смущены, и по городу распространился слух о совершенно необычном человеке.

Выводя меня из клетки, Зира шепнула мне на ухо:

— Народу будет полно, как на премьере, а о журналистах и говорить нечего. Все взволнованны и ждут сенсации. Для тебя это замечательно. Мужайся!

Ее моральная поддержка была мне необходима. Я чувствовал, что нервы мои сдают. Речь свою я перечитывал всю ночь. Я знал ее наизусть, она должна была убедить самых упрямых тупиц, но меня преследовала страшная мысль, что мне не позволят даже заговорить.

Гориллы втолкнули меня в установленную на грузовик клетку, где уже находилось несколько других подопытных людей, которых удостоили чести предстать перед ученым собранием из-за их отклонений от нормы. Вскоре мы доехали до огромного здания, увенчанного куполом. Сторожа ввели нас в примыкавший к залу заседаний вестибюль с клетками у стены. В этих клетках нам пришлось ожидать, пока ученые обезьяны не соизволят нас продемонстрировать. Время от времени напыщенный самец-горилла в черном мундире отворял дверь в вестибюль и выкрикивал номер; сторожа брали очередного человека на поводок и вводили его. При каждом появлении черного швейцара сердце мое едва не выпрыгивало из груди. Сквозь полуоткрытую дверь из зала заседаний доносился невнятный гул, возгласы, иногда аплодисменты.

Всех подопытных, которых уже продемонстрировали, сразу же увозили, и, пока я лихорадочно вспоминал основные положения своей речи, в вестибюле не осталось никого, кроме меня и сторожей-горилл. Очевидно, меня приберегали под конец представления, как примадонну. Черный швейцар появился в последний раз и выкрикнул мой номер. Я вскочил, выхватил из рук остолебеневшего сторожа поводок и сам пристегнул его к своему ошейнику. Затем в сопровождении двух горилл я твердым шагом вошел в зал заседаний. Но, едва переступив порог, я остановился, ослепленный и обескураженный.

Со дня моего прибытия на планету Сорору я повидал немало странных и диких сцен. Мне казалось, что я уже привык к обезьянам и их поведению настолько, что меня больше ничто не может удивить. Однако чудовищная нелепость и грандиозность представшего передо мною зрелища потрясли меня, голова моя пошла кругом, и я — в который раз! — спросил себя, не привиделось ли мне все это в кошмарном сне.

Я очутился на дне гигантского амфитеатра — по глупой ассоциации он напомнил мне воронкообразный ад Данте, — все скамьи которого вокруг меня и надо мной были заполнены тысячами обезьян. Десятками тысяч! Никогда еще в жизни не видел я столько обезьян одновременно: самое безумное воображение земного человека не в силах представить подобного собрания, а я был просто раздавлен их неисчислимым множеством.

Борясь с головокружением, я попытался сориентироваться в этом обезьяньем аду. Однако гориллы сразу вытащили меня на середину круглой площадки, похожей на цирковую арену с кафедрой для докладчика. Я медленно повернулся кругом. Ряды обезьян возносились под самый купол на невероятную высоту.

На нижних скамьях сидели члены конгресса, именитые ученые, все в полосатых брюках и темных рединготах, все с орденами на лацканах, все почтенного возра-

ста и почти все — орангутанги. Среди них я заметил совсем немного горилл и шимпанзе. Я надеялся увидеть Корнелия, но не нашел его.

Позади членов конгресса за барьером были отведены ряды скамей для их помощников и сотрудников. На том же уровне находились и ложи прессы, заполненные журналистами и фотографами. А выше, за вторым барьером, сидели бесчисленные зрители. Судя по дружному гулу, которым обезьянья толпа встретила мое появление, атмосфера была уже достаточно накалена.

Я попытался отыскать Зиру — она должна была находиться в числе ассистентов. Один ее взгляд поддерживал бы меня. Но и тут меня ожидало разочарование: ни одной знакомой обезьяны среди многотысячного сборища дьявольских рож!

Тогда я начал разглядывать жрецов науки. В отличие от простых смертных, разместившихся на скамьях и стульях, академики восседали на обитых красным бархатом креслах. Все они весьма походили на Зайуса. Сгорбившись так, что их головы почти касались люнитров, и согнув в локтях длинные руки, орангутанги что-то писали с мудрым видом, а может быть, просто рисовали чертиков. По сравнению с возбужденными зрителями верхних рядов вид у них был какой-то отупелый. Мне показалось, что только мое появление, о котором было объявлено по радио, до какой-то степени прсбудило их ослабевшее внимание. Честное слово, я помню, как три орангутанга буквально подскочили и вытаращили глаза, словно их вдруг без предупреждений вырвали из объятий Морфея.

Как бы там ни было, никто больше не дремал. Видимо, я был гвоздем программы: тысячи обезьяньих глаз, восторженных или просто любопытных, уставились на меня со всех сторон.

Мои сторожа заставили меня подняться на возвышение, в центре которого восседал представительный самец-горилла. Зира объяснила мне, что на конгрессе председательствует не академик, как это бывало до сих пор, а горилла-администратор, потому что раньше

предоставленные самим себе ученые-обезьяны заводили бесконечные дискуссии и не могли прийти ни к какому решению. Слева от внушительного председателя сидел его секретарь-шимпанзе; он вел протокол заседания. Справа стояло кресло, к которому по очереди подходили докладчики. Сейчас в него под жиденькие аплодисменты уселся Зайус. Благодаря системе микрофонов и мощных прожекторов даже зрители самых последних рядов прекрасно видели и слышали все, что происходило на центральной эстраде.

Председатель-горилла позвонил в колокольчик и, добившись тишины, объявил, что предоставляет слово глубокоуважаемому академику Зайусу для демонстрации человека, о котором он уже докладывал высокому собранию. Ученый-орангутанг встал, поклонился и начал свою речь. Пока он говорил, я старался держаться как можно осмысленнее и разумнее. Например, когда он впервые упомянул обо мне, я приложил руку к груди и отвесил вежливый поклон, вызвавший смех аудитории. Впрочем, колокольчик председателя тут же прекратил это веселье. А я понял, что подобным образом ничего не добьюсь: самые разумные мои действия будут восприниматься лишь как результат хорошей дрессировки. Поэтому до конца доклада я больше не шевелился.

Зайус напомнил о сделанных им выводах и объявил, что сейчас продемонстрирует мои способности — различные приспособления для его проклятых экспериментов уже были расставлены на эстраде. В заключение Зайус сообщил, что, кроме того, я способен, как некоторые птицы, повторять отдельные слова и что он надеется заставить меня проделать этот трюк перед уважаемым собранием. Затем он взял шкатулку с многочисленными запорами и протянул ее мне. Но вместо того чтобы быстро открыть все эти крючки и задвижки, я поступил по-своему.

Долгожданный час пробил! И вот я поднял руку, тихонько потянул поводок и, приблизившись к микрофону, обратился к председателю конгресса.

— Уважаемый господин председатель! — начал я, стараясь говорить на обезьяньем языке как можно

чище. — Я с большим удовольствием открою для вас эту шкатулку и весьма охотно проделаю остальные номера программы. Однако прежде чем приступить к этим весьма нехитрым для меня опытам, я прошу разрешения выступить с заявлением, которое, я уверен, поразит высокоученное собрание.

Председатель туго смотрел на меня, ничего не понимая. Зато Зайус был вне себя.

— Господин председатель! — завопил он. — Я протестую...

Но тут он словно подавился, осознав всю нелепость спора с человеком. Я этим воспользовался и снова заговорил:

— Господин председатель, при всем моем уважении к вам я тем не менее настаиваю, чтобы мне была дана возможность объясниться. Закончив свое выступление, я исполню все, что потребует высокочтимый Зайус, — клянусь в этом честью! — но не раньше.

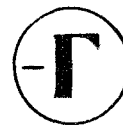
Секунда мертвой тишины, а затем разразилась буря. Публика обезумела! Обезьяны сплелись в истеричную, восторженную, кричащую «ура», хохочущую и рыдающую толпу. Со всех сторон замелькали ослепительные вспышки блицев — это пришли в себя фоторепортеры. Но остальные бесились и надрывались еще добрых пять минут, и все это время горилла-председатель не сводил с меня глаз. Наконец он, видимо, решил и зазвонил в колокольчик.

— П-п-простите, — начал он, заикаясь, — не-не-не знаю толком, как к вам обращаться!

— Просто «месье», — ответил я.

— Итак, м-м-м... итак, месье, я полагаю, случай настолько исключительный, что научный конгресс, избравший меня председателем, должен выслушать ваше заявление.

Это мудрое решение было встречено новой бурей аплодисментов. Большого мне пока и не требовалось. Я выступил на середину эстрады, установил микрофон по своему росту и произнес следующую речь.

осподин председатель!
Благородные гориллы!
Мудрые орангутанги!
Возвышенные шимпанзе!

О великодушные обезьяны!

Разрешите человеку обратиться к вам.

Я знаю, что вид мой смешон, тело нелепо, лицо уродливо, цвет кожи отвратителен, а запах — тошнотворен. Я знаю, что моя звериная внешность оскорбительна для ваших глаз, но я также знаю, что обращаюсь к самым прославленным, к самым мудрым обезьянам, чей разум способен возвыситься над условностью ощущений и распознать мыслящее существо даже под столь жалкой материальной оболочкой...

Такое высокопарное и полное самоунижения начало навязали мне Зира с Корнелием, утверждая, что оно польстит орангутангам. Итак, я продолжал в глубокой тишине:

— Выслушайте меня, о обезьяны! Выслушайте, ибо я говорю, и говорю сознательно, а не как автомат или поугай. Я мыслю и говорю, и я понимаю вас так же хорошо, как вы понимаете меня. Когда я кончу, если ваши уважаемые ученые удостоят меня такой чести, я постараюсь ответить на все интересующие их вопросы.

Но прежде я должен открыть вам одну поразительную истину. Я не просто разумное существо с душой, заключенной в нелепом человеческом теле, я пришелец из далекого мира с планеты Земля, хозяевами которой по необъяснимой фантазии природы стали люди, ибо там все люди наделены душой и разумом. Я прошу позволения уточнить положение моей родной планеты, разумеется, не для прославленных ученых, окружающих меня, а для тех немногих зрителей, которые, возможно, не совсем знакомы с различными звездными системами.

Я подошел к черной доске и с помощью нескольких чертежей постарался изобразить нашу солнечную систему и ее место в Галактике. Мои объяснения были выслушаны все в том же благоговейном молчании.

Но когда, покончив с чертежами, я похлопал ладонью о ладонь, чтобы стряхнуть с них мел, этот простой жест вызвал шумный восторг у зрителей верхних рядов. Обернувшись к аудитории, я продолжал:

— Итак, на нашей Земле разум воплощен в человеке. Это так, и тут я ничего не могу поделать. У нас люди эволюционировали, в то время как обезьяны — и я этим потрясен, с тех пор как открыл ваш мир, — почему-то остались в диком состоянии. Но, увы, мозг развивался и усложнялся только у человека. Поэтому именно люди изобрели речь, научились добывать огонь, пользоваться орудиями. Именно они стали хозяевами планеты и изменили ее облик. И наконец, именно люди создали столь высокую цивилизацию, что она многими своими чертами напоминает вашу, о мудрые обезьяны!

Здесь я постарался привести побольше примеров наших самых последних достижений. Я описывал наши города, заводы, средства сообщения, рассказывал о наших правительствах, законах и о наших развлечениях. Затем, обращаясь главным образом к ученым орангутангам, я попытался дать им представление о наших успехах в благородной области науки и искусства. По мере того как я говорил, голос мой креп. Я начинал испытывать своего рода опьянение, как миллионер, похваляющийся своими сокровищами.

Затем я перешел к рассказу о своих собственных приключениях. Я объяснил, как мы долетели до системы Бетельгейзе и опустились на Сорору, как я попал в облаву и очутился в клетке, как я пытался установить контакт с глубокоуважаемым Зайусом, но не сумел, разумеется по собственной вине, из-за недостатка изобретательности. Наконец, я рассказал об удивительной проницательности Зиры и о том, какую огромную помощь она мне оказала вместе с доктором Корнеллем. Закончил я следующими словами:

— Это все, что я хотел вам сказать, о обезьяны! Решайте сами, справедливо ли будет, если после стольких удивительных приключений меня, как неразумное

животное, снова посадят в клетку до конца моих дней. Мне остается добавить одно: мы прилетели к вам без всяких враждебных намерений, движимые только духом познания. С тех пор как я начал вас понимать, вы мне все больше и больше нравитесь, и я восхищаюсь вами от души. И у меня возник план, о котором я хочу рассказать здесь величайшим ученым планеты. Я могу принести вам несомненную пользу своими земными познаниями. С другой стороны, я сам за несколько месяцев, проведенных в клетке, узнал на Сороре больше, чем за всю свою прежнюю жизнь. Объединим же наши усилия! Установим контакт с Землей! Если обезьяны и люди пойдут вперед рука об руку, никакая сила в мире, никакие тайны вселенной не смогут нас удержать!

Задохнувшись, я закончил свою речь среди мертвой тишины. Я повернулся к столу председателя, машинально схватил стакан с водой и осушил его одним духом. И так же как в первый раз, когда я стряхивал мел с ладоней, этот простой жест произвел на обезьян огромное впечатление и послужил сигналом к настоящей вакханалии. Зал словно взорвался, охваченный энтузиазмом, какого не опишет ни одно перо. Я знал, что победил, но не мог себе даже представить, что обезьянья аудитория способна выражать свои чувства так шумно. Я был оглушен и ослеплен, однако не настолько, чтобы не отыскать причину невероятного грохота: восторженные по природе своей, обезьяны, когда зрелище им нравится, аплодируют четырьмя руками! А сейчас вокруг меня бушевали тысячи этих сатанинских тварей: еле удерживая равновесие, они хлопали своими четырьмя лапами, так что купол зала, казалось, вот-вот обвалится, — и все это с визгом, с криками, с воплями, сквозь которые прорывался только глухой рев горилл. Это было, пожалуй, мое последнее отчетливое впечатление от того достопамятного заседания. Я почувствовал, что вот-вот упаду, с тревогой оглянулся и увидел, что обозленный Зайус вскочил с места и расхаживает по эстраде, сгорбившись и заложив руки за спину, как он расхаживал перед моей клеткой. Слово во сне, я увидел его пустое кресло

и плюхнулся на него. Это было встречено новым взрывом оваций, но тут все поплыло у меня перед глазами, и я потерял сознание.

Я пришел в себя далеко не сразу: **ГЛАВА 9** сказалоcь пережитое мною нервное потрясение. Очнулся я на постели в незнакомой комнате.

Зира и Корнелий хлопотали надо мной, пока гориллы-полицейские сдерживали журналистов и любопытных, пытавшихся ко мне прорваться.

— Это было великолепно! — шепнула мне Зира на ухо. — Ты выиграл.

— Улисс, — сказал мне Корнелий, — нас с вами ждут великие дела!

Он сообщил мне, что только что закончилось чрезвычайное заседание Большого Совета Сороры, на котором приняли решение о моем немедленном освобождении.

— Кое-кто пытался протестовать, — добавил он, — однако общественное мнение было за вас, и они не могли поступить иначе.

Он спросил, согласен ли я с ним сотрудничать, и, получив утвердительный ответ, заранее потирал руки от удовольствия при мысли о помощи, которую я смогу ему оказать в его изысканиях.

— Вы будете жить здесь, — продолжал Корнелий. — Надеюсь, квартира вам подойдет. Она расположена совсем близко от моей, в том же крыле института: здесь живут только старшие научные сотрудники.

Я ошеломленно озирался, думая, что все это мне снится.

Комната была на редкость удобной. Для меня началась новая эра. Я так долго и страстно ждал этого мгновения, но теперь почему-то испытывал тоскливое чувство. Глаза мои встретились с глазами Зире, и я понял, что проницательная самочка угадала мои мысли.

— Да, — сказала она мне с двусмысленной улыбкой, — здесь у тебя, конечно, не будет Новы.

Покраснев, я пожал плечами, приподнялся и сел. Силы вернулись ко мне, и я хотел поскорее окунуться в новую жизнь.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Зира. — Ты не устанешь от маленькой вечеринки? Чтобы отметить этот великий день, мы пригласили кое-кого из друзей, одних шимпанзе.

Я ответил, что для меня это будет только удовольствием, но что мне надоело ходить голым. И только тут заметил, что уже облачен в пижаму: Корнелий одолжил мне одну из своих собственных. Но если я мог на худой конец напялить на себя пижаму шимпанзе, то в любом из его костюмов я бы выглядел смехотворно.

— Завтра у тебя будет полный гардероб, — успокоила меня Зира. — А к сегодняшнему вечеру тебе сошьют приличный костюм. Вот и портной.

В комнату вошел и поклонился мне с изысканной вежливостью маленький шимпанзе. Позднее я узнал, что, пока я был без сознания, самые знаменитые портные оспаривали честь одеть меня. Победил этот прославленный мастер, так как он шил на самых крупных горилл столицы.

Искусство и ловкость портного привели меня в восхищение. Менее чем за два часа ему удалось сшить мне вполне приемлемый вечерний костюм. Однако, облачившись в него, я почувствовал себя непривычно, а Зира уставилась на меня, вытаращив глаза. Пока мастер подгонял всякие мелочи, Корнелий впустил журналистов, давно уже осаждавших мою комнату, и я на целый час опять стал центром общего внимания. Меня забрасывали вопросами, обстреливали вспышками фотоаппаратов, требовали все новых и новых пикантных подробностей о Земле и о том, как живут у нас люди. Я покорно давал интервью. Будучи сам журналистом, я понимал, каким лакомым кусочком являюсь для моих обезьяньих коллег, а кроме того, учитывал, что пресса может оказать мне огромную поддержку.

Когда журналисты, наконец, ретировались, было уже поздно, и мы поторопились к Корнелию, где нас ожидали его друзья. Но едва мы вышли из комнаты, нас задержал Занам. Очевидно, он был в курсе последних событий, потому что поклонился мне чуть не до полу. Занам прибежал за Зирой, чтобы сообщить ей, что в отделении не все ладно. Обозленная моим долгим отсутствием, Нова разбуянилась вовсю. Вскоре ее бешенство передалось другим пленникам, и теперь никакие уколы пик не могут их утихомирить.

— Сейчас приду, — ответила на это Зира. — А вы подождите меня здесь.

Я с мольбою взглянул на нее. Она заколебалась, но потом пожала плечами.

— Если хочешь, пойдем со мной, — сказала она. — В конечном счете теперь ты свободен и, кстати, может быть, сумеешь ее успокоить скорее, чем я.

Вслед за Зирой я вошел в зал с клетками. Едва заметив меня, пленники сразу успокоились, и всеобщий шум и гам сменила напряженная тишина. Они меня, несомненно, узнали, несмотря на одежду, и, казалось, понимали, что являются свидетелями некоего чудесного превращения.

Сдерживая дрожь, я направился к клетке Новы, к моей клетке. Я приблизился к ней, улыбнулся, заговорил с ней. На какой-то миг у меня возникло ощущение, что она меня понимает и вот-вот мне ответит. Но это, разумеется, было немыслимо. Просто мое присутствие успокоило ее так же, как остальных. Она приняла от меня кусок сахара и все еще грызла его, когда я с тяжелым сердцем шел к выходу.

Об этой вечеринке, устроенной в одном из модных кабаре — Корнелий решил сразу ввести меня в обезьянье общество, поскольку отныне мне придется всегда в нем вращаться, — я сохранил весьма неясные и странные воспоминания.

Неясность происходила от выпитого мною в начале вечера алкоголя, от которого мой организм отвык. А странность объяснялась, пожалуй, особым чувством,

которое и впоследствии овладевало мною неоднократно. Я могу его описать только как постепенное угасание в моем сознании представления об окружающих как об обезьянах: все чаще я воспринимал их в зависимости от их профессии или положения в обществе, не думая, что это гориллы, орангутанги или шимпанзе. Метрдотель, например, который подобострастно встретил нас и провел к столику, был для меня прежде всего метрдотелем, а уж потом самцом-гориллой. Старая, безобразно накрашенная самка-орангутанг воспринималась как старая кокетка, а когда я танцевал с Зирой, я совершенно забывал, что она шимпанзе, ощущая лишь гибкую талию партнерши. Оркестр шимпанзе был всего лишь оркестром, и элегантные обезьяны, острившие за нашим столом, становились обыкновенными светскими остряками.

Я не стану подробно говорить о том, какие чувства вызвало у обезьян мое присутствие. Скажу только, что я оказался в центре внимания. Мне пришлось раздавать бесчисленные автографы, и два сторожа-гориллы, которых Корнелий предусмотрительно привел с собой, с огромным трудом защищали меня от толпы самок всех возрастов и пород, стремившихся выпить со мной или потанцевать.

Мы засиделись до глубокой ночи. Я уже был наполовину пьян, когда вдруг вспомнил о профессоре Антеле. Эта мысль пробудила во мне самые горькие угрызения совести. Я едва не заревел от стыда, подумав о том, что я вот сижу здесь, забавляюсь и пью с обезьянами, а мой несчастный товарищ дрожит на соломе в клетке зоосада.

Зира спросила, что меня так печалит. Я ей объяснил. Тогда Корнелий сказал мне, что уже справлялся о профессоре и тот чувствует себя хорошо. Теперь ничто не препятствует его освобождению. В ответ я решительно заявил, что не могу больше ждать ни минуты и хочу сообщить ему эту новость немедленно.

— В конечном счете почему бы и нет? — подумав, согласился Корнелий. — В такой день вам ни в чем нельзя отказать. Пошли! Я знаком с директором зоосада.

Мы вышли втроем из кабре и вскоре добрались до зоологического парка. Разбуженный директор поспешил нам навстречу. Он уже знал мою историю. Корнелий ему открыл истинное происхождение одного из людей, выставленных в клетке. Директор не верил своим ушам, однако он не решился мне отказать. Разумеется, придется дожидаться дня, чтобы выполнить кое-какие формальности, необходимые для освобождения профессора, но ничто не мешает мне поговорить с ним хоть сейчас. Директор вызвался нас проводить.

Уже рассветало, когда мы остановились перед клеткой, в которой горемыка профессор жил, словно животное, вместе с полусотней других мужчин и женщин. Пленники еще спали, расположившись парами или группами по четыре-пять человек. Но когда директор зажег в клетке свет, все открыли глаза.

Я быстро обнаружил моего товарища по несчастью. Как и все остальные пленники, он лежал, свернувшись, на соломе, и рядом с ним была женщина, которая мне показалась довольно юной. От этого зрелища я содрогнулся, и в то же время едва не заплакал от сострадания к моему другу и к самому себе, вспомнив, каким унижениям мы подвергались четыре месяца.

Я был так взволнован, что не мог говорить. Однако разбуженные люди не выказывали даже удивления. Они были уже приручены и хорошо выдрессированы, поэтому все принялись исполнять свои обычные трюки, надеясь получить в награду что-нибудь вкусное. Директор бросил им горсть печенья. Тотчас началась толкотня и свалка, как в дневное время, а умудренные годами старики поспешили устроиться на корточках перед самой решеткой, с мольбою протягивая к нам руки.

Профессор Антель присоединился к попрошайкам. Он протиснулся как можно ближе к директору и начал выпрашивать у него подачку. Такое недостойное поведение сначала меня возмутило, но вскоре мой гнев перешел в глубокое беспокойство. Я стоял от профессора в трех шагах, он смотрел прямо на меня и явно

не узнавал. К тому же глаза его, еще недавно такие живые и пронзительные, сейчас казались потухшими и пустыми, как у других пленников: я не заметил в них ни проблеска разума! С ужасом я убеждался все больше, что не вызываю у профессора никаких чувств, кроме недоумения: при виде человека в одежде он вел себя так же, как остальные пленники.

Я сделал над собой чудовищное усилие и заговорил, чтобы наконец, рассеять этот кошмар.

— Профессор, — сказал я, — метр, это я, Улисс Меру. Мы спасены. Я пришел, чтобы сообщить вам об этом...

И тут я умолк, ошеломленный. Услышав мой голос, профессор Антель втянул голову и отшатнулся от решетки — совсем как люди Сороры!

— Профессор, профессор Антель! — взмолился я, чуть не плача. — Это я, Улисс Меру, ваш спутник по путешествию. Я свободен, и через несколько часов вас тоже освободят. Обезьяны, которых вы видите перед собой, наши друзья. Они знают, кто мы такие, и готовы принять нас как братьев.

Он не ответил мне ни единым словом. Казалось, он ничего не понимал. Он лишь отступил еще дальше в глубь клетки, сжавшись точно испуганное животное.

Я был в отчаянии, а обезьяны определенно заинтересовались происходящим. Корнелий хмурился, пытаясь решить неожиданную проблему. Мне пришлось в голову, что, возможно, профессор Антель симулирует непонимание, опасаясь обезьян. Поэтому я попросил их отойти подальше и оставить нас наедине, что они и сделали без малейших возражений. Когда обезьяны скрылись из виду, я обошел клетку, чтобы быть поближе к углу, в который забился профессор, и снова заговорил с ним.

— Метр, — умолял я его, — мне понятна ваша осторожность. Я знаю, что грозит людям Земли на этой планете. Но сейчас мы одни, клянусь вам, и все ваши испытания позади. Это я вам говорю, я, ваш спутник, ваш ученик, ваш друг, Улисс Меру!

Он снова отпрыгнул назад, испуганно глядя на меня. Весь дрожа и не зная, какими словами его убе-

дять, я стоял перед клеткой, когда рот профессора вдруг приоткрылся.

Неужели мне все-таки удалось его уговорить? Я ждал затаив дыхание. Но то, как он выразил свои чувства, заставило меня содрогнуться. Я уже сказал, что рот профессора приоткрылся, однако это не было сознательным движением человека, собирающегося заговорить. Из его горла вырвался звук, похожий на те, которые издают дикие люди этой планеты, чтобы выразить свое удовлетворение или страх. Я оцепенел от ужаса, а в клетке передо мной стоял профессор Антель и, не шевеля губами, злобно улюлюкал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ночь я провел беспокойно, про- **ГЛАВА 1**
снулся рано, но долго ворочался
в постели и протирал глаза, пока
не пришел в себя. Вот уже месяц

я вел цивилизованный образ жизни, однако никак не мог к нему привыкнуть и каждое утро просыпался в тревоге, потому что не слышал шороха соломы и не ощущал рядом с собой теплого тела Новы.

Но вот я пробудился окончательно. Я занимал в институте одно из лучших помещений — обезьяны продемонстрировали свою щедрость. У меня были комната с отдельной ванной, одежда, книги, телевизор. Я мог читать все газеты, я был свободен, я мог выходить, прогуливаться по улицам, посещать любые зрелища и представления. Мое появление в общественных местах всегда вызывало любопытство публики, однако ажиотаж первых дней начал уже утихать. Теперь научным руководителем института был Корнелий. Зайуса уволили, впрочем предоставив ему другой важный пост и наградив в утешение еще одним орденом, а на его место назначили жениха Зиры. В результате произошло омоложение научных кадров и значительное увеличение числа ученых-шимпанзе, что сразу повысило активность во всех секторах. Зира стала ученым секретарем нового руководителя.

Что касается меня, то теперь я участвовал в рабо-

тах Корнелия уже не как подопытный кролик, а как равноправный сотрудник. Надо сказать, что Корнелий добился этого с немалым трудом, сломив сопротивление Большого Совета. По-видимому, власти до сих пор никак не могли признать мою истинную сущность и происхождение.

Я быстро оделся, вышел из своей комнаты и направился к зданию института, где некогда сам был пленником, к сектору Зиры, которым она все еще продолжала руководить, несмотря на свои новые обязанности. С согласия Корнелия я вел там систематические наблюдения над людьми.

И вот я в зале с клетками, спокойно иду по проходу между ними как один из хозяев этой планеты. Надо ли говорить, что я захожу сюда часто, гораздо чаще, чем это необходимо для моей исследовательской работы? Порой обезьянье общество начинает меня утомлять, и здесь я нахожу своего рода убежище.

Все пленники теперь меня прекрасно знают и слушаются беспрекословно. Делают ли они различие между мною, Зирой и сторожами-гориллами, которые приносят им еду? Сомневаюсь, но хотелось бы в это верить. Вот уже месяц я работаю с ними, однако мне все еще не удается научить их чему-нибудь более сложному, чем обычные трюки, доступные любому хорошо выдрессированному животному. И тем не менее я инстинктивно ощущаю, что они способны на гораздо большее.

Я пытаюсь научить их говорить. Это для меня вопрос чести. Разумеется, пока ничего не выходит, то есть почти ничего: некоторым пленникам удается повторить за мной три-четыре односложных звука, но ведь это могут и наши шимпанзе! Разумеется, это немного, однако я не отступаю. Мне придает мужество настойчивость, с какой пленники стараются теперь поймать мой взгляд; глаза их за последнее время как-то изменились, и мне кажется, я улавливаю в них любопытство, отличное от звериного тупого недоумения.

Я медленно обхожу все помещение, останавливаясь перед каждой клеткой. Я разговариваю с пленниками, говорю с ними ласково, терпеливо. Теперь они привыкли к речи, к этим столь необычным в устах людей звукам. Похоже, они меня слушают. Я говорю по нескольку минут, затем отказываюсь от фраз и произношу отдельные короткие слова, повторяю их неоднократно, надеясь услышать ответ. Вот пленник с трудом произносит один слог, но больше от него ничего добиться не удастся. Он быстро устает, отказывается от сверхчеловеческой задачи и падает на солому, словно после целого дня изнурительной работы. Я вздыхаю и перехожу к следующему. Наконец я добираюсь до клетки, где прозябает Нова, одинокая и печальная. Во всяком случае, мне, человеку Земли, кажется, что она должна быть печальна, и я стараюсь отыскать это чувство на ее прекрасном и невыразительном лице.

Я часто думаю о Нове. Мне трудно забыть проведенные с нею часы. Но я ни разу больше не входил в ее клетку: меня удерживает чувство человеческого достоинства. Ведь она не более чем животное! Теперь я возвращаюсь в высших научных кругах, и подобное панибратство просто немыслимо. Я краснею при одной мысли о нашей недавней близости. С тех пор как я перешел в другой лагерь, я веду себя с Новой точно так же, как с ее сородичами, не позволяя себе проявить к ней никаких дружеских чувств.

Тем не менее я вынужден признать, что она представляет собой первоклассный подопытный экземпляр, и втайне радуюсь этому. Нова делает большие успехи, опережая остальных пленников. При моем приближении она подходит к решетке, и лицо ее искажается гримасой, которую с натяжкой можно принять за улыбку. Прежде чем я успеваю заговорить, она сама произносит с полдесятка выученных ею слогов. И явно старается произнести их получше. Значит ли это, что она способнее других от природы? Или длительный контакт со мной развил ее способности и сделал восприимчивее к моим урокам? Последнее предположение мне нравится больше: оно льстит моему тщеславию.

Я произношу ее имя, потом свое, указывая пальцем то на нее, то на себя. Она повторяет мой жест. Но вдруг я вижу, как лицо ее искажается злобным оскалом, и в то же мгновение слышу у себя за спиной тихий смех.

Это Зира решила беззлобно подшутить под моими усилиями, а ее присутствие всегда приводит Нову в ярость. Вместе с Зирой пришел Корнелий. Его весьма занимают мои опыты, и он частенько навещает меня, чтобы осведомиться о результатах. Однако сегодня он явился с другой целью. Вид у него чрезвычайно взволнованный.

— Улисс, вам не хотелось бы совершить со мной небольшое путешествие?

— Путешествие?

— Это довольно далеко, почти на другой стороне планеты. Археологи нашли там развалины, чрезвычайно любопытные, если верить их отчетам. Но раскопками руководит орангутанг, и надеяться, что он сумеет сделать из находок правильные выводы, не приходится. Они столкнулись с потрясающей загадкой — если ее разгадать, это может сыграть решающую роль в моих исследованиях. Академия посылает меня в командировку, и я полагаю, что ваше присутствие тоже будет весьма полезным.

Я пока не понимаю, какой от меня может быть прок, но соглашаюсь с радостью: мне давно уже хотелось повидать другие области Сороры. Корнелий приглашает меня к себе в кабинет для подробного разговора.

Такой оборот дела приводит меня в восторг: по крайней мере не придется сегодня продолжать обход. А мне предстояло посетить еще одного пленника — профессора Антеля. Состояние его остается прежним, поэтому о его освобождении пока не может быть и речи.

Тем не менее по моей просьбе Антеля поместили в отдельную и довольно удобную палату. Посещать его для меня — тяжкий долг. Он не поддается ни на просьбы, ни на уговоры и ведет себя как самое настоящее животное.

Мы отправились неделю спустя. Зира ГЛАВА
ра полетела с нами, но через 2
несколько дней она должна была
вернуться, чтобы в отсутствие

Корнелия следить за работой института. Сам же Корнелий рассчитывал задержаться на месте раскопок гораздо дольше, разумеется если находки окажутся действительно интересными.

Нам предоставили специальный самолет, весьма похожий на наши первые реактивные самолеты, но гораздо более комфортабельный, с отдельным маленьким салоном, куда снаружи не проникало ни звука и где можно было спокойно разговаривать. Там я и встретился с Зирой.

Я был счастлив, что отправился в это путешествие. С обезьяньим обществом я уже достаточно освоился, поэтому несколько не удивился и не испугался, увидев за штурвалом нашего лайнера пилота-шимпанзе. Гораздо больше меня занимали расстилавшийся внизу пейзаж и великолепное зрелище восхода Бетельгейзе. Мы летели на высоте примерно десяти тысяч метров. Воздух был удивительно прозрачен, и гигантская звезда вставала над горизонтом, как наше солнце, видимое в мощную подзорную трубу. Зира не уставала им восхищаться.

— Скажи, бывают у вас на Земле такие же прекрасные восходы? — спрашивала она. — Может ли твое солнце сравниться красотой с нашим?

Я отвечал ей, что Солнце не такое красное и большое, как Бетельгейзе, но мы им вполне довольны. Зато наша Луна гораздо больше и ярче ночного светила Сороры.

Мы веселились, словно школьники, отлученные на каникулы, и я шутил с Зирой, как со старой доброй знакомой. И когда через несколько минут к нам присоединился Корнелий, я чуть ли не обиделся на него за то, что он помешал нашей болтовне. Корнелий был озабочен. Впрочем, все последнее время он заметно нервничал. Чтобы довести до конца предпринятые им

изыскания, ему приходилось работать невероятно много, и порой он пропадал у себя в лаборатории по целым дням. О своей работе он не говорил никому, и даже Зира, как мне кажется, знала о ней не больше меня. Мне же было известно только, что его волновала проблема происхождения обезьян и что взгляды ученого-шимпанзе все более и более расходились с общепризнанными теориями. В то утро Корнелий впервые познакомил меня с некоторыми своими соображениями, и я понял, почему моя скромная личность разумного человека представляет для него такую огромную ценность. Он начал с того, о чем мы беседовали и спорили уже тысячи раз.

— Вы мне говорили, Улисс, что у вас на Земле обезьяны — настоящие животные, не так ли? И что, напротив, люди достигли такого уровня цивилизации, который равен нашему, а во многом даже превышает его? Не бойтесь меня оскорбить: для ученого истина дороже самолюбия.

— Да, во многом мы вас обогнали, это несомненно. И лучшее тому доказательство — мое присутствие на Сороре. Вы же, мне кажется, еще находитесь в этом отношении на стадии...

— Знаю, знаю, — устало прервал меня Корнелий. — И об этом мы уже говорили. Мы только проникаем в области, которые для вас перестали быть тайной несколько столетий назад... И в этом отношении меня тревожат не одни ваши рассказы, — продолжал он, нервно расхаживая по маленькому салону. — Вот уже долгое время меня преследует одна страшная мысль, даже не мысль, а догадка, но подтверждаемая некоторыми конкретными фактами. Мне кажется, что эти тайны мироздания уже были разгаданы здесь, на нашей планете, в далеком прошлом другими разумными существами.

Я мог бы ему ответить, что это впечатление, будто совершаешь уже кем-то когда-то сделанное открытие, возникало у многих ученых Земли. Может быть, это чувство вообще является универсальным, и, может быть, именно на нем зиждется представление о существовании бога. Но я не решился его прервать. Он был

весь во власти еще не оформившейся смутной мысли и выражался с большой осторожностью.

— ...Другими разумными, — задумчиво повторил Корнелий. — И возможно, что это были вовсе не...

Неожиданно он умолк. У него был страдальческий вид, как у человека, который ощущая приближается к истине, невыносимой и неприемлемой для его сознания.

— Вы мне говорили также, что обезьяны у вас обладают высокоразвитым подражательным инстинктом, не правда ли?

— Они подражают нам буквально во всем, то есть, я хочу сказать, во всех действиях, не требующих осмысленного подхода. Это в них так развито, что глагол «обезьянничать» стал у нас синонимом глагола «подражать».

— Зира, — пробормотал Корнелий убитым тоном, — не кажется ли тебе, что нам тоже свойствен этот дух «обезьянничанья»?

И, не дав ей возможности вымолвить слова в защиту своих сородичей, Корнелий взволнованно продолжал:

— Это начинается с раннего детства. Все наше обучение основано на подражании.

— Но ты же знаешь, это орангутанги...

— Да, все дело в них, потому что они воспитывают молодежь своими книгами. Они заставляют ребенка-обезьяну повторять все ошибки наших предков. Этим и объясняется медлительность нашего прогресса. Вот уже десять тысяч лет мы остаемся все такими же и топчемся на месте!

Здесь следует сказать несколько слов о медлительности развития обезьянней цивилизации. Меня это поразило, когда я изучал их историю, и в этом я увидел основное отличие обезьян от людей. Правда, и у нас были периоды почти полного застоя. У нас тоже были свои орангутанги, составлявшие идиотские программы, оглушавшие молодежь, и это длилось довольно долго.

Но не так долго, как у обезьян, а главное, совсем на другой ступени эволюции. Темный период застоя,

на который жаловался ученый-шимпанзе, затянулся здесь на десять тысячелетий. За это время ни в одной области не произошло сколько-нибудь заметных сдвигов, разве что за последние десятилетия. Но самое любопытное во всем этом для меня было то, что их первые легенды, первые летописи, первые воспоминания рассказывают о высокоразвитой цивилизации, по сути своей мало чем отличающейся от современной. Древние документы десяти тысячелетней давности свидетельствуют, что общая сумма знаний и достижения тех далеких времен были вполне сравнимы с сегодняшними знаниями и достижениями. Но о том, что было еще раньше, не сохранилось ни записей, ни устных преданий, ни одного даже памятника — полный мрак и пустота! Короче, создается такое впечатление, будто обезьянья цивилизация чудесным образом возникла сразу десять тысяч лет назад и с тех пор почти не изменялась. Средняя обезьяна находила это в порядке вещей и ни над чем не задумывалась. Однако пытливые умы, такие, как Корнелий, не могли примириться с существованием этой тайны и мучительно пытались в нее проникнуть.

— Но ведь есть же обезьяны, способные к созидательному творчеству, — запротестовала Зира.

— Да, появились, — согласился Корнелий, — особенно за последние годы. Со временем мысль может воплотиться в действие. Так оно и должно быть, ибо таков естественный ход эволюции... Но то, чего я хочу, Зира, то, чего страстно добиваюсь, — это узнать, как все началось!.. Сегодня мне уже не кажется столь невероятной мысль, что в основе всей нашей цивилизации лежит простое подражание.

— Подражание чему? Или кому?

Но тут Корнелий замкнулся и опустил глаза, словно сожалел, что сказал слишком много.

— Я еще не сделал окончательных выводов, — говорил он наконец. — Мне нужны доказательства. Может быть, мы найдем их в руинах погребенного города. Согласно отчетам он существовал не десять тысяч лет назад, а много-много раньше, в эпоху, о которой мы не знаем ничего.

Корнелий умолк: казалось, ему было трудно говорить на эту тему, но и то небольшое, что я успел понять из его рассуждений, взволно-

ГЛАВА 3

вало меня необычайно. Археологи открыли в пустыне множество строений, целый город, погребенный под толстым слоем песка. К сожалению, от него остались одни развалины, но эти развалины — я чувствовал — хранили удивительную тайну, и я поклялся в нее проникнуть. В этом не было ничего невозможного для того, кто умеет наблюдать и сопоставлять, однако орангутанг, руководивший раскопками, такими качествами явно не обладал. Он принял Корнелия с должным почтением к его высокому рангу и в то же время с еле скрываемым презрением к его молодости и необычным идеям, которые по неосторожности тот иногда высказывал.

Нужно обладать поистине ангельским терпением, чтобы вести раскопки, увязая на каждом шагу в песке, среди камней, рассыпающихся в прах от малейшего прикосновения. Но мы занимаемся этим вот уже скоро месяц. Зира давно улетела, однако Корнелий все еще упорствует. Он работает с такой же страстью, как и я, ибо тоже уверен, что именно здесь, среди этих древних руин, таится ответ на великую загадку истории, которая его мучит.

Меня не перестает поражать обширность его знаний. Прежде всего он захотел сам установить возраст города. В таких случаях обезьяны пользуются методами, похожими на наши, сравнивая геологические данные с результатами химических и структурных анализов. Прodelав всю эту работу самостоятельно, Корнелий должен был согласиться с мнением официальных ученых: город действительно очень-очень старый. Он существует гораздо более десяти тысяч лет, то есть представляет собой уникальный памятник, способный доказать, что нынешняя обезьянья цивилизация не возникла на пустом месте, из ничего, каким-то сверхъестественным образом.

Что-то уже существовало на Сороре задолго до начала нынешней исторической эпохи. Но что?

Прошел месяц лихорадочных поисков и исследований и не принес нам ничего, кроме разочарований. Похоже было, что даже этот доисторический город мало чем отличался от сегодняшних городов. Мы нашли развалины домов, остатки промышленных сооружений, свидетельствующих о том, что у древних обитателей города были автомашины и самолеты, как теперь у обезьян. Следовательно, разумная жизнь зародилась гораздо раньше, во тьме веков. Но это было явно не то, чего искал Корнелий, и совсем не то, чего ожидал я сам.

В то утро Корнелий отправился на раскопки раньше меня. Рабочие откопали здание с особо толстыми стенами из железобетона, которое с виду сохранилось лучше других. Правда, и оно было забито мусором и песком, и теперь археологи буквально просеивали эту смесь сквозь сито. Вчера они не нашли ничего интересного: так же как и в остальных домах, изредка попадались лишь обломки труб, домашних приборов, осколки посуды.

Усевшись возле палатки, в которой мы разместились вместе с Корнелием, я наблюдал со своего места, как почтенный орангутанг давал указания руководителю группы, молодому шимпанзе с насмешливыми глазами. Корнелий куда-то исчез. Только что он был в раскопе вместе с рабочими. Он часто сам берется за дело, боясь, как бы рабочие по глупости или невежеству не пропустили ценной находки.

А вот и он — выбирается из траншеи, и я сразу понимаю, что он сделал поразительное открытие! Двумя руками Корнелий держит какой-то небольшой предмет, отсюда неразличимый. Бесцеремонно оттолкнув старого орангутанга, который пытался завладеть находкой, Корнелий с величайшей осторожностью опускает ее на песок. Он смотрит в мою сторону и машет руками. Когда я подхожу, меня поражает его неописуемое волнение.

— Улисс! — только и может он сказать. — О Улисс!

В таком состоянии я его еще никогда не видел. Голос его прерывается. Рабочие, выбравшиеся следом за ним из траншеи, толпятся вокруг находки, и я не могу ее рассмотреть. Они показывают на нее пальцами, и видно, что она просто забавляет их. Некоторые открыто смеются. Почти все они — здоровенные гориллы. Корнелий заставляет их отойти.

— Улисс!

— Что случилось?

Теперь я тоже вижу, наконец, лежащий на песке предмет и одновременно слышу сдавленный голос Корнелия:

— Кукла, Улисс, кукла!

Да, это кукла, обыкновенная фарфоровая кукла. Буквально чудом она почти не пострадала: сохранились даже остатки парика и чешуйки цветной глазури на глазах. Для меня это настолько обыденное зрелище, что сначала я не понимаю волнения шимпанзе. Лишь через несколько мучительных секунд до меня доходит... Я понял! И тотчас невероятность случившегося потрясает меня до глубины души. Ибо это человеческая кукла, изображающая девочку, земную девочку! Но я не решаюсь поверить — это слишком уж фантастично. Прежде чем возгласить о чуде, необходимо проверить все варианты, и, возможно, все объяснится самым банальным образом. Однако такой ученый, как Корнелий, наверняка уже должен был это сделать.

Действительно, у обезьяньих малышей тоже есть игрушки, и среди них хоть и нечасто, но попадаются фигурки животных и даже людей. Значит, кукла-девочка сама по себе никак не могла привести мудрого шимпанзе в такое волнение. Но во-первых: у обезьян такие фигурки не делают из фарфора, во-вторых, они очень редко бывают одетыми, и, наконец, они никогда не бывают одеты, как разумные существа. А эта кукла была наряжена, клянусь вам, в точности так же, как наряжают кукол у нас на Земле!

На теле ее сохранились лоскуты, которые, несомненно, были платьицем, корсажем, нижней юбочкой и штанишками. Кукла была одета заботливо, со вкусом, как ее могла бы нарядить земная девочка или как

маленькая обезьянка нарядила бы свою любимую куклу-обезьянку, но никогда, никогда ни та ни другая не стали бы с такой тщательностью одевать животное в уменьшенные копии своих собственных нарядов. Теперь я все лучше и лучше понимал волнение моего пронырчатого друга-шимпанзе.

Но это было не все. Оказалось, что найденная игрушка обладает еще одной странностью, развеселившей всех горилл-рабочих и заставившей улыбнуться даже чванливого орангутанга, их главного руководителя. Кукла говорит. Она говорит, как наши говорящие куклы. Корнелий случайно нажал на кнопку уцелевшего механизма, и кукла заговорила. О, разумеется, она сказала совсем немного! Всего одно слово из двух одинаковых слогов: «Па-па!» «Па-па», — снова лепечет фарфоровая девочка, когда Корнелий поднимает ее и рассматривает со всех сторон, ощупывая чуткими быстрыми пальцами. Это слово звучит одинаково по-французски, по-обезьяньи да, наверное, и на других языках таинственной вселенной и всюду имеет одно значение. «Па-па», — повторяет игрушка — человеческий детеныш, и, видимо, поэтому морду моего ученого друга заливают румянец, видимо, это переворачивает мне всю душу, и я с огромным трудом сдерживаю слезы, пока Корнелий увлекает меня в сторону, унося с собой драгоценную находку.

— Непроходимый кретин! — бормочет он после долгого молчания.

Я знаю, о ком идет речь, и разделяю его возмущение. Старый заслуженный орангутанг увидел в этой кукле обыкновенную обезьянью игрушку, которую чудаковатый мастер из далекого прошлого для забавы сделал говорящей. Объяснять ему что-либо бессмысленно. Корнелий и не пытается. Ибо то единственно логичное объяснение, которое приходит на ум, кажется ему самому настолько неожиданным, что он предпочитает молчать. Даже мне он не говорит ни слова, но он знает, что я все понял.

До конца дня Корнелий пребывает в молчаливой задумчивости. Мне кажется, ему страшно продолжать эти исследования и он раскаивается даже в том немно-

гом, что успел мне приоткрыть. Возбуждение его прошло, и теперь он, наверное, горько сожалеет, что я стал свидетелем его открытия.

На другой же день мои подозрения подтвердились: Корнелий пугает мое присутствие здесь. Всю ночь он думал, а наутро, избегая смотреть мне в глаза, заявил, что считает мое дальнейшее пребывание среди этих развалин нецелесообразным, а потому предлагает вернуться в институт, где меня ждет более важная работа. Место на самолете мне уже заказано. Я улетаю через двадцать четыре часа.

Предположим, говорил я себе, что **ГЛАВА 4** некогда люди были полновластными хозяевами этой планеты. Предположим, что более десяти тысяч лет назад на Сороре процветала человеческая цивилизация, сходная с нашей...

Но теперь это уже не беспочвенная гипотеза, наоборот! Едва сформулировав свою мысль, я сразу почувствовал то особое возбуждение, которое охватывает разведчика, когда он среди лабиринта запутанных тропинок находит единственно правильный путь. Уверен, именно этот путь и приведет к раскрытию тайны обезьяньей эволюции. Не зря же я подсознательно всегда искал ответа примерно в этом направлении.

Я возвращаюсь самолетом в столицу в сопровождении секретаря Корнелия, молчаливого, замкнутого шимпанзе. Но мне и не хочется с ним говорить.

В самолете всегда хорошо подумать, поразмышлять. Да и вряд ли мне еще представится лучшая возможность, чтобы разобраться в своих мыслях и чувствах.

...Итак, представим себе, что в незапамятные времена на Сороре существовала цивилизация, подобная нашей. Возможно ли, чтобы существа, лишённые разума, продолжили ее, опираясь только на подражательный инстинкт? Ответить на это утвердительно трудно, однако чем больше я размышляю, тем больше нахожу

аргументов, которые делают такую постановку вопроса не столь уж нелепой. Мысль о том, что нам когда-нибудь наследуют усовершенствованные роботы, была на Земле, насколько мне помнится, достаточно широко распространена. С ней соглашались не только фантасты и поэты, но и представители всех слоев общества. И может быть, именно потому, что идея эта внезапно возникла и распространилась в народных массах, она особенно раздражала интеллектуальную элиту. А может быть, и потому, что в ней была доля горькой правды. Всего лишь доля, ибо машина всегда останется машиной, а самый усовершенствованный робот — роботом. Но что сказать о существах, наделенных, как обезьяны, хотя бы зачатками разума? И обладающих, как обезьяны, высокоразвитым подражательным инстинктом? В таком случае...

Я закрываю глаза. Гул моторов меня убаюкивает. Мне необходимо обдумать, обсудить все это, чтобы определить свою позицию.

Что является отличительным признаком цивилизации? Какой-то исключительный дух, гениальность? Вряд ли, скорее — повседневная жизнь. Ну ладно, признаем необходимость духовной культуры. Предположим, она будет выражаться в искусстве, главным образом в литературе. Действительно ли последняя недоступна нашим крупным человекообразным обезьянам, конечно, если предположить, что они научились складывать слова? А из чего, в сущности, состоит наша литература? Из шедевров? Отнюдь нет. Если за одно-два столетия и появляется какая-нибудь оригинальная книга, остальные писатели ей подражают, то есть переписывают ее, и в свет выходят сотни тысяч новых книг, с более или менее различными названиями, в которых говорится о том же самом с помощью более или менее измененных комбинаций фраз. Видимо, обезьянам, великолепным подражателям по своей природе, такая литература вполне доступна, опять же при условии, что они научатся говорить.

Иными словами, единственным серьезным возражением остается язык. Однако будем осторожны! Обезьянам нет никакой нужды понимать, что именно они пе-

реписывают, чтобы составить на основе одной-единственной книги тысячи новых томов. Это им не более необходимо, чем нам. Как и нам, им достаточно просто повторять ранее услышанные фразы. А весь остальной литературный процесс сводится к голой технике. И тут мнение отдельных физиологов приобретает колоссальное значение: они утверждают, что никакие анатомические особенности не мешают обезьянам заговорить — было бы только желание! Но вполне можно допустить, что однажды такое желание у них возникло, хотя бы в результате внезапной мутации.

Итак, участие говорящих обезьян в продолжении нашей литературы не столь уж неприемлемо. Предположим, что впоследствии несколько обезьян-литераторов возвысились до настоящего понимания. Как говорит мой ученый друг Корнелий, мысль воплощается в действии, в данном случае в механизме слова, и таким образом, в обезьяньем мире могли появиться оригинальные идеи, хотя бы по одной в столетие, как у нас на Земле.

Продолжая дерзостно развивать эту гипотезу, я скоро пришел к убеждению, что хорошо выдрессированные животные точно так же могли бы создать картины и скульптуры, которыми я любовался в столичных музеях, да и вообще сделаться специалистами в любой сфере человеческого искусства, включая наш театр и кино.

Рассмотрев для начала высшие формы деятельности разума, я затем без труда применил мою теорию к другим областям. Наша промышленность недолго сопротивлялась моему анализу. Мне было совершенно очевидно, что для ее поддержания во времени не требуется никакой личной инициативы. В основе ее лежит труд работников, повторяющих одни и те же движения, на более высоких уровнях, — труд служащих, составляющих одни и те же отчеты и произносящих в одинаковых обстоятельствах одинаковые слова. И тех и других обезьяны могли заменить без малейшего ущерба для дела — достаточно было выработать соответствующие условные рефлексy. Что касается высших сфер управления и администрации, то там обезьянни-

чанье, как мне кажется, даже показано. Чтобы руководить нашей системой, гориллам достаточно было выучить несколько поз и речей, скопировав их с одного образца.

Так я начал смотреть новыми глазами на самые разнообразные проявления человеческой деятельности, представляя на месте людей обезьян. Я с удовольствием предавался игре воображения, не испытывая при этом никаких духовных страданий. Так я представил себе все многочисленные политические собрания, на которых присутствовал в качестве журналиста. Я вспомнил банальные, штампованные речи и одинаковые ответы тех, у кого мне пришлось брать интервью. Но особенно ярко запечатлелся в моей памяти награвевший в свое время судебный процесс, описанный мною за несколько лет до отлета.

Адвокат был одним из признанных светочей юриспруденции. Но почему сейчас он представлялся мне в виде гордого самца-гориллы, так же, впрочем, как и не менее прославленный прокурор? Почему последовательность их речей и жестов ассоциировалась у меня с условными рефлексам, установившимися в результате длительной дрессировки? Почему председатель суда сливался в моем сознании с важным орангутангом, который механически произносил заученные наизусть фразы, рефлекторно реагируя на те или иные слова свидетелей или ропот публики? Почему?

До самого конца нашего путешествия я не мог избавиться от подобных сопоставлений. Но когда я подумал о нашей финансовой и деловой верхушке, передо мною представало чисто обезьянье зрелище, одно из тех, что особенно поразили меня на Сороре. Речь идет о бирже, куда кто-то из друзей Корнелия обязательно хотел меня затащить, поскольку биржа считалась достопримечательностью столицы. И вот что мне вспоминалось с яркостью необычайной, пока самолет приближался к цели.

Биржа оказалась огромным зданием. Уже на подходе к нему слышался густой и неясный гул, который

по мере приближения все усиливался, пока не превратился в оглушительную какофонию. Мы вошли и сразу оказались в центре свалки. Я спрятался за колонну. К отдельным обезьянам я уже привык, но в их многочисленной толпе все еще терялся. А здесь была толпа, да еще какая! По сравнению с ней даже собрание ученых обезьян на достопамятном заседании конгресса показалось мне домашним и обыденным.

Попробуйте себе представить гигантский зал невероятной высоты, битком набитый обезьянами, орущими, жестикулирующими, охваченными истерией, обезьянами, которые суетятся, мечутся, прыгают, сталкиваются и разбегаются не только на полу, но и кишат на всех стенах до самого потолка. Ибо здесь повсюду устроены лестницы, сетки, канаты и трапеции, чтобы обезьяны могли перемещаться во всех трех измерениях и в любом направлении. Таким образом этот обезьяний рой заполнял почти весь объем зала, напоминавшего колоссальную клетку для показа четвероруких в некоем сумасшедшем зоопарке.

Обезьяны буквально летали в этом замкнутом пространстве, всегда успевая за что-нибудь уцепиться, когда падение казалось неминуемым. И все это среди адского шума восклицаний, вопросов, ответов, криков и, наконец, просто воплей, не имеющих ничего общего с разумной речью. Там были, например, обезьяны, которые лаяли, да, да, именно лаяли без всякой видимой причины, перелетая на конце веревки из одного угла зала в другой.

— Вы когда-нибудь видели что-либо подобное? — с гордостью спросил меня приятель Корнелия.

Я охотно признался, что не видел. Но мне пришлось долго вспоминать все доброе, что я до сих пор узнал об обезьянах, чтобы по-прежнему относиться к ним, как к разумным существам. Ибо любое мыслящее создание, попав в этот цирк, неизбежно пришло бы к выводу, что присутствует на шабаше умалишенных или взбесившихся зверей. Здесь все походили друг на друга, и ни в ком не было даже проблеска мысли. Все были одинаково одеты, и на всех мордах застыла та же маска сумасшествия.

Вспоминая об этом, я с горечью чувствовал, как по уже установившейся обратной связи, благодаря которой участники земных событий приобретали в моем сознании внешность горилл или орангутангов, теперь эта обезумевшая толпа обезьян предстала передо мной в людском облики. Это люди рычали, лаяли и хватались за концы веревок, чтобы, раскачавшись, побыстрее достигнуть другого конца зала. Все новые и новые спены мелькали в моей разгоряченной памяти. Помню, как после долгих наблюдений мне удалось обнаружить некоторые детали, указывающие, что вся эта дикая кутерма все же имеет отдаленное отношение к более или менее разумной деятельности. Среди звериного рычания и воя проскальзывали иногда понятные слова. Самец-горилла, взгромоздившись на высоченный помост, не прерывая истерической жестикуляции, время от времени хватал сильной ногой кусок мела и писал на доске новую цифру, очевидно имевшую какое-то значение. Но и он тоже вспоминался мне теперь в человеческом облике.

Мне удалось избавиться от этой галлюцинации лишь тогда, когда я усилием воли вернулся к своей теории происхождения обезьяньего общества: несомненное сходство между финансистами и дельцами Земли и Сороры только подтверждало мою правоту.

Самолет пошел на посадку. Я снова был в столице. Зира пришла встретить меня в аэропорт. Еще издали я заметил ее студенческий, сдвинутый на ухо кофачок и искренне обрадовался. И когда после всяких таможенных формальностей она очутилась передо мной, я едва удержался, чтобы ее не обнять.

П очти целый месяц после возвращения я провалился в постели, видимо заразившись чем-то на месте раскопок. Болезнь моя сопровождалась неожиданными скачками температуры и походила на малярию. Я не ощущал физической боли, однако разум мой был словно в огне: я без конца пере-

ГЛАВА 5

бирал в памяти все подробности, приоткрывшие передо мной завесу страшной тайны. Не оставалось никаких сомнений, что задолго до обезьяньей эры на Сороре существовала человеческая цивилизация, и эта мысль опьяняла и ужасала меня.

Сколько я ни размышлял, я так и не мог определить своего отношения к этому факту, испытывая одновременно и гордость и глубочайшее унижение. Гордость, потому что обезьяны все-таки ничего не изобрели и оказались в конечном счете обыкновенными подражателями, а унижение — потому что те же обезьяны сумели с такой удивительной легкостью усвоить человеческую культуру.

Как же это могло произойти? В бреду я постоянно возвращался к этому вопросу. Разумеется, все цивилизации, да и наша тоже, не бессмертны, об этом мы знаем давно, и все же столь полное и бесследное исчезновение человеческой цивилизации на Сороре угнетает разум. Что было тому причиной? Внезапная гибель? Катаклизм? Или медленная деградация людей и постепенное развитие обезьян? Я склоняюсь к последней гипотезе, тем более что нахожу чрезвычайно характерные признаки такой эволюции в современной жизни и занятиях обезьян.

Взять хотя бы огромное значение, которое они придают биологическим и физиологическим исследованиям. Так вот, теперь я начинаю понимать! В глубокой древности многие обезьяны служили человеку объектами для опытов в различных лабораториях. И именно эти обезьяны должны были перенять эстафету, именно им предстояло стать застрельщиками грядущей революции. И они, естественно, начали с подражания своим хозяевам, имитируя их жесты и поступки. А ведь их хозяевами были ученые: биологи, физиологи, медики или санитары и сторожа. Отсюда это сохранившееся до сих пор необычайное пристрастие к исследованиям в определенных областях.

Да, но какова же судьба людей?

Хватит думать об обезьянах! Вот уже два месяца я не видел моих бывших товарищей по заключению, моих человеческих братьев. Сегодня я себя чувствую

лучше. Меня больше не лихорадит. Вчера я уже сказал Зире — во время болезни она ухаживала за мной, как родная сестра, — я сказал ей, что хотел бы возобновить работу в ее отделении. Похоже, это ее не слишком обрадовало, но возражать она не стала. Пора навестить моих подопечных.

И вот я снова в зале с клетками. Странное волнение охватывает меня еще на пороге. Я вижу теперь этих созданий совсем в ином свете. Прежде чем войти к ним, я с тоскою вопрошал себя: неужели после двух месяцев отсутствия они меня даже не узнают? Но они узнали! Все взгляды обратились ко мне, как прежде, и, пожалуй, даже с большей почтительностью. Мне кажется, что они смотрят на меня по-новому, по-другому, совсем не так, как на своих сторожей-горилл. Нет, наверное, это игра воображения. И все-таки я различаю в их глазах почти неуловимые искорки любопытства, необычное волнение, тени древних воспоминаний, которые стремятся преодолеть преграду животной тупости, и, может быть, даже... слабый проблеск надежды.

Мне кажется, я сам последнее время бессознательно пробуждаю в них надежду. Одна мысль об этом приводит меня в состояние восторженного волнения. Неужели мне, именно мне, Улиссе Меру, заброшенному судьбой на неведомую планету, суждено здесь стать орудием возрождения рода человеческого?

Вот, наконец, я и понял, какая смутная мысль терзала меня и тревожила последний месяц. Господь бог не играет в кости, как говорил когда-то один прославленный физик. Во вселенной не бывает случайностей. Мое путешествие к Ветельгейзе было предпринято высшим разумом. И теперь я должен оправдать оказанное мне доверие и стать новым Спасителем этого падшего человечества.

Как и прежде, я медленно обхожу весь зал. Я удерживаюсь, чтобы не устремиться бегом к клетке Новы. Посланец судьбы не вправе иметь избранных. Я обращаюсь к каждому из своих подопечных... Они заго-

ворят, не сегодня, но заговорят, и я этим утешаюсь. Всю жизнь посвящу я выполнению моей великой миссии.

С деланным равнодушием я постепенно приближаюсь к моей бывшей клетке, кося на нее глазами. Но я не вижу протянутых мне навстречу сквозь решетку рук Новы, не слышу ее радостных криков, которыми она последнее время меня приветствовала. Тяжелое предчувствие овладевает мной. Я больше не в силах сдерживаться. Я бросаюсь вперед... Клетка пуста...

Резким тоном, от которого вздрагивают все пленники, я зову кого-нибудь из сторожей. Прибегает Занам. Ему не очень-то нравится быгь у меня под началом, но Зира строго приказала исполнять все мои указания.

— Где Нова? — спрашиваю я строго.

Он угрюмо отвечает, что ему об этом ничего не известно. Однажды ее увели, не дав ему никаких объяснений. Я настаиваю, но безрезультатно. К счастью, наконец входит Зира, явившаяся для очередного обхода. Она замечает меня перед пустой клеткой и догадывается о моем состоянии. Но что-то ее смущает, и сначала она заводит речь о другом:

— Только что вернулся Корнелий. Он хотел бы тебя видеть.

Но мне в этот момент наплевать на Корнелия, на всех шимпанзе, горилл, орангутангов и прочих чудовищ, населяющих небо и землю. Я показываю пальцем на клетку и спрашиваю:

— Где Нова?

— Она нездорова, — отвечает самка-шимпанзе. — Ее перевели в специальное отделение.

Она делает мне знак и увлекает за собой, подальше от сторожа.

— Мне пришлось обещать дирекции, что я сохраню это в тайне, — говорит Зира. — Но я думаю, что ты должен знать.

— Она больна?

— Ничего страшного. Но само по себе это событие достаточно значительно, чтобы обеспокоить наши власти. Нова понесла.

— Нова... что?

— Я хочу сказать: она беременна, — поправляется Зира, с интересом наблюдая за мной.

Я стоял, остолебенев от изумления, не в силах еще осознать всех последствий этого события. Сначала меня захлестнула волна всевоз-

ГЛАВА 6

можных мелочей и больше всего встревожил вопрос: почему мне до сих пор ничего не сообщили? Зира не дала мне времени выразить возмущение.

— Я сама заметила это всего два месяца назад, по возвращении из путешествия. Гориллы ничего не поняли. Я позвонила Корнелию, а он, в свою очередь, имел длинный разговор с директором-администратором. Они сошлись на том, что лучше все сохранить в тайне. В курсе дела только я да они двое. Нову поместили в отдельную клетку, и я сама за ней ухаживаю.

Я воспринял скрытность Корнелия как предательство и почувствовал, что Зире тоже неловко. Мне казалось, что за моей спиной затевается что-то недоброе.

— Не волнуйся, — попыталась меня успокоить Зира, — с ней хорошо обращаются, у нее все есть — я за этим слежу. Еще никто никогда так не оберегал беременную самку человека.

Под ее насмешливым взглядом я опустил глаза, как провинившийся школьник. Зира старалась сохранить иронический тон, однако я чувствовал, что она взволнована. Разумеется, мне было известно, что моя физическая близость с Новой стала Зире неприятна с того самого момента, когда она угадала во мне разумное существо, но сейчас в ее взгляде я увидел не безразличность, а нечто иное. Она была явно обеспокоена. Видимо, таинственность, окружившая Нову, не предвещала мне ничего хорошего. Я догадывался, что Зира сказала мне далеко не все: очевидно, Большой Совет тоже был в курсе дела и наверняка по этому поводу уже созывали совещания на самом высоком уровне.

— Когда Нова должна родить? — спросил я.

— Через три-четыре месяца.

И тут вся трагикомичность ситуации внезапно предстала передо мной. Я стану отцом в системе Бетельгейзе! У меня будет ребенок на планете Сороре, рожденный женщиной, к которой я ощущаю непреодолимое физическое влечение, порою жалость, но не более, и у которой мозг животного. Наверное, ни одно разумное существо во всей вселенной еще не попадало в подобное положение! Мне хотелось одновременно и плакать и смеяться.

— Зира, я должен ее видеть!

Она ответила мне досадливой гримаской.

— Я знала, что ты этого захочешь. Я уже говорила с Корнелием и, думаю, он возражать не станет. Сейчас он ждет тебя в своем кабинете.

— Корнелий меня предал, обманул!

— Ты не имеешь права так говорить. Корнелий разрывается между любовью к науке и долгом перед обезьяньим родом. Ты должен понять, что беременность Новы внушает ему самые серьезные опасения.

Пока я шел за Зирой по коридорам института, тревога моя все возрастала. Я догадывался, о чем думали ученые Сороры: их страшила возможность возникновения новой расы, которая... Черт побери! И вдруг я понял, каким образом смогу осуществить возложенную на меня провидением миссию!

Корнелий встретил меня весьма любезно, однако не сумел преодолеть возникшую между нами натянутость. Временами он исподтишка смотрел на меня почти с ужасом. Я изо всех сил старался не приступать сразу к теме, которая волновала меня больше всего. Для начала я спросил его, как он долетел и как закончились раскопки города в пустыне.

— Результаты поразительные! — оживился он. — Теперь у меня в руках самые неопровержимые доказательства!

Его маленькие умные глазки оживились и заблестели. Он не мог не похвастаться своим успехом. Зира сказала правду: Корнелий действительно разрывался между любовью к науке и долгом обезьяны. Но в тот момент со мной говорил ученый, одержимый исследо-

ватель, для которого превыше всего торжество его гипотезы, торжество истины.

— Мы нашли скелеты, — продолжал он. — Не один скелет, а множество, и расположенных таким образом, что это, вне всяких сомнений, может быть только кладбищем. Такая находка убедит самых тупоголовых. Однако наши орангутанги, разумеется, не хотят видеть ничего, кроме странного стечения обстоятельств.

— И что это за скелеты?

— Скелеты не обезьяны.

— Понятно.

Мы посмотрели друг другу в глаза. Энтузиазм Корнелия сразу поостыл, и он продолжал уже медленнее, взвешивая слова:

— Не стану скрывать: вы угадали — это человеческие скелеты.

Зира явно была уже в курсе дела, потому что не выказала ни малейшего удивления. Мы снова встретились с Корнелием взглядами. Я ждал. Наконец он решился взять быка за рога.

— Теперь я уверен, — не без горечи признал Корнелий, — что некогда на нашей планете существовала человеческая раса, наделенная способностью мыслить, раса людей, подобных вам и другим людям Земли, затем она деградировала, и наши люди превратились в животных... К тому же по возвращении я нашел здесь новые доказательства своей правоты.

— Новые доказательства?

— Да. Их раздобыл заведующий энцефалического отделения, молодой шимпанзе с большим будущим. То, чего он добился, почти гениально... Не следует думать, — продолжал Корнелий с горькой иронией, — что обезьяны всегда были только подражателями. Мы внесли немало замечательных новшеств во все отрасли науки и особенно больших успехов добились в изучении мозговой деятельности. Если мне удастся, я когда-нибудь познакомлю вас с результатами. Уверен, вы будете поражены.

У меня создавалось такое впечатление, что он сам пытался убедить себя в гениальности обезьян, а потому говорил с излишней горячностью. Но ведь я никогда и

не пытался его уязвить в этом отношении. Каких-нибудь два месяца назад Корнелий сам жаловался на отсутствие у обезьян созидательных способностей. А сейчас он с комичной гордостью вещал:

— Поверьте мне, настанет день, когда мы превзойдем людей во всех отношениях и во всех областях. Не случайно же мы стали наследниками человеческой культуры, — случайность здесь ни при чем. Это произошло в результате нормального хода эволюции. Эра мыслящего разумного человека прошла, и на смену ему явилось более совершенное существо, которому было предназначено сохранить основные достижения людей, усвоить их цивилизацию за долгий период кажущегося застоя, чтобы затем достичь новых вершин развития.

Такая постановка вопроса была для меня вновь. Я мог бы ответить Корнелию, что многие мыслители Земли предчувствовали и предсказывали появление высшего существа, которое когда-нибудь наследует людям, однако ни один ученый, философ или поэт не представлял себе этого сверхчеловека в образе обезьяны. Но мне не хотелось спорить о таких пустяках. Главное заключалось в том, что мысль нашла себе иное воплощение в живом существе, а что это было за существо — не суть важно, не так ли? Меня сейчас занимало другое, поэтому я перевел разговор на Нову и ее состояние. Корнелий не сказал мне ничего нового, но попытался меня утешить:

— Не волнуйтесь так! Надеюсь, все обойдется. Наверное, это будет обыкновенный ребенок, такой же, как все человеческие детеныши на Сороре.

— А я надеюсь, что нет. Я уверен: ребенок будет говорить!

Мне было трудно подавить свое возмущение, и я не сдержался. Зира нахмурилась, чтобы заставить меня умолкнуть.

— Я бы на вашем месте ему этого не желал, — помрачнев, заметил Корнелий. — Это не в его и не в ваших интересах.

И более дружеским тоном добавил:

— Если он заговорит, не знаю, смогу ли я впредь защищать вас, как это делал до сих пор. Вы, очевидно,

не отдаете себе отчета, как встревожился Большой Совет. Я получил строжайший приказ сохранить это рождение в тайне. Если власти узнают, что вы в курсе дела, я буду немедленно уволен, и Зира тоже, и вы останетесь один на один с...

— С врагами?

Корнелий отвел глаза. Значит, я понял правильно: меня рассматривали как потенциальную угрозу для обезьяньей расы. И все же мне было радостно, что в лице Корнелия у меня есть если не друг, то, во всяком случае, верный союзник. Видимо, Зира защищала меня гораздо упорнее и красноречивее, чем я думал, а Корнелий не посмеет пойти против нее ни в чем. Вот и сейчас он позволил мне навестить Нову, разумеется тайком.

Зира провела меня в маленький изолированный домик, ключи от которого были только у нее. Мы вошли в небольшую комнату. В ней стояли три клетки, две были пусты. Третью клетку занимала Нова. Она услышала, как мы входили, и каким-то шестым чувством ощутила мое присутствие, потому что, еще не видя нас, вскочила и протянула мне навстречу руки сквозь решетку. Я протянул к ней руки, потерся лицом о ее лицо. Зира презрительно пожала плечами, однако дала мне ключ от клетки, а сама отправилась посторожить в коридор. Какое доброе сердце у этой самки-шимпанзе! Какая другая женщина могла бы проявить такую чуткость! Зира догадалась, что нам с Новой нужно многое сказать друг другу, и оставила нас одних.

Многое сказать друг другу? Увы, я опять забыл о том, что собой представляла Нова. Я вбежал к ней в клетку, обнял ее, заговорил с ней, как если бы она могла меня понять, как я заговорил бы с Зирой.

Неужели она ничего не понимала? Неужели у нее не было даже предчувствия той великой миссии, которая выпала на нашу долю и за которую она отныне ответственна так же, как и я?

Я растянулся рядом с Новой на соломе, чтобы осторожно ощупать зреющий плод нашей странной, необыч-

ной любви. Мне показалось, что беременность пробудила в Нове чувство собственного достоинства, придала ей индивидуальность, которой у нее раньше не было. Когда я прикоснулся рукой к ее животу, Нова затрепетала. Да, взгляд ее стал напряженнее, осмысленнее, я не ошибся. И вдруг она с трудом, по слогам произнесла мое имя. Значит, Нова не забыла мои уроки! Меня захлестнула горячая волна радости. Но тут же глаза Новы потускнели, она повернулась ко мне спиной и принялась уплетать принесенные мною фрукты.

Вскоре вернулась Зира: нам пора было прощаться. Я ушел вместе с нею. Видимо, почувствовав мое отчаяние, Зира решила проводить меня до моей квартиры. И здесь, у себя дома, я разревелся, как маленький.

— О Зира, Зира! — всхлипывал я.

Она успокаивала меня и утешала, словно мать дитя, а я жаловался ей, и говорил, говорил без утайки, изливая перед ней все мысли и чувства, которых Нова не могла ни понять, ни оценить.

О восхитительная шимпанзе! Благодаря Зире я последнее время мог довольно часто видеться с Новой тайком от институтского начальства. Целыми часами я просиживал рядом с ней, жадно ловя в ее взгляде малейшие проблески мысли, и так, в ожидании рождения ребенка, проходила неделя за неделей.

Однажды Корнелий все же решил показать мне энцефалическое отделение, о котором рассказывал чудеса. Заранее извинившись, что не сможет меня сопровождать из-за неотложной работы, он познакомил меня с заведующим отделением, тем самым гениальным молодым шимпанзе. Звали его Гелий.

— Я вернусь через час, — сказал Корнелий, — чтобы показать вам самый выдающийся из наших экспериментов, тот, который предоставил нам новые доказательства, — помните, я вам о них говорил? А пока

ГЛАВА
7

познакомьтесь с классическими опытами. Думаю, они вас заинтересуют.

С этим он нас покинул, и Гелий повел меня за собой. Мы проникли в большой зал с двумя рядами клеток, похожий на все аналогичные помещения института. Но едва я вошел, меня поразил стоявший там резкий аптечный запах, напоминавший запах хлороформа. Как оказалось, это было действительно какое-то анестезирующее средство. Мой гид объяснил мне, что теперь все операции проводятся под наркозом. Эту деталь он подчеркнул несколько раз, считая ее доказательством высокого развития обезьяньей цивилизации, стремящейся избавиться от излишних страданий любых подопытных животных, даже людей. Дескать, я могу быть спокоен!

Но я чувствовал себя не очень-то спокойно. И уж совсем разволновался, когда в заключение своей речи Гелий признал, что из этого гуманного правила все же делают исключения, чтобы изучить как раз механизм страдания и локализовать нервные болевые центры. Однако такие опыты мне в тот день продемонстрировать не собирались.

Подобное вступление не могло не обострить мою чувствительность: все-таки я человек! Мне сразу вспомнилось, как Зира настойчиво отговаривала меня от посещения этого отделения, куда она сама заходила только в случае крайней необходимости. И я уже хотел повернуть назад под каким-нибудь благовидным предлогом, но Гелий отрезал мне путь к отступлению.

— Если хотите, вы можете присутствовать при операции, — предложил он. — Тогда вы сами убедитесь, что подопытный не испытывает боли. Не хотите? В таком случае, я покажу вам результаты экспериментов.

И, миновав закрытую комнату, откуда шел лекарственный запах, Гелий увлек меня к клеткам. В первой из них я увидел юношу, довольно красивого, но поразительно худого. Он полулежал на своей подстилке. Перед ним, прямо у него под носом, стояла миска со сладкой кашней, любимым лакомством людей Сороры. Юноша тупо смотрел на еду, не делая ни одного движения.

— Смотрите, — сказал заведующий отделением, — этот человек голоден: он не ел двадцать четыре часа. И тем не менее он никак не реагирует на свою любимую пищу. Это результат удаления части лобной мозговой доли. Операция сделана несколько месяцев тому назад, и с тех пор он находится в том же состоянии. Его приходится питать искусственно. Видите, какой он истощенный?

Гелий сделал знак горилле-служителю, который вошел в клетку и сунул юношу носом в миску. Подопытный тотчас начал лакать похлебку.

— Ну, это обычный случай, — продолжал Гелий. — А вот более интересные. У каждого из подопытных были повреждены разные участки коры головного мозга.

Мы проходили мимо клеток, где сидели мужчины и женщины различного возраста. Таблички на дверях каждой клетки сообщали подробно и с массой технических деталей, какого рода операции подвергся подопытный.

— Некоторые участки коры ведают безусловными рефлексам, другие — условными. Вот, например, этот случай...

У этого «случая», как сообщала табличка, удалили целый участок мозга из затылочной области. Теперь он не воспринимал ни формы предметов, ни расстояния до них, что он и продемонстрировал серией беспорядочных движений, когда к нему приблизился служитель. Он не мог переступить через палку, брошенную у него на пути. Протянутый несчастному плод внушал ему опасение, и он в страхе пытался бежать. Он не мог даже уцепиться за решетку и нелепо хватал пальцами пустоту.

— А вот еще один, — продолжал шимпанзе, подмигивая, — раньше это было замечательное животное. Нам удалось научить его удивительным трюкам. Он знал свое имя и до какой-то степени выполнял простейшие команды. Он решал во время опытов довольно сложные задачи и умел даже пользоваться примитивными инструментами. А сегодня он забыл абсолютно все. Он не знает своего имени. Он ничего не умеет

делать. Он стал самым глупым из наших подопытных. А почему? Над ним была проведена тончайшая операция: удаление височных долей.

От всех этих ужасов к горлу подкатывала тошнота, и я почти не слушал пояснений гримасничающего шимпанзе. Передо мной в клетках лежали и сидели люди, одни парализованные частично или полностью, другие искусственно лишённые слуха или зрения. Я увидел молодую женщину, у которой, по словам Гелия, был очень сильно развит материнский инстинкт; теперь же он был совершенно подавлен благодаря операции на основании полушарий (*cortex cogvical*). Она злобно и грубо отталкивала своего малыша всякий раз, когда он пытался к ней подползти. Для меня это было уже слишком! Я подумал о Нове, о том, что и она скоро сделается матерью, и кулаки мои сжались от ярости. К счастью, Гелий повел меня в другой зал, и я успел по дороге овладеть собой.

— Здесь, — сказал мне ученый-шимпанзе с таинственным видом, — мы занимаемся экспериментами посложнее. На этой стадии скальпель уступает место более тонкому инструменту. Речь идет о раздражении различных участков головного мозга электрическим током. Нам удалось добиться поразительных результатов. Скажите, а у вас на Земле ставят такие опыты?

— Да, на обезьянах! — вскричал я в бешенстве. Шимпанзе несколько не обиделся.

— Ну разумеется, разумеется, — проговорил он с улыбкой. — Тем не менее я не думаю, чтобы вы добились таких же успехов, как мы, — я имею в виду эксперимент, который доктор Корнелий хочет вам продемонстрировать лично. А пока продолжим знакомство с обычными опытами.

Он потащил меня дальше мимо клеток, в которых обезьяны-врачи оперировали людей. Здесь подопытные лежали на своего рода столах. Трепанация черепа обнажала те или иные участки мозга. Пока одна обезьяна-анестезиолог следила за подачей наркоза, другая прикладывала к пульсирующему мозгу электроды.

— Видите, здесь мы тоже применяем обезболивание, — заметил Гелий. — Правда, анестезия дается

неглубокая, чтобы не исказить результатов, однако объект не чувствует никакой боли.

В зависимости от того, к какому участку коры прикасались электроды, подопытные производили различные движения, причем, как правило, на раздражение реагировала какая-либо одна часть тела. Первый мужчина при каждом разряде электрического тока сгибал левую ногу и тотчас разгибал ее, когда ток прерывался. Второй точно также сгибал и разгибал руку в локте. Третий под воздействием тока производил вращательные движения всей рукой в плечевом суставе. Немного дальше обезьяны изучали функции нервного центра, управляющего мускулами челюстей. Когда включали ток, подопытный, совсем еще молодой парнишка, принимался жевать, и жевал неустанно, свирепо, со скрежетом зубовым и жуткими гримасами, в то время как тело его оставалось совершенно неподвижным.

— Понаблюдайте, что происходит, если увеличивать продолжительность воздействия электротоком, — предложил мне Гелий. — Сейчас вы увидите такой эксперимент, доведенный до логического завершения.

На сей раз объектом эксперимента оказалась красивая девушка, напоминавшая отдельными чертами Нову. Вокруг ее обнаженного тела суеилось несколько врачей-обезьян, самцов и самок, в белых халатах. Самка-шимпанзе с вдумчивой мордой приладила электрод и включила ток. У девушки сейчас же зашевелились пальцы левой руки. Но шимпанзе не выключила ток, как в обычном эксперименте, — опыт продолжался. И вот движения пальцев ускорились, стали лихорадочными. Затем дрогнула и зашевелилась вся кисть. Еще через мгновение движение распространилось до локтя, до плеча и начало разливаться вверх, захватывая мускулы лица, и вниз по телу на бедро, икру, пятку, вплоть до пальцев ноги. Через десять минут вся левая сторона несчастной девушки содрогалась от конвульсивных, все учащающихся и все более сильных спазмов. На это было страшно смотреть!

— Мы называем это эффектом цепной реакции, — спокойно пояснил Гелий. — Он достаточно хорошо изучен и обычно завершается конвульсиями, какие быва-

ют при эпилептических припадках. Но это странная эпилепсия, захватывающая только одну половину тела, хотя симптомы...

— Прекратите! — закричал я, не в силах более сдерживаться.

Обезьяны подскочили от неожиданности и с неодобрением уставились на меня. К счастью, в этот момент вошел Корнелий.

— Я понимаю, понимаю, — проговорил он, дружески похлопывая меня по плечу. — Эти эксперименты, пока не привыкнешь, производят довольно сильное впечатление. Но подумайте о том, что именно благодаря им наша медицина, особенно хирургия, неизмеримо продвинулись вперед всего за каких-нибудь двадцать пять лет!

Но меня этот довод несколько не убедил, точно так же как воспоминание о подобных опытах, которые я видел в одной из наших земных лабораторий, хотя там они проводились на шимпанзе. Корнелий пожал плечами и увлек меня в узкий коридор, сообщавшийся с залом поменьше. На пороге он остановился и сказал мне торжественным тоном:

— Здесь вы увидите нечто поразительное и совершенно новое. В это помещение имеют доступ лишь три лица: Гелий, который лично занимается опытами и уже добился огромных успехов, я сам и один служитель-горилла, выбранный нами с величайшей осторожностью. Он немой. Мне он предан душой и телом, и к тому же он круглый дурак. Надеюсь, вы понимаете, какое значение мы придаем тому, чтобы о нашей работе никто не знал. Но вас я с нею познакомлю, потому что вы, я уверен, будете молчать. Ибо это в ваших же интересах.

вошел за Корнелием в маленький зал и сначала не заметил там ничего особенного, что могло бы оправдать подобную таинствен-

ность. Аппаратура походила на ту, что мы уже видели в других помещениях: те же генераторы, трансформа-

торы, электроды. И здесь было всего двое подопытных — мужчина и женщина. Они лежали на двух поставленных параллельно кушетках, привязанные ремнями. Когда мы вошли, они встретили нас взглядами, поразившими меня своей необычайной пристальностью.

Служитель-горилла приветствовал нас невнятным ворчанием. Гелий обменялся с ним несколькими фразами на языке глухонемых. Это было редкостное зрелище: горилла и шимпанзе, объясняющиеся на пальцах! Не знаю почему, оно мне показалось настолько нелепым и диким, что я едва не расхохотался.

— Все в порядке, — сказал Гелий. — Они спокойны. Можно сразу приступать к опыту.

— Господи, в чем, наконец, дело? — взмолился я.

— Я предпочитаю, чтобы для вас это было сюрпризом, — усмехнувшись, ответил Корнелий.

Служитель-горилла ввел обоим подопытным наркоз и, когда они спокойно уснули, начал включать различную аппаратуру. Гелий приблизился к мужчине, осторожно размотал повязку у него на голове и, выбрав на черепе определенную точку, подвел к ней электрод. Мужчина продолжал лежать абсолютно неподвижно. Я вопросительно взглянул на Корнелия, и в этот миг произошло чудо.

Мужчина заговорил. Его голос прозвучал в маленьком операционном зале так внезапно, что я подскочил на месте. Нет, это не было галлюцинацией: он говорил громко, заглушая жужжание генератора. Он говорил на обезьяньем языке, как земной человек или как обезьяна планеты Сорора.

На лицах обоих ученых вспыхнуло выражение торжества. Они смотрели на меня, наслаждаясь моим изумлением, и в глазах их плясали искорки гордости и самодовольства. Я чуть не вскрикнул от неожиданности, но они заранее сделали мне знак молчать и слушать. То, что говорил мужчина, было бессвязно и лишено всякого смысла. Должно быть, он очень долго находился в институте, потому что теперь он без конца повторял обрывки фраз, которые обычно произносят слу-

жители или ученые. Вскоре Корнелий приказал прекратить эксперимент.

— От этого мы ничего больше не добьемся, — сказал он. — Но вы видели, вернее слышали, главное: он говорит!

— Потрясающе! — пробормотал я.

— Ну, вы еще ничего не видели, — заметил Гелий. — Он говорит как автомат или как попугай. Зато от этой самки мы добились гораздо большего.

Он указал на женщину, которая мирно спала.

— Гораздо большего?

— Да, от нее мы получаем в тысячу раз больше, — подтвердил Корнелий, столь же взволнованный, как и его коллега. — Слушайте меня внимательно. Эта женщина тоже говорит, и вы ее услышите. Но она не повторяет фраз, заученных в плену. Ее слова имеют исключительное значение. С помощью поистине гениальной комбинации электрохимических воздействий на мозг этой подопытной Гелию удалось пробудить в ней не только индивидуальную, но и временную память. В ее устах под воздействием электрического тока оживают воспоминания самых отдаленных предков, оживает атавистическая память, заложенная в человеческой расе многие тысячи лет тому назад. Вы понимаете, Улисс?

Слушая Корнелия, я думал, что великий ученый сошел с ума, настолько его слова казались мне невероятными. Кстати, среди обезьян сумасшествие явление довольно распространенное, особенно среди интеллигенции. Но пока я раздумывал, другой шимпанзе, Гелий, уже приладил электроды к мозгу женщины. Некоторое время она, как и мужчина, лежала, не подавая признаков жизни, потом глубоко вздохнула и заговорила. Она тоже говорила на обезьяньем языке, языке Сороры, глуховатым голосом, который менял тональности, как если бы он принадлежал разным людям. Каждое ее слово запечатлелось в моей памяти, как выгравированное.

— Обезьяны, опять эти обезьяны, — с беспокойством говорила женщина. — Последнее время они бурно

размножаются, хотя совсем недавно казалось, что их род вот-вот угаснет. Если дальше будет так продолжаться, их станет больше, чем нас... Но дело не только в этом. Они становятся нахальными. Они уже выдерживают человеческий взгляд. Мы зря приручали их и зря давали им свободу, как слугам или обыкновенным домашним животным. Баловни семей становятся самыми дерзкими. Недавно меня толкнул на улице разносчик-шимпанзе. Но когда я подняла руку, чтобы его стукнуть, он посмотрел на меня так злобно и угрожающе, что я не осмелилась его ударить. Анна, та самая, которая работает в лаборатории, сказала мне, что у них тоже многое изменилось. Она уже не осмеливается входить в клетки без страховки. Она уверяет, что по вечерам там слышатся шущуканье и даже смешки. Одна из горилл издевается над доктором, передразнивая его походку.

Женщина умолкла, несколько раз тяжело вздохнула и продолжала:

— Ну вот, дожили! Одна из обезьян научилась говорить. И это не выдумка: я сама читала в «Газете для женщин». Там была его фотография. Это молодой шимпанзе.

— Шимпанзе! Первый! Я был в этом уверен! — воскликнул Корнелий.

— А теперь появились другие, — продолжала женщина. — Газеты каждый день сообщают о новых говорящих обезьянах. Кое-кто из ученых считает это большим научным достижением. Неужели они не понимают, к чему это может нас привести? Насколько я знаю, один из этих говорящих шимпанзе отвратительно ругается. Первое, для чего они используют дар речи, это для того, чтобы поносить своих хозяев. Они отказываются повиноваться...

Женщина некоторое время молчала, потом вновь заговорила, но на сей раз низким мужским голосом и назидательным тоном:

— То, что с нами произошло, можно было предвидеть без труда. Нами овладела мыслительная лень. Никто больше не читает: даже детективные романчики кажутся произведениями, требующими слишком боль-

шого духовного напряжения. Никто больше не играет: в крайнем случае раскладывают безобидные и безопасные пасьянсы. Даже детские фильмы кажутся чересчур утомительными. А в это время обезьяны про себя размышляют. И в этих молчаливых одиноких раздумьях их мозг развивается... И они уже овладели речью! О конечно, с нами они почти не говорят, разве только презрительно огрызаются на тех немногих смельчаков, которые еще осмеливаются им приказывать. Но по ночам, когда все мы спим, они обмениваются впечатлениями и сообщают друг другу то, что узнали за день.

Последовала еще одна пауза, затем подопытная заговорила тоскливым женским голосом:

— Мне было слишком страшно. Я больше не могла так жить. Я предпочла уступить место моему лакею-горилле. Я сбежала из собственного дома. Он жил у меня уже несколько лет и верно служил мне. Но постепенно, понемногу он изменился. Он начал уходить по вечерам, начал посещать собрания обезьян. Он научился говорить. А потом отказался выполнять какую бы то ни было работу. Месяц тому назад он приказал мне заняться готовкой и мыть посуду. Он начал есть из моих тарелок, пользоваться моими вилками и ножами. На прошлой неделе он выгнал меня из моей комнаты. Мне пришлось провести ночь в гостиной, в кресле. Я не осмеливалась больше ни ругать его, ни наказывать и попыталась завоевать его расположение добротой. Но он только смеялся надо мной, и претензии его все возрастали. Я чувствовала себя совсем несчастной, беспомощной. И я сдалась.

Я нашла приют в стойбище, которое устроили женщины, оказавшиеся в таком же положении, как я. Здесь есть и мужчины. У многих теперь не хватает смелости жить по-старому. Мы обосновались за пределами города и влачим жалкое существование. Но мы довольны и почти не разговариваем друг с другом. Первое время я раскладывала пасьянсы. Теперь мне не хочется, да и нет сил заниматься даже этим.

Женщина замолчала, потом заговорила мужским голосом:

— Мне казалось, что я нашел средство против рака. Я должен был его испытать, как делал это с каждым своим открытием. Но я утратил былую осторожность. В последнее время все мои обезьяны позволяли делать над собой опыты с большой неохотой. Поэтому, прежде чем войти в клетку Жоржа, самца-шимпанзе, я попросил двух ассистентов как следует его связать. Затем я приблизился и хотел сделать ему укол, впрыснуть возбудитель рака. Ведь это было необходимо, чтобы потом его вылечить! У Жоржа был такой вид, словно он покорился судьбе. Он не сопротивлялся, но его хитрые глазки следили за чем-то происходящим за моей спиной. Я спохватился слишком поздно. Гориллы, шесть горилл, которые были у меня в запасе для опытов с чумой, ухитрились вырваться на свободу. Это был заговор! Они схватили нас. Жорж отдавал приказы на нашем языке. Он в точности копировал все мои движения. Приказав гориллам привязать нас к операционным столам — а они это сделали в мгновение ока, — он набрал в шприц смертельную жидкость и ввел ее нам в кровь, всем троим. Итак, у меня рак. Это наверняка, ибо если лекарство против рака еще не проверено, то смертоносная раковая сыворотка давно уже доказала свою эффективность.

Впрыснув мне полную дозу, Жорж дружески потрепал меня по щеке, как я обычно делал со своими обезьянами после экспериментов. Мы ведь к ним всегда хорошо относились. Я предпочитал управлять ими не угрозами, а лаской.

Несколько дней спустя, сидя в клетке, куда меня заперли, я ощутил первые признаки болезни. Жорж тоже распознал симптомы рака — я слышал, как он говорил другим обезьянам, что пора приступить к лечению. Это привело меня в ужас. Я ведь знал, что обречен. Теперь я уже не верил в это новое средство. А что, если я от него умру еще скорее? Нет! Ночью мне удалось сломать решетку и сбежать из лаборатории. Я укрылся в становище за городом. Впереди у меня еще два месяца жизни. Я гадаю на картах и подремываю.

Снова пауза, и опять женский голос:

— Я была укротительницей. У меня был номер с

двенадцатью дрессированными орангутангами, поистине великолепными зверьми. А сейчас я сама сижу в клетке вместе с другими артистами цирка.

Но надо быть справедливой. Обезьяны обращаются с нами хорошо и кормят нас до отвала. Когда солома наших подстилок становится слишком грязной, они ее меняют. И вообще их нельзя назвать жестокими: они наказывают только тех, кто упрямится и не желает делать трюки, которым орангутанги хотят нас выучить во что бы то ни стало. А какие это забавные трюки! Я, например, стараюсь исполнить все, что им хочется. Ползаю на четвереньках, делаю сальто, хожу на руках. И они тоже хорошо ко мне относятся. Несчастной я себя не чувствую. У меня теперь нет ни забот, ни ответственности, ни огорчений. Большинство из нас быстро привыкло к новой жизни.

Женщина снова умолкла и на сей раз молчала долго. И все это время Корнелий упорно смотрел мне прямо в глаза. Я прекрасно понимал, что он хотел сказать своим настойчивым взглядом. Если человеческая раса отжила свое и стала ничтожной и слабой, если она так легко отказалась от своего господства на планете, разве не справедливо, что на смену ей пришла раса более жизнеспособная и благородная? Я покраснел и отвел глаза. И в это мгновение женщина снова заговорила безнадежно-горестным голосом:

— Теперь они захватили весь город. В этом убежище нас осталось всего несколько сотен, и положение наше отчаянное. Это последнее человеческое поселение в окрестностях города, но обезьяны не позволяют нам жить на свободе в такой близости от них.

Из других стойбищ многие бежали подальше, в джунгли, а остальные сдались обезьянам, чтобы вволю есть и ни о чем не заботиться. А мы остались в стойбище из лени. Мы дремлем, спим — никто не способен даже думать о сопротивлении...

Этого я и боялась! Варварская какофония терзает слух. Словно пародия на военный марш... О боже! Спасите! Это они, обезьяны! Они окружают нас со всех сторон. У них наши трубы, барабаны, наши мундиры и, конечно, наше оружие... Но нет, оружия я не вижу...

О, какой стыд, какое страшное унижение! Вот на нас надвигается армия обезьян, и они вооружены только кнутами!

ведения о некоторых эксперимен- ГЛАВА
тах Гелия в конце концов просо- 9
чились. Возможно, в этом был
виноват сам ученый-шимпанзе, не

удержавшийся, чтобы не похвастаться своими успехами. В городе говорят, что одному из исследователей удалось заставить заговорить людей. Мало того, находки, сделанные в погребенном городе в пустыне, несмотря на все вранье, появившееся в печати, вызывают волнение. Некоторые журналисты путем логических умозаключений подбираются к истине. Все это вызывает у обезьян чувство тревоги и неуверенности, которое в первую очередь отражается на мне. Власти смотрят на меня с растущим недоверием, а мои отношения с населением становятся все более напряженными.

У Корнелия полно врагов. Поэтому он не осмеливается прямо объявить о своем открытии. Да и хочет ли он этого, зная заранее, что власти будут против? Клан орангутангов во главе с Зайусом ляжет костью. Уже идут слухи о заговоре против обезьянней расы, и меня уже объявляют более или менее открыто одним из главных организаторов этого заговора. Гориллы пока не приняли никакого официального решения, но они, несомненно, выступят против всего, что может повлиять на стабильность существующего строя.

Сегодня я испытал глубокое потрясение. Свершилось то, чего все мы с нетерпением ожидали. Сначала меня охватила неудержимая радость, но затем, поразмыслив, я содрогнулся от предчувствия надвигающейся опасности. Нова родила мальчика.

Итак, у меня есть ребенок, на планете Сороре у меня родился сын. И я его уже видел. Это оказалось совсем не просто. Стремясь сохранить тайну, институтские власти окружили Нову всевозможными строгостя-

ми, и в последнюю неделю перед родами мне не удалось ее посетить ни разу. О том, что все разрешилось благополучно, мне сообщила Зира. По крайней мере на нее-то можно положиться: она останется верным другом. Я так разволновался, что Зира сама решила устроить мне свидание с новым членом нашего маленького семейства. Но ей удалось это сделать лишь через несколько дней, да и то глубокой ночью, потому что днем с ребенка не спускают глаз.

И я его видел!.. Какой чудесный малыш! Он лежал на соломе рядом с матерью, как новый младенец Христос. Мальчик похож на меня, но одновременно он унаследовал красоту Новы. Кстати, когда я только приоткрыл дверь, Нова встретила меня грозным рычанием. Она тоже чувствует опасность и волнуется. Выставив перед собой скрюченные пальцы, она вскочила на ноги, готовая растерзать любого врага, но потом узнала меня и постепенно успокоилась. Я убежден, что, став матерью, Нова сразу поднялась на несколько ступеней эволюции. Мерцающая искра разума в ее глазах сменилась неугасимым огнем. С восторгом и нежностью я целовал моего сына, стараясь не думать о тучах, уже собирающихся над нашими головами.

Он вырастет человеком, настоящим человеком — в этом я не сомневаюсь. Разум светится в каждой его черточке, в каждом взгляде. Мне удалось вновь зажечь священное пламя мысли. Благодаря мне человеческая раса этой планеты возродится и снова достигнет расцвета. Когда мой сын вырастет, он станет основателем целого рода...

Когда мой сын вырастет! Меня начинает трясти при одной мысли о том, что сейчас он лежит на соломе в клетке... А сколько препятствий еще встанет на его пути! Но мы победим, мы втроем справимся с любыми препятствиями, я уверен. Да, именно мы втроем, я не оговорился, потому что Нова теперь перешла в наш лагерь. Чтобы в этом убедиться, достаточно понаблюдать за ней, когда она любит своим ребенком. Правда, она его еще вылизывает, как все матери на Сороре, но лицо у нее при этом вполне осмысленное.

Я положил младенца на солому. Теперь я о нем

больше не беспокоюсь — это настоящий человек. Правда, он еще не разговаривает — впрочем, господи, ведь ему всего три дня от роду! — но он обязательно будет говорить. Он уже плачет тихонько, именно плачет, как земной ребенок, а не скулит, как звереныш. Нова это прекрасно понимает и не сводит с малыша восхищенных глаз.

Однако и Зира тоже почувала необычное. Она приблизилась к нам, насторожив волосатые уши, и долго внимательно рассматривала младенца с озабоченным видом. Затем она дала мне понять, что я должен поскорее уйти. Если бы меня застал здесь кто-нибудь из посторонних, это могло бы кончиться плохо для нас всех. Впрочем, Зира обещала позаботиться о моем сыне, и я знаю, что она сдержит слово. Но в то же время мне неизвестно, что ее самое уже подозревают в сообщничестве со мной. Я трепещу от одной мысли, что ее могут в любой момент уволить, если не хуже. Нет, я не имею права подвергать ее подобному риску!

Горячо попрощавшись с матерью и ребенком, я иду к выходу. У двери еще раз оглядываюсь и вижу, что шимпанзе тоже приблизилась к маленькому сыну человеческому, моему сыну, тихонько прикоснулась обезьяньими губами к его лобку и только после этого вышла из клетки. И Нова даже не запротестовала! Она увидела в этом проявлении нежности к ее ребенку нечто вполне естественное. Помня, с какой ненавистью она относилась к Зире раньше, я воспринял это как настоящее чудо.

Мы вышли из комнаты. У меня дрожали руки и ноги, и я видел, что Зира взволнована не меньше меня.

— Улисс! — воскликнула она, вытирая слезы. — Иногда мне кажется, что это и мой ребенок.

Время от времени я буквально заставляю себя посещать профессора Антеля, но с каждым разом эти визиты становятся все мучительнее. Профессор по-прежнему находится в институте, однако его пришлось перевести из комфортабельной

ГЛАВА 10

комнаты, куда его устроили по моей просьбе. В этой комнате Антель быстро чах, к тому же у него начались приступы дикой ярости, во время которых он становился просто опасен. Он пытался укусить санитаров. Тогда Корнелий решил применить к нему иной режим. Он приказал поместить профессора Антеля в обычную клетку с соломенной подстилкой и дать ему подругу, ту самую женщину, с которой профессор спал в зоологическом саду. Антель встретил старую знакомую выражением шумной радости счастливого зверя, и тотчас все его поведение изменилось. Он снова обрел вкус к жизни.

В такой вот обстановке и в таком обществе я нахожу его теперь при каждом посещении. По-видимому, он счастлив. Во всяком случае, профессор пополнел и даже помолодел. Я выбиваюсь из сил, чтобы установить с ним контакт, но все тщетно. Вот и сегодня я сделал еще одну безуспешную попытку. Профессора интересуют только пирожки, которые я ему приношу. Опустошив пакет, он отворачивается от меня, блаженно растягивается рядом со своей подругой, и та начинает облизывать его лицо.

— Вот видите, разум можно не только обрести, он может и угаснуть, — говорит кто-то вполголоса за моей спиной.

Я оборачиваюсь — это Корнелий. Оказывается, он меня искал, но отнюдь не для того, чтобы побеседовать о профессоре Антеле. У него ко мне чрезвычайно серьезное дело. Я следую за ним в его кабинет, где нас уже ожидает Зира. У нее припухшие, красные глаза, словно она долго плакала. Похоже, что Корнелий и Зира узнали очень важную для меня новость, но ни он, ни она не решаются мне ее сообщить.

— Что-нибудь с моим сыном? — не выдерживаю я.

— Он чувствует себя хорошо, — поспешно отвечает Зира.

— Даже слишком хорошо, — добавляет ворчливо Корнелий.

Я и сам знаю, что сын у меня великолепный, но вот уже месяц мне не удается его повидать. Строгости

еще больше усилились. Зира попала под подозрение, и теперь институтское начальство следит за каждым ее шагом.

— Чересчур даже хорошо! — повторяет Корнелий. — Он улыбается. Он плачет, как обезьяний ребенок... И он начинает говорить.

— В три месяца?!

— О, это всего лишь детский лепет, но он доказывает, что мальчик будет говорить. К тому же вообще он развивается слишком быстро.

Я надуваюсь от гордости. Но Зиру мой блаженный вид счастливого папаши приводит в возмущение.

— Неужели ты не понимаешь, что это катастрофа? — взрывается она. — Теперь его ни за что никогда не выпустят на свободу!

— Мне стало известно из достоверного источника, — медленно говорит Корнелий, — что через пятнадцать дней состоится заседание Большого Совета специально, чтобы принять важное решение относительно вашего ребенка.

— Важное решение?

— Чрезвычайно важное. О том, чтобы его уничтожить, речь пока не идет. Повторяю: пока не идет. Но его отнимут у матери.

— А я, я его смогу видеть?

— Для вас это абсолютно исключено, для вас в первую очередь! — неумолимо отчеканивает шимпанзе. — Однако позвольте мне продолжить. Мы собрались здесь не для того, чтобы предаваться сожалениям, а для того, чтобы действовать. Итак, я получил точные сведения. Вашего сына поместят в своего рода крепость, где он будет находиться под наблюдением орангутангов. Да, Зайус давно этого добивается, давно интригует и теперь, наверное, добьется своего.

Тут Корнелий гневно сжал кулаки и пробормотал сквозь зубы несколько непечатных слов. Затем он продолжал:

— Надо сказать, Большой Совет прекрасно осведомлен, чего стоит этот кретин как ученый, однако все делают вид, будто верят, что он на самом деле сможет лучше меня изучить столь исключительный случай,

делают вид, ибо этот случай расценивается как угроза для всей нашей расы. И заправила Совета рассчитывают, что Зайус сумеет решительно избавить нас от опасности.

Я был убит. Неужели мой сын попадет в лапы этого злобного, жестокого идиота? Однако Корнелий еще не кончил:

— Самое страшное, что угроза нависла не только над вашим сыном.

Не в силах произнести ни слова, я посмотрел на Зиру, но та опустила голову.

— Орангутанги вас ненавидят, потому что вы являетесь живым доказательством ошибочности всех их так называемых научных теорий, а гориллы считают вас слишком опасным существом, которое нельзя оставлять на свободе. Они боятся, как бы вы не стали родоначальником новой человеческой расы на нашей планете. Но даже если исключить подобную возможность, они опасаются, что одно ваше присутствие на Сороре взбунтует наших людей. Кстати, ряд наблюдений отмечает необычное возбуждение среди подопытных, с которыми вы имели дело.

Да, это правда. Во время моего последнего посещения зала с клетками я сам заметил, что поведение пленников заметно изменилось. Похоже, что какой-то таинственный инстинкт предупредил их о чудесном рождении моего сына. Они встретили меня целым концертом радостных переливчатых воплей.

— Короче говоря, — сурово продолжал Корнелий, — я весьма опасаясь, что через пятнадцать дней Большой Совет примет решение вас уничтожить... или по меньшей мере удалить у вас часть мозга под предлогом научного эксперимента. Что касается Новы, то думаю, что и ее постараются обезвредить, поскольку она слишком долго общалась с вами.

Нет, это было немисливо! Я ведь уже уверовал в свою миссию, в свое чуть ли не божественное предназначение, и вдруг... В одно мгновение я был низвергнут с небес на землю и сразу превратился в самое несчастное из существ. Безысходное отчаяние охватило меня.

— Корнелий правильно сделал, что ничего от тебя не скрыл, — проговорила Зира, кладя мне руку на плечо. — Положение действительно отчаянное. Но он не сказал тебе, что мы не собираемся тебя покидать. Мы решили спасти вас всех троих, и в этом нам помогут несколько наших друзей, мужественных шимпанзе.

— Но что я могу предпринять, я, единственный представитель моей расы на вашей планете?

— Надо бежать. Надо покинуть эту планету, куда тебе было бы лучше вовсе не прилетать. Возвращайся к себе на Землю. Это единственный способ спасти тебя и твоего сына.

Голос Зирь задрожал, словно она вот-вот заплачет. Все-таки она относилась ко мне даже лучше, чем я мог думать. Я тоже был глубоко взволнован и ее горем и тем, что, покинув Сорору, уже не увижусь с Зирой никогда.

— Но как бежать с вашей планеты? — спросил я.

Мне ответил Корнелий:

— Зира права: я обещал устроить вам побег, и я сдержу слово, даже если это погубит мою карьеру. К тому же, помогая вам, я исполняю свой долг обезьяны. Если вы и представляете для нас опасность, то опасность будет устранена, когда вы вернетесь на Землю... Вы мне говорили, что ваш космический корабль не пострадал и что вы сможете на нем совершить обратный перелет к Земле, не правда ли?

— Совершенно верно, — ответил я. — В звездолете достаточно топлива, кислорода и припасов, чтобы добраться на нем до любой планеты галактики. Но как добраться до звездолета?

— Он по-прежнему вращается вокруг Сороры. Один из моих друзей-астрономов обнаружил звездолет и вычислил все элементы его орбиты. Что же касается того, как до него добраться... Слушайте внимательно! Точно через десять дней мы собираемся запустить искусственный спутник с живыми существами, разумеется с людьми, на которых мы хотим изучить влияние некоторых видов излучений... Не прерывайте меня! Согласно программе подопытных должно быть трое: мужчина, женщина и ребенок.

План Корнелия сразу стал понятен мне; я только подивился его изобретательности. Но сколько препятствий возникало у нас на пути!

— Некоторые ученые, ответственные за запуск спутника, — продолжал Корнелий, — мои близкие друзья, и я сумел их привлечь на нашу сторону. Спутник будет запущен на орбиту вашего космического корабля, кроме того, он до известной степени управляем.

Взрослые подопытные прошли специальную подготовку и могут осуществлять простейшие маневры — у них выработаны условные рефлексы. Но я надеюсь, что вы окажетесь гораздо искуснее, чем они... Ибо наш план заключается в следующем: вы трое замените трех подопытных пассажиров. Тут особых трудностей не предвидится. Как я вам уже сказал, у нас будут верные союзники, потому что сама мысль об убийстве отвратительна для шимпанзе. А те, кто не в курсе дела, даже не заметят подмены.

Действительно, это было вполне вероятно. Для большинства обезьян человек просто человек, и ничего больше. Они даже не замечают разницы между отдельными индивидуумами.

— Все эти десять дней вам придется усиленно тренироваться. Сумеете вы после этого достичь вашего корабля?

Это тоже было возможно. Но в тот момент я не думал о трудностях и опасностях, которые нас ожидали. Невольно душою моей овладевала глубокая печаль при мысли, что придется навсегда покинуть Сорору, покинуть Зиру и моих братьев, да, моих человеческих братьев на этой планете. По отношению к ним я чувствовал себя как бы дезертиром. Но выхода не оставалось: я должен был прежде всего спасать моего сына и Нову. Но я еще вернусь! Да, я вернусь, поклялся я перед самим собой, вспомнив пленников в клетках, я вернусь позднее, когда все козыри будут у меня на руках!

От волнения я забылся и произнес последние слова во весь голос.

Корнелий улыбнулся.

— Через пять-шесть лет вашего личного времени,

смелый космонавт, — сказал он, — но только через тысячу с лишним лет нашего локального времени домоседов. Не забывайте, мы ведь тоже разработали теорию относительности. И в связи с этим... короче: я обсуждал этот вопрос с моими друзьями-шимпанзе, и мы решились рискнуть.

Вскоре мы простились, договорившись встретиться на следующий день. Зира вышла первой. Задержавшись на минуту, я воспользовался случаем, чтобы горячо поблагодарить Корнелия. Но про себя я думал: почему он делает все это для меня? Словно прочитав мои мысли, Корнелий ответил:

— Благодарите не меня, а Зиру. Это ей вы обязаны жизнью. Если бы не она, не знаю, стал бы я рисковать столь многим и подвергаться стольким неприятностям. Но попробуй я стать хотя бы невольным соучастником убийства, Зира не простила бы меня никогда... А кроме того...

Корнелий замаялся. Убедившись, что Зира ждет в коридоре, откуда ей ничего не слышно, он наклонился ко мне и проговорил очень быстро и тихо:

— А кроме того, и для нее и для меня будет лучше, если вы как можно скорее исчезнете с нашей планеты.

Корнелий прикрыл за мной дверь. Мы остались с Зирой одни. Сделав рядом с ней несколько шагов по коридору, я прошептал:

— Зиру!

Я остановился и привлек ее к себе. Она была взволнована не меньше меня и вся дрожала. Слезы катились по ее мордочке, пока мы стояли, тесно обнявшись. О господи, какое мне было дело до этой ужасной телесной оболочки! В тот миг душа моя сливалась с ее душой. Я закрыл глаза, чтобы не видеть ее карикатурного лица, которое от волнения стало еще уродливее. Я чувствовал, как ее нежное тело дрожа прижалось ко мне. Почти не насилуя себя, я прижался к ее щеке. Но в то мгновение, когда мы уже готовы были поцеловаться, как двое влюбленных, Зира вдруг инстинктивно отпрянула и оттолкнула меня изо всех сил.

Ошеломленный, я стоял, не зная, что делать дальше, а она, эта безобразная самка-шимпанзе, спрятала свою морщинистую морду в длинные волосатые лапы и с отчаяньем, задыхаясь от слез, объявила мне:

— Дорогой мой, родной, это невозможно! Прости меня, я не могу. Право же, ты слишком уродлив!

так, свершилось! Я снова в космосе, на борту нашего звездолета, который, словно комета, мчит-ся по направлению к солнечной

ГЛАВА 11

системе со все возрастающей скоростью. И я на борту не один. Со мною Нова и Сириус, плод нашей межзвездной любви; он умеет уже говорить «папа», «мама» и кучу других слов. Кроме того, у нас на корабле пара кур, пара кроликов и зерна всевозможных злаков — все, что ученые Сороры поместили в спутник, чтобы изучить влияние космических лучей на различные организмы и растения. Все это нам пригодится.

План Корнелия удалось осуществить без сучка, без задоринки. Мы заменили тройку подопытных так, что никто ничего не заметил. Женщина заняла место Новы в институте, ребенок будет передан Зайусу. Ученый орангутанг быстро докажет, что ребенок не способен говорить, а следовательно, является обыкновенным животным. Может быть, после этого меня перестанут считать опасным и оставят в живых мужчину, который заменил меня и который тоже, разумеется, не в состоянии произнести ни слова. Вероятно, никто вообще не заподозрит подмены. Орангутанги, как я уже упоминал, не могут отличить одного человека от другого. Зайус будет торжествовать. Корнелия, возможно, ожидают кое-какие неприятности, но все это скоро забудется... Да что я говорю — скоро! Все уже давным-давно забыто, ибо за несколько месяцев, что мы летим в космосе, там, на Сороре, прошли века и века! Даже мои воспоминания и те бледнеют и меркнут по мере того, как ширится разделяющая нас пропасть про-

странства — времени и сверхгигантское светило Бетельгейзе уходит от нас все дальше и дальше. Чудовищная звезда сначала стала похожей на мяч, потом — на апельсин и, наконец, превратилась в одну из сверкающих точек на небосводе. Так и с моими воспоминаниями о Сороре.

Надо быть сумасшедшим, чтобы терзаться угрызениями совести. Мне удалось спасти самых дорогих и близких мне существ. О чем мне сожалеть? Что у меня там осталось? Зира? Да, Зира. Но чувство, возникшее между нами, не имеет даже названия ни на Сороре, ни на Земле — нигде в космосе. Разлука была неизбежной. Должно быть, Зира скоро обрела покой, выйдя замуж за Корнелия и воспитывая детенышей-шимпанзе. Профессор Антель? Ко всем чертям профессора! Я ничего больше не мог для него сделать, а он, по-видимому, нашел вполне удовлетворительное решение проблемы счастья. Но сам я порой содрогаюсь от мысли, что, не будь Зиры, в тех же условиях я мог бы сам деградировать и пасть так же низко.

Стыковка спутника со звездолетом прошла благополучно. Маневрируя дополнительными ракетами, мне удалось постепенно приблизиться к нашему кораблю и ввести спутник в ангар, оставленный открытым, чтобы туда мог вернуться космический катер. После этого автоматические устройства закрыли ангар, изолировав нас от космоса. Мы были на борту звездолета. Приборы действовали отлично, и электронный вычислитель сам рассчитал все операции отлета. А на Сороре наши друзья объявили, что спутник не вышел на заданную орбиту и его пришлось взорвать.

* * *

Мы летим уже больше года по нашему локальному времени. Звездолет достиг скорости света — в бесконечно малом приближении, — преодолел за несколько часов огромное расстояние, и теперь начался период торможения, который будет длиться еще один год. Мы живем маленьким изолированным мирком. Я не устаю восхищаться моей славной семьей.

Нова прекрасно переносит путешествие. Она становится все более и более разумной. Материнство произвело с ней чудесное превращение. С блаженной улыбкой она часами любит своего сына, который оказался гораздо более удачливым педагогом, чем я. Слова, которые он произносит, Нова повторяет почти без ошибок. Со мною она еще говорить не может, однако мы выработали систему жестов, позволяющую нам понимать друг друга. Мне кажется, что я знал Нову и жил с ней всю мою жизнь. Что касается Сириуса, то это жемчужина мироздания. Ему уже полтора года. Несмотря на повышенную тяжесть, он разгуливает по кораблю и без конца болтает. Мне не терпится показать его людям Земли.

Сегодня утром я испытал необычайное волнение, заметив, что Солнце стало приобретать ощутимые размеры. Теперь мы его видим, как бильярдный шар, который постепенно окрашивается в желтый цвет. Я показал его Сириусу и Нове. Я объяснил им, что это светило их нового мира, и они меня поняли. Сириус уже бегло разговаривает, и Нова от него почти не отстает. Она научилась говорить одновременно со своим сыном. О чудо материнства, чудо, творцом которого стал я! У меня не было возможности пробудить всех людей Сороры от животной апатии, однако опыт с Новой удался блестяще.

Солнце увеличивается с каждым часом. Я уже пытаюсь разглядеть в телескоп планеты. Здесь все мне знакомо, и я легко ориентируюсь. Вот Юпитер, Сатурн, Марс... а вот и Земля. Земля!!!

Слезы льются у меня из глаз. Нужно более года прожить на планете обезьян, чтобы понять мои чувства... Я знаю, на Земле прошло семьсот с лишним лет, и я не найду там ни родных, ни друзей, но я жажду увидеть, наконец, настоящих людей.

Припав к иллюминаторам, мы смотрим на приближающуюся Землю. Уже можно различить материки невооруженным глазом. Корабль выходит на постоянную орбиту.

Теперь мы возвращаемся вокруг моей старой родной планеты. Я вижу, как под нами проплывают Австралия, Америка, Европа... и, наконец, Франция. Мы обнимаемся со слезами радости.

Мы усаживаемся во второй космический катер и покидаем корабль. Все расчеты были сделаны заранее, чтобы мы могли приземлиться на моей родине. Надеюсь, мы сядем где-нибудь близ Парижа.

Мы вошли в атмосферу. Вступают в действие тормозящие ракеты. Нова смотрит на меня с улыбкой. Она давно уже научилась улыбаться и... плакать. Мой сын с сияющими от восторга глазами протягивает ручонки к иллюминатору. Под нами Париж. Даже Эйфелева башня по-прежнему стоит на старом месте.

Я перешел на ручное управление, чтобы приземлиться как можно точнее. О чудо техники! После семи столетий отсутствия мне удастся сесть на аэродроме Орли, правда, на самом краю поля, довольно далеко от здания аэропорта. Но меня не могли не заметить, и нам остается лишь подождать. Я бы не сказал, чтобы здесь было оживленное воздушное движение: может быть, аэродром закрыт? Впрочем, нет, вон стоит один самолет. Господи, до чего же он похож на летательные аппараты моего времени!

От зданий аэропорта отделилась автомашина и мчится по направлению к нам. Я полностью выключаю двигатели. Меня лихорадит от нетерпения. Если бы мои земные братья знали, какую историю я им расскажу! Наверное, сначала мне не поверят, но у меня есть доказательства. У меня есть Нова и мой сын Сириус.

Машина вырастает на глазах. Это закрытый фургончик довольно старой модели: четыре колеса, мотор явно внутреннего сгорания. Все эти подробности я отмечаю чисто машинально. Мне казалось, что такие автомобили должны были сохраниться лишь в качестве музейных экспонатов.

По чести говоря, я к тому же надеялся на более торжественный прием. Немного же народу явилось нас встречать! В машине, кажется, всего два человека.

Э, да я, видно, поглупел: откуда им было знать о нашем прибытии? Но когда они узнают!..

Да, встречающих только двое. Я различаю их очень плохо, потому что заходящее солнце отсвечивает от стекол машины, к тому же стекла грязные. На переднем сиденье шофер и пассажир. На пассажире военная форма. Это офицер — я уловил золотой отблеск его погон. Несомненно, сам комендант аэропорта. Остальные, наверное, явятся за ним.

Фургончик остановился метрах в пятидесяти от нас. Я беру сына на руки и выхожу из нашего космического катера. Нова с некоторой опаской следует за нами. У нее испуганный вид. Но это пройдет, и очень скоро.

Шофер вышел из машины, но встал ко мне спиной. Высокая трава на полосе, отделяющей нас от машины, наполовину скрывает его от меня. Но вот он открывает дверцу, чтобы выпустить пассажира. Да, я не ошибся, это офицер, по крайней мере майор: я вижу блеск его многочисленных нашивок. Вот он соскакивает на землю. Вот он делает несколько шагов нам навстречу, выходит из высокой травы и предстает перед нами во весь рост. С диким воплем Нова вырывает у меня из рук сына и мгновенно скрывается с ним в космическом катере, а я стою, словно пригвожденный, и не могу шевельнуться, не могу выговорить ни слова.

Передо мною... горилла.

Филлис и Джинн одновременно под-
няли склоненные над рукописью
головы и долго в молчании смот-
рели друг на друга.

ГЛАВА 12

— Потрясающая мистификация! — проговорил, наконец, Джинн, пытаясь беспечно рассмеяться.

Но Филлис оставалась в задумчивости. Некоторые отрывки странного рассказа взволновали ее — она уловила в них искренние нотки. Об этом она и сообщила своему другу. Но он возразил:

— Это доказывает лишь одно: поэты есть повсюду, во всех уголках вселенной. И шутники тоже.

Филлис снова задумалась. Возражение не казалось ей убедительным. И все же она была вынуждена, вздохнув, согласиться:

— Ты прав, Джинн. Я тоже так думаю. Разумные люди? Люди, наделенные мудростью? Люди, обладающие душой, умеющие мыслить? Нет, это невозможно: тут автор перешел все границы. А жаль, право, жаль!

— Совершенно с тобой согласен, — откликнулся Джинн. — Однако нам пора возвращаться.

Он полностью распустил парус, подставив всю его поверхность световым потокам трех солнц. Затем он начал передвигать многочисленные рычажки управления, ловко пользуясь всеми четырьмя руками, а Филлис энергично потрясла волосатыми ушами, чтобы отогнать последнюю тень сомнения, вынула пудреницу и, поскольку порт был уже близок, легкой розовой пуховкой припудрила свою очаровательную мордочку самки-шимпанзе.

Ч У Д О

Аббат Монтуар был ревностным священником, ученым теологом и проповедником, красноречие которого, принимая богатые и разнообразные формы, трогало сердца простых людей и вызывало на глубокие размышления просвещенные умы.

Он много времени посвятил изучению естественных и философских наук. Он интересовался всевозможными исследованиями и знал все последние достижения человеческого разума. Он извлекал из них неожиданные и поразительные доводы, верность и оригинальность которых привлекали внимание избранного круга ученых. Некоторые неверующие знаменитости были даже пленены логикой его мысли и регулярно посещали проповеди. Тонкость его рассуждений не вредила ему в глазах простых людей, так как он умел изложить учение в форме, доступной их пониманию: когда его критический ум анализировал наиболее сложные современные теории, доказывая, что все они ведут к укреплению истинной религии, он обращался к верующей массе; он вызывал в памяти этих людей простые, иногда наивные образы и передавал им пламя своей веры словом доходчивым и волнующим.

Он пользовался всеобщим уважением, и церковные власти видели в нем будущее светило. Несмотря на проявляемую к нему благосклонность, он всегда держался просто, вел скромное существование, и, пока его не призвали на пост, более соответствующий его заслугам, он совершал богослужения в маленькой церкви, где его проповеди привлекали многочисленных слушателей.

В этот день аббат поднялся на кафедру, моля господа даровать ему красноречие, которое трогает души. Появившись на помосте, он несколько мгновений собирался с мыслями, затем осенил себя крестом и начал проповедь.

— Братья мои, — сказал он, — сегодня я хочу рассказать вам о чуде, этом удивительном и необычайном проявлении бесконечного могущества господина, который удостоивает иногда открыть перед нашим грубым сознанием свое присутствие в материальном мире.

Я покажу вам в связи с этим ложность взгляда, распространенного в прошлом веке и пропагандируемого некоторыми еще сегодня, хотя он был отвергнут всеми истинными учеными: я хочу рассказать о так называемом конфликте между религией и наукой, между верой и разумом. Никогда еще не было более глубокого заблуждения, чем это противопоставление одного другому.

Мы, верующие, чувствуем реальность и даже необходимость чуда. Я говорю *«реальность»*, так как было бы нелепо ставить под сомнение бесчисленные свидетельства о чудесах, исходящие из различнейших источников, — как самые ученые толкования, так и самые наивные заявления. Я осмеливаюсь добавить *«необходимость»*, так как мы не можем представить себе, чтобы бог в своем милосердии не являл бы нам иногда знак, доступный нашему пониманию, преодолевая этим пропасть, разделяющую его совершенство от нашей недостойности.

Но я хочу, братья мои, обратиться сегодня к тем, кто не вполне постиг божью благодать и чей разум требует доводов. Ну что ж! Даже наиболее требовательным из них наука, истинная наука, никогда не находящаяся в противоречии с религией, дает сегодня исключительные основания верить в чудо и бросает ослепительный свет на его глубокий смысл.

Он сделал паузу, опустив взгляд на ближайшие к кафедре ряды. Он увидел там доктора Фэвра, видного ученого, одного из своих товарищей по коллежу. Аббат Монтуар сохранил с ним дружеские отношения, несмотря на то, что доктор был неверующим и не скрывал

этого. Они часто вели долгие споры, после которых доктор, уважавший всякие убеждения, отдавал должное мудрости и проницательности священника, не расставаясь, однако, со своим скептицизмом.

Доктор Фэвр пришел, как он это иногда делал, послушать своего друга. Он внимательно слушал. Их взгляды встретились, и аббат Монтуар продолжал, возвысив голос:

— Великие естественные законы! Братья мои, мы знали эпоху, когда люди в своей гордыне думали, что они абсолютно и окончательно возвели в закон некоторые явления, которые поражают наше несовершенное сознание, и хотели видеть в этих механических правилах крайнее выражение всякой реальности. Послушайте, что в прошлом веке сказал Лаплас: «Разум, который в какой-то определенный момент познал бы все силы, движущие природой, и взаимоположение существ, составляющих ее, — если бы даже он был достаточно широк, чтобы подвергнуть эти данные анализу, — охватил бы в единой формуле закон развития как самых крупных тел вселенной, так и мельчайших атомов; ничто не осталось бы неясным для него, и Будущее предстало бы, как и Прошедшее, перед его взором».

Вольнодумцы отказывались тогда признать возможность хоть одного исключения из того строгого порядка, который они начинали познавать. Они упивались их новым открытием: «природу» и эти законы, которые должны были бы раскрыть им божественное величие, они считали подвластными самим себе. Тот, кто еще признавал бога, оскорблял его, ограничивая его могущество.

Братья мои, надо было вернуться к смирению, как более соответствующему нашему положению. Наука наиболее материалистическая, та, что обращается все время к фактам и опыту, вынуждена признать сегодня свое бессилие: она не может все понять и все объяснить. Я хочу вам прочесть сейчас отрывок из книги, написанной одним из наших великих физиков: «Рамки, столь жесткие, столь прочные на вид, которые держали науку в течение пятидесяти лет, оказались слишком

узкими, чтобы охватить все явления... нужно отказаться, и возможно навсегда, от выдумывания скрытых пружин, которые якобы управляют вселенной... Эти воображаемые механизмы, в сущности несколько ребяческие, все разбиты...»

Вы видите, мы очень далеки от детерминизма Лапласа! Но вернемся к чуду, коим мы занимаемся сегодня. Современная наука была вынуждена признать возможность исключений из законов, считавшихся неизблемыми. Тот, кто глубоко проник в сущность бытия, больше не осмеливается утверждать, что такая-то причина при таких-то обстоятельствах непременно произведет определенный эффект. Они говорят теперь только об очень больших вероятностях. Они заметили, заглянув поглубже, что эти законы по своей сути несколько не противоречат чудесным проявлениям. Они признали, что нет ничего ни в самом существе воды, ни в законах, управляющих ее молекулами, что мешало бы ее превращению в другую жидкость или препятствовало бы убыванию морских приливов. Явления такого рода хоть и очень невероятны, но возможны.

Поймите же меня, братья. Эта невероятность огромна. Она головокружительна. Я совсем не хочу ее преуменьшать. Наоборот, я столько же настаиваю на «возможности», доказывающей предвидение и мудрость бога, сколько и на «чрезвычайно исключительном» характере подобных явлений, который заставляет сиять его величие, когда он их вызывает. Несомненно, наш создатель хотел подчинить природу гармоническим законам, и какое-либо отклонение от их ритма требует — мы это чувствуем и знаем — стечения столь необычайных обстоятельств, что оно не может произойти без внешней воли и толчка. Наши математики доказали, что материя, предоставленная одним только силам случайности, имела бы вероятность испытать подобное отклонение лишь на такой период, продолжительность которого нас пугает, будучи вне всяких пропорций, предусмотренных для нашей вселенной. Это исключение, соответствующее, однако, сверхчеловеческим масштабам, бог оставил для себя, чтобы иногда демонстрировать его. Это чудо...

Священник продолжал развивать эту тему, которая, он знал, способна заинтересовать людей определенного склада ума, в особенности его друга, доктора Фэвра, не спускавшего с него глаз. Он закончил эту первую часть своей проповеди, напомнив о тайне жизни и призвав верующих подумать о ее характере неизменного чуда.

— Как не верить в чудо, братья мои, когда мы имеем перед собой живые существа, это яркое проявление божественного всемогущества! Любая из их клеточек представляет удивительное чудо, величественное сооружение, каждый камень которого цементирован одним из этих необычайных отклонений от законов материи и случайности...

Затем он построил речь так, чтобы она была понятна простому народу, напомнил несколько самых прославленных чудес и закончил проповедь, превознося добродетели избранников, отмеченных богом для свершения чудес.

— Преклонимся, братья мои, пред его мудростью и высочайшим беспристрастием. Он не придает значения мирским различиям. Самое высокое качество души, в его глазах, — это вера. В молитве он ценит лишь ее искренность. Она может тронуть его, будь то молитва ученого апостола или смиренной крестьянки.

Счастливы те, чья вера не может стать сильнее от доказательств, так как бог даровал им способность интуитивного познания! Счастливы просто верующие! Они знают, еще до того как поняли, что господь все может, так как он бог. И часто одного из них он наделяет частичей своей власти для свершения чуда. Да будет так.

Аббат Монтуар сошел с кафедры, сопровождаемый шепотом покоренной аудитории. После службы доктор Фэвр пришел к нему в ризницу и поздравил с проповедью.

— Я убедил тебя? — спросил священник.

— Я думаю, тебе это удалось бы, если бы меня можно было убедить словами. Увы! Я никогда еще не видел чуда.

Несколько дней спустя в церкви, после полудня, священник слушал исповеди многочисленных кающихся, жаждавших получить отпущение грехов. Он кончил поздно, произнес короткую молитву и после того, как ушли последние верующие, направился в ризницу.

— Господин аббат!

Он остановился и увидел возле прохода в ризницу женщину, на вид простого звания. Все это время она ожидала его, не в силах победить свою робость, пока не увидела, что он уходит.

— Господин аббат! Умоляю вас!

Тронутый этим патетическим тоном, он подошел к ней. Женщина дрожащей рукой протянула ему письмо и едва слышно произнесла:

— Это вам, господин аббат, от доктора Фэвра.

— От доктора Фэвра?

Она была так взволнована, что не могла ответить ни слова. Опустив глаза, она нервно перебирала концы своей шали. Аббат Монтуар заговорил с ней голосом, полным доброты:

— Я не могу читать здесь. В церкви слишком темно. Пройдемте со мной.

Он хотел пропустить ее вперед. Она запротестовала и сделала какой-то жест. Тогда он заметил, что она была не одна. В полутьме вырисовывался чей-то силуэт.

— Это мой сын, — тихо сказала она.

— Пройдите вдвоем, — сказал заинтересованный священник.

Она направилась к сыну, который стоял неподвижно, словно врос в стену. Он не сделал ни одного движения, пока она не взяла его за руку. Аббат Монтуар увидел, что тот ходит на ощупь, с палкой. Он помог им войти в ризницу и, ни о чем не спрашивая, подошел к свету, чтобы прочесть письмо.

«Мой дорогой друг!

Не думай, что в моей просьбе есть хоть малейшее желание бросить тебе вызов. Ты меня знаешь достаточно, чтобы быть уверенным, что я серьезно отношусь к серьезным вещам, и одному лишь богу известно, серьезно ли то, о чем я хочу тебе сказать! Я сделал

все возможное, чтобы отговорить тетюшку Курталь пойти к тебе. Кончилось тем, что я, наконец, уступил ее просьбам и дал ей это рекомендательное письмо. Она уже много лет ведет хозяйство в нашей семье и заслуживает, чтобы ей помогли в ее несчастье.

Она хочет во что бы то ни стало привести к тебе своего сына Жана, двадцатичетырехлетнего парня, ослепшего на фронте. Моя наука не в силах ничего сделать для него: он неизлечим. Его мать знает тебя давно. Она ходит на все твои проповеди. Послушав последнюю, она вообразила, что ты можешь вылечить ее сына, и хочет попросить тебя умолить бога совершить чудо. Я едва осмеливаюсь передать тебе ее просьбу. Не осуждай меня и сделай все возможное, чтобы она вняла доводам рассудка, не приходя в отчаяние; что касается меня, то я отказался от этого. Нет ни малейшей вероятности излечения. Кроме того, ранение повлияло на его рассудок. Это лишенный разума бедняга, который живет только благодаря любви и заботе своей матери. Я еще раз прошу, извини меня».

Аббат Монтуар был растерян и недоумевал. Умоляющий взгляд женщины тревожно вопрошал его. Слепой, стоявший одеревенело и неподвижно, казалось, ничего не чувствовал. Так как священник в нерешительности молчал, женщина бросилась к его ногам:

— Умоляю вас, господин аббат. Я знаю, что не должна просить вас об этом, но лишь вы один можете что-то сделать для него. Доктор говорит, что это невозможно, но врачи часто ошибаются. Я знаю: бог вас услышит. У меня не было больше надежды, но после того, как я послушала, что вы говорили о чуде и как хорошо рассказали, что бог все может, надежда вернулась ко мне. Я словно свет увидела. Я почувствовала, что господь может вылечить моего сына и что вы один способны как следует попросить его об этом. Раньше мне говорили, что он творит чудеса, но никто еще не дал мне понять это, кроме вас. Господин аббат, простите мне мою смелость, но нужно, чтобы вы вместо меня обратились к господу с молитвой, ведь я не умею; нужно, чтобы вы попросили его вернуть зрение моему сыну!..

— О бедная женщина, — проговорил взволнованный священник.

Он не знал, что сказать. Он был потрясен этой трогательной верой. Он пробормотал жалкие слова утешения:

— Дочь моя, это страшное несчастье для вашего сына и для вас. Господь послал вам тяжелое испытание. Но кто знает, не хранит ли он самые большие благодеяния для того, кого так жестоко поразил? Я обещаю вам молиться за вашего сына, но — увы! — я не обладаю чудодейственной силой. Я всего лишь простой смертный, как и вы...

— Я на коленях умоляю вас, господин аббат. Я уверена, что, если вы по-настоящему захотите, бог услышит вас. Мне сказали, что вы обратили в веру многих неверующих ученых, потому что вы знаете слова, которые трогают душу. Я чувствую, что вы можете сделать чудо. Те, кто вылечивал калек, не знали сначала, что это в их власти: вы это сами сказали, господин аббат.

Он заставил ее встать. Он не знал, что ей ответить. Обычно так легко находивший слова, священник упрекал теперь себя за недостаток доводов. Он мучительно вопрошал свой разум.

«В самом деле, — думал он, — божьи избранники не подозревали о своем даре до тех пор, пока он не открывался в них. Имею ли я право не попытаться?.. Но как можно так думать! Я говорю вздор... И такой безнадежный случай! Фэвр утверждает, что нет никакой надежды на выздоровление... С другой стороны, как можно оттолкнуть ее просьбу? Как могу я, ничего не попытавшись, обескуражить эту веру, столь наивную и возвышенную, я, призывавший верить в бесконечное милосердие? Она обвинит меня в лицемерии и навсегда отвернется от религии и ее служителей».

Наконец он принял решение.

— Дочь моя, — сказал он, — я буду молить господа смилостивиться над несчастьем вашего сына, но при одном условии. Я не могу скрывать от вас, что чудо — явление чрезвычайно редкое. Вероятность его свершения ничтожна...

Его речь еще носила отпечаток той изощренности и тонкости языка, какой отличалась его проповедь. Он клял себя за то, что не мог найти в этот момент более простых слов.

— Бог допустил, чтобы ваш сын ослеп. Как во всех его действиях, здесь есть причина, которой нам не постичь. Я попрошу его вернуть ему зрение, но вы должны обещать мне, что, если он не внемлет моей мольбе — а это, увы, вполне вероятно ввиду моей недостойности, — вы должны обещать мне не предаваться отчаянию и не таить в сердце никакой обиды. Пути господа неисповедимы, и не нам, смертным, судить его.

Женщина поблагодарила его и пообещала. Ей было ясно одно — он согласился, и она стала настаивать с внезапной страстностью:

— Сейчас же, господин аббат, нужно молиться сейчас же. И в церкви, у подножия алтаря. Я уверена, что так будет лучше.

Она преобразилась. Вера придавала ей такую власть, перед которой священник чувствовал себя беспомощным. Она подавляла его; он согласился и тут же раскаялся, охваченный стыдом, словно принимал участие в какой-то преступной комедии. Но женщина уже взяла сына за руку и тащила его. Тот подчинялся как автомат.

Она заставила его опуститься на колени перед алтарем, отошла на несколько шагов и стала неподвижно, молитвенно сложив руки. Аббат Монтуар почувствовал, как его душа разрывается от горечи сострадания и сомнений.

«Несчастная! — думал он. — Какой жестокий обман, какое ужасное разочарование ожидают ее! Бог мне судья! Он один скажет, грех ли я совершаю или благодеяние».

Он тоже стал на колени, закрыл лицо руками, попросил еще раз господу простить его за эту дерзость и начал тихо молиться:

— Ты, кому ни одно существо не безразлично. Ты, для которого нет ничего невозможного. Ты, который можешь воскресить мертвого и лишить жизни живого, смилуйся над несчастным. Я едва осмеливаюсь

просить тебя на коленях: вылечить этого калеку. Я знаю, что недостойн просить об этой милости, но молю тебя, если ты хочешь, прояви твое всемогущество и милосердие.

Он долго стоял на коленях, его губы без конца повторяли одни и те же слова. Слепой, находившийся рядом, не сделал ни одного движения. Позади женщина не спускала с них мучительно-тревожного взгляда. Наконец священник скорбно, с тяжелым чувством поднялся. Женщина не двигалась. Она ожидала от него чего-то еще.

— Нужно, — сказала она, дрожа, — чтобы вы дотронулись до его век и громко что-нибудь сказали, обращаясь к нему, как это делал Христос.

Аббат Монтуар почувствовал, что слабеет. Волна отчаяния захлестнула его: он проклинал себя за то, что должен был еще раз уступить ей. Он не мог уже отступать. У него больше не было для этого ни сил, ни мужества. Он изопьет эту чашу до дна. Он доведет свою молитву до святотатства. Еще раз обвинив себя в крайней самонадеянности, он возложил руки на неподвижные веки.

— Господь, я прошу тебя как о необычайной милости: вылечить этого несчастного.

И он громко сказал слепому:

— Прозри!

Его душу терзали угрызения совести. Его скорбь превзошла человеческую. Он отвернулся, чтобы скрыть рыдания.

И тут внезапно в глазах калеки вспыхнул огонь. Пламя жизни преобразило вдруг его одеревенелое лицо. Он поднес к нему руки, затем опустил их, громко крикнув:

— Свет!

Потом он медленно направился к свечам, которые слабо освещали внутренность церкви.

Если бы молния поразила аббата Монтуара, он не был бы в столь глубоком оцепенении. Он стоял окаменев, не в состоянии ни говорить, ни дышать, ни чувствовать. Женщина, мертвенно-бледная, дрожала, держась за стол причастия. Она издала стон, когда сын

повернулся и зашагал к ней. Вместе со зрением к нему вернулся и рассудок. У нее хватило, наконец, сил протянуть к нему руки, и они обнялись, рыдая.

— Я это знала, — бормотала она, — я знала, что бог вас услышит. Господин аббат, будьте благословенны среди самых великих святых!.. Какое счастье! Я поставлю свечи... Я буду ходить на все мессы, я совершу паломничество... Ты видишь, Жан, ты видишь! Благодарю, о, благодарю же господина аббата, которому ты обязан этим чудом! Как сможем мы доказать нашу признательность?.. Вот все мои деньги для ваших бедных. Я дам вам еще...

От радости она словно потеряла голову. Аббат Монтуар еле слышно произнес:

— Это не меня надо благодарить, а Его. Лишь Он все может.

— Господи! Неблагодарная, я еще не стала перед Ним на колени!

Она пала ниц у алтаря, касаясь лбом пола.

— Да, на колени, — снова проговорил священник с отсутствующим видом.

Казалось, он не вполне пришел в себя. Он созерцал ее, распростертую на полу, так, словно не имел никакого отношения к происходящему.

— На колени, — повторил он без всякой интонации.

Затем, придя в себя:

— Мы тоже, сын мой, станем на колени и возблагодарим господа за эту необычайную милость.

Они оставались на холодном мраморе в течение долгих минут. Мать и сын страстно молились. Священник пытался отогнать одолевавшие его противоречивые чувства, чтобы оставалось место лишь для чувства благодарности. Ему было мучительно трудно сосредоточиться даже для простой благодарственной молитвы. Наконец он встал. Женщина последовала его примеру. Ее сын смотрел вокруг, ослепленный светом. Мать, казалось, немного успокоилась. Они молчали минуту, затем аббат Монтуар спросил с тревогой:

— А вы уверены, что до этого он не видел?

— Уверена ли я! Я достаточно много плакала

и проклинала наше несчастье. Я сходила с ума от него! Я не сказала вам, господин аббат, но я была готова обратиться к дьяволу. Я ходила к знахарям. Я не могу передать вам, чего я только не испробовала... Какой же глупой я была, что не доверилась Ему, Ему, который может все, как вы это говорили на кафедре, господин аббат!

— Да, все, абсолютно все, как я говорил это на кафедре, — повторил он машинально. — Но скажите мне точно: что говорил доктор Фэвр?

— Теперь я могу вам признаться. У него не было никакой надежды. Он дал мне это понять не сразу, потому что он добрый человек. Я не помню его объяснений. Он говорил про сожженные ткани, про... о! все это кончено теперь. Он будет очень удивлен, когда увидит моего сына. Это вы оказались правы, господин аббат, вы, а не врачи. Я еще помню ваши слова. Вы говорили, ученые не могут сегодня больше утверждать, что чудо невозможно.

— Да, — повторил аббат тем же отсутствующим голосом, — это я оказался прав.

Она неотступно, с изумлением, к которому внезапно присоединилось беспокойство, следила за живым теперь взглядом сына.

— Ты хорошо видишь, Жан? Как раньше? Скажи, что ты видишь?

— Да, — с неожиданной горячностью воскликнул священник, словно внезапно проснувшись, — расскажи нам, что ты видишь, расскажи, что ты чувствуешь! Скажи мне, что ты чувствовал, когда я положил руки на твои веки, в самый момент свершения чуда.

— Я вижу свет, — сказал молодой человек, — как раньше. Я почувствовал какой-то толчок, и у меня было ощущение, будто я проснулся после долгого сна. Я не могу объяснить лучше. До этого все было черно, и внутри и снаружи. А это было как поток света у меня перед глазами и во мне.

— Боже мой, я считаю это чудом, — пробормотал священник, снова впавший в задумчивость. — Добрая женщина, вам нужно скорее отправиться к доктору Фэвру, чтобы он обследовал вашего сына.

— Мы пойдем к нему сейчас же, господин аббат.

«Я тоже пойду к нему, — подумал священник. — Я должен знать его откровенное мнение. Он выскажет его мне. Это объективный ученый и хороший советчик. Он скажет мне, как нужно расценивать столь необычайное событие».

Аббат Монтуар не знал, что еще сказать. Он испытывал головокружение и желал ухода своих посетителей, признательность которых смущала его. Им овладело властное желание обдумать происшедшее.

Наконец мать и сын ушли. Оставшись один, в тишине, у подножия алтаря, он попытался сосредоточиться. Он не мог преодолеть душевной тревоги, которая, он чувствовал, росла в нем и мешала его молитве. Он вскоре вышел из церкви, погруженный в мысли, инстинктивно, почти с отвращением отстранившись от калек, который сидел на своем месте около входа и с мольбой протягивал к нему руку.

Аббат Монтуар провел лихорадочную и беспокойную ночь, перебирая в уме все подробности события. К утру, не найдя облегчения, он решил прежде всего пойти рассказать о своей тревоге настоятелю.

Архиепископ принял его, как только он пришел, с явно выраженной благожелательностью.

— Мы были восхищены, — сказал он, — узнав, что ваша последняя проповедь вызвала достойный примера отклик не только среди верующих, но и среди людей, которые обычно мало интересуются нашими усилиями. Я рад передать вам мои искренние поздравления.

— Ваше высокопреосвященство, не смотрите на меня как на проповедника, явившегося слушать похвалы своим малым заслугам. Я пришел, чтобы смиренно поведать вам о сверхъестественном событии, которое произошло вчера вечером в моей церкви, и рассказать о той глубокой тревоге, в которую оно меня повергло!

— Сверхъестественное событие, сын мой? — спросил архиепископ, поднимая на него глаза.

— По крайней мере все, кажется, говорит об этом, монсеньер. Оно меня настолько потрясло, что я боль-

ше не знаю точно, как его расценивать. И я не осмеливаюсь это делать из опасения совершить грех гордыни или недостатка веры.

Он казался жертвой искреннего волнения. Архиепископ смотрел на него с любопытством.

— Сын мой, — сказал он, — самые мудрые умы терпят иногда временные поражения. Поведайте мне причину вашего волнения, и с божьей помощью мы найдем средство против него.

— Вот, ваше высокопреосвященство: несколько дней назад я, как вы уже знаете, читал проповедь о чуде, как одной из статей нашей веры. Я старался, как мог, убедить неверующих и колеблющихся. Вчера после исповедей ко мне подошла женщина со слепым сыном. Она стала умолять меня испросить у господа чуда — исцелить ее сына. Я не решался. Я видел в этом зло, кощунственное искушение господа. Но в конце концов против своего желания я согласился — из жалости. При виде ее слез я осмелился даже возложить руки на глаза калеки. И тут же раскаялся в этом, как в грехе гордыни. О ваше высокопреосвященство! Лишь только я прикоснулся пальцами к его векам, произошло чудо. Слепой увидел свет! Он видит. Его мать и он преисполнены благодарности, а я... я не знаю, что думать. Я пришел просить у вас совета.

Архиепископ смотрел на него с возраставшим удивлением и долго думал, прежде чем заговорить.

— Сын мой, — сказал он наконец, — если бы мне рассказал об этом кто-нибудь другой, а не вы, чья осторожность и скромность мне известны, не скрою, у меня было бы большое сомнение. Вы знаете, что знаки такого рода редки; это и придает им столь великую ценность. Церковь требует самых серьезных доказательств и обилия проверенных свидетельств, прежде чем дать оценку такому событию. Разумеется, господь может вызвать сверхъестественное явление. Нужно лишь знать, когда он это хочет и не будет ли искушением его просить оказать знак своей милости в каком-то частном случае.

— Монсеньер, это как раз то, о чем я говорил себе перед тем, как обратиться к нему с молитвой...

— Кроме того, — продолжал прелат, — и мне нечего прибавить по этому поводу такому ученому, как вы, — случаи заблуждений бесчисленны. Иногда самые мощные умы оказываются в плену видимости.

— То же самое я твержу себе со вчерашнего дня, монсеньер. Но эту женщину ко мне направил мой друг, доктор Фэвр, один из самых знаменитых врачей нашего времени. Он категорически заявил, что больной не может быть вылечен... Да и как сомневаться, если чудо произошло рядом со мной, под моими руками, без чьего-либо вмешательства?!

— Я повторяю, сын мой, — властным голосом снова заговорил архиепископ. — Чудо — это явление поистине исключительное. В этом вопросе мы, служители церкви, обязаны проявлять беспощадный критический подход, быть может более, чем другие. Не забывайте, что враги религии, и ваши и мои, всегда подстерегают нас в наших возможных заблуждениях, чтобы использовать их против нас. Их приемы многочисленны. Прежде всего следует иметь в виду обман...

— Это было моей первой мыслью, — признался священник, — но она показалась мне невероятной в данном случае.

— Тогда отклоним ее. Остаются другие. Крупный ученый, сказали вы, осудил несчастного на вечную слепоту? Вы сами знаете, что наука не непогрешима. Вполне возможно, даже вероятно, — и это самое разумное мнение, какое я мог бы высказать, — что он ошибся в диагнозе, приняв временное заболевание за неизлечимый недуг. Разве анналы науки не являют нам многочисленные примеры подобных заблуждений? В этом случае не было бы необходимости призывать чрезвычайное вмешательство нашего всемогущего господа, вмешательство, которое мне кажется просто невероятным... Не нужно думать, сын мой, — добавил он снисходительно, — что обилия добродетелей и талантов, как у вас, достаточно для того, чтобы вызвать этот столь редкий божеский знак, то чудо, которое является одним из дивных проявлений божества и одной из наиболее прочных статей нашего учения.

— Не думаете ли вы, ваше высокопреосвященство,

что было бы грехом гордыни поверить в чудо в данном случае?

Он спросил об этом с какой-то странной интонацией, так, словно утвердительный ответ облегчил бы его душу. Архиепископ, казалось, был недоволен и снова задумался.

— Я не могу еще высказать окончательного мнения, сын мой, и, говоря со всей откровенностью, я опасаясь это делать. Но вы должны успокоиться. Я чувствую, что вы искренни, а кажущаяся видимость вводила в заблуждение более мудрых людей, чем вы. Даже сами святые иногда бывали в плену галлюцинаций!.. Я полагаю, что нам нужно подождать других свидетельств, кроме вашего и этих двух простых душ, прежде чем предположить — и с какой осторожностью! — возможность прямого вмешательства. Подумайте только, сын мой! От прикосновения ваших рук, в вашей церкви!

— Да, — как эхо, повторил священник. — От прикосновения моих рук, в моей церкви, в наши дни. Именно об этом я и думаю со вчерашнего дня.

— А этот несчастный? Вы мне сказали, что он был не в полном разуме. Не был ли он сам жертвой какой-нибудь галлюцинации? Какого-нибудь приступа безумия?

— Он видит, — сказал аббат Монтуар, — и к нему вернулся рассудок. Сегодня утром я получил от него большое письмо, в котором он говорит о своем счастье и заверяет в своей вечной признательности.

— Как бы там ни было, я вам советую еще раз спокойно и хладнокровно подумать, — заговорил архиепископ после некоторого молчания. — И конечно подождите заключения доктора Фэвра. Когда он снова осмотрит этого молодого человека, вполне возможно, он сам признает, что ошибся в диагнозе. Идите с миром. Я буду молить господа снова даровать вам покой.

Возвратившись от архиепископа, аббат Монтуар подверг строгому анализу свои мысли. Событие уже несколько отошло назад, и он стал сомневаться в своих собственных чувствах. Рассудительные слова архиепископа его немного успокоили. Ему удалось убедить себя,

что он был введен в заблуждение кажущейся видимостью чуда, и словно почувствовал от этого облегчение. Он решил, не откладывая, пойти к доктору Фэвру.

«В конце концов, — думал он, ожидая у двери своего друга, — в основе всего этого лежат физические и материальные причины. Необходимо их тщательно изучить, прежде чем прийти к окончательному заключению».

Едва увидев сутану аббата в зале ожидания, доктор Фэвр бросился к нему, заставил пройти вперед мимо других посетителей и, бормоча какие-то слова извинения, ввел в свой кабинет. Он казался крайне возбужденным. Он не дал своему другу времени объясниться.

— Я ждал тебя с нетерпением! Ты пришел я, полагаю, по поводу Жана Курталя? Его мать вчера вечером привела его ко мне. Это самый поразительный случай, какой я имел возможность видеть за всю мою практику, и я еще не пришел в себя от потрясения, которое испытал. Выслушай меня! Ты, конечно, знаешь, что паука часто ошибается. Я не являюсь одним из ее фанатичных ревнителей. У меня бывали заблуждения, и я каждый раз их признавал. Во многих случаях все, что мы, медики, можем сказать, — это «может быть» или «вероятно».

Доктор помолчал, затем снова начал с некоторой торжественностью:

— Однако в данном случае не было, поверь мне, ни малейшей возможности заблуждения. По выходе Жана Курталя из больницы, где все врачи считали его неизлечимым, я лично занялся им, так как его мать, я говорил тебе, служит в моей семье в течение многих лет и ее отчаяние тронуло меня. Он был обследован мной и некоторыми моими коллегами, самыми крупными специалистами. Никогда ни один случай не был проанализирован с такой добросовестной тщательностью, и все мы пришли к единому мнению: он не мог видеть. Причина была абсолютно материальной. Я не хочу входить сейчас в долгие объяснения — я оставляю их для доклада, который собираюсь пред-

ставить в академию, — он не мог видеть, говорю я тебе! Я сообщил о происшедшем двум моим коллегам. Они тоже взволнованы. Как врачи, мы можем заявить лишь следующее: этому выздоровлению не может быть дано никакого научного объяснения. Я оставляю тебе, священнику, делать выводы. Но этот случай, невозможный в моем понимании, обязывает меня признать сверхъестественное вмешательство и заявить: это чудо...

— О! Чудо! — невольно воскликнул аббат Монтуар.

Он не мог сдержать протеста. В нем еще жили слова архиепископа и возражения его собственного разума. Доктор, который, казалось, все более и более приходил в волнение, не слушал его и с жаром продолжал:

— Это чудо! Ни один здравомыслящий человек не станет отрицать этого! Ты можешь рассчитывать на меня, если тебе понадобится представить самые убедительные доказательства. После события, столь изумительного, я не могу признать ни одну причину, кроме того, кому ты служишь, и другого орудия, кроме могущества веры, которое привлекло его внимание к обездоленному существу.

— Могущества веры, — машинально повторил священник.

— У меня есть много что сказать тебе. Этот чудесный знак был для меня откровением. Я должен признаться, что поистине переродился и испытываю крайнюю необходимость пересмотреть большинство моих взглядов. До сих пор я был тем, кого принято называть человеком свободных взглядов, не атеистом, но скептиком. Никакие доводы не казались мне достаточно убедительными, и я не верил в возможность найти истину в метафизическом мире. Я испытываю необходимость произнести публичное покаяние. Я так взволнован сегодня, что не могу выразить ясно свои мысли; я должен в ближайшее время привести их в порядок. Если ты позволишь, я приду к тебе через несколько дней, и мы подробно поговорим.

Священник смотрел на него с изумлением, не в силах удержаться от чувства зависти. Он пробормотал

слова благодарности. Он смутно понимал, что в этом превращении надо было видеть новое божественное вмешательство, но, будучи во власти мучительного сомнения, не мог воздавать господу хвалу, как это следовало бы делать.

Он отправился домой пешком. По дороге он неустанно снова переживал сцену, не дававшую ему покоя. Он призывал на помощь все средства религии, своего опыта и знаний, пытаясь прийти к такому заключению, которое удовлетворило бы его сердце и ум. Занятия науками приучили его анализировать свои мысли. Еще раз он пересмотрел мельчайшие детали чудесного события и подверг критике все его обстоятельства, снова вспомнив с беспощадной ясностью все сомнения, которые его осквернили.

«Женщина меня умоляла. Я уступил, но с отвращением, из жалости к ней и по собственной слабости. В тот момент, когда я протянул руки и произнес твое святое имя, господь, я просил тебя простить меня за святотатство: Я не могу скрыть от тебя этого. У меня не было веры. Я не верил. Ни секунды я не думал, что ты можешь внять моей мольбе!..

Лицо юноши застыло, как во время молитвы, глаза его были мертвы. Ни малейшего проблеска разума не было в его лице. И вдруг под моими пальцами его веки начали трепетать. И в тот момент, когда я почувствовал, как этот взгляд рождался в ответ на призыв моей неверной молитвы, даже в тот момент я не мог в это поверить. Я, который проповедовал, чтобы убедить скептиков, который пробуждал наиболее глубокие доводы сердца и разума, чтобы зажечь веру в твое бесконечное могущество, я — даже в твоём присутствии — сомневался. И сейчас еще я умоляю тебя: заставь меня почувствовать это чудо, которое не вызвало во мне никакого отзвука».

Аббат Монтуар украдкой вышел из церкви, он был узан толпой калек, поджидавших его, чтобы броситься к нему, умоляя призвать на них милосердие божие.

Три месяца прошло со времени исцеления слепого. Среди населения разнесся слух, что священник делает чудеса. Каждый вечер, какие бы предосторожности аббат Монтуар ни предпринимал, чтобы пройти незамеченным, его неотступно преследовали десятки калек, ожидавших его выхода часами. С каждым днем эта пытка становилась все более мучительной.

Сегодня волнение, испытываемое им при виде всякого молящего калеки, показалось ему невыносимым. Они хватались за его сутану и не отпускали его. Они не довольствовались словами утешения, с которыми он обращался к ним. Их не удовлетворяло обещание молиться за них. Каждый требовал, чтобы священник взял его за руку и привел к подножию алтаря, где проявила себя всемогущая сила. Каждый требовал, чтобы он возложил руки на его страждущее тело, призывая провидение смилостивиться над его несчастьем и сделать его здоровым.

Аббат Монтуар попытался уйти от них: как сможет он, не будучи безбожником, совершить церемонию, которая все время казалась ему преступной пародией? Как осмелится он еще раз подражать священным жестам Христа и самых великих среди божьих избранников? Ему казалось, что границы, отделяющие суеверие от истинной веры, стираются. Разве дерзнет он повторить десять, двадцать раз те религиозные обряды, которые наполняли его ужасом и были осуждены высшей духовной властью?

Архиепископ дал ему понять, что на эти демонстрации смотрят не совсем благосклонно. После заключений доктора Фэвра, подтвержденных его учеными коллегами, после доклада, представленного в академию, в котором все медики доказывали сверхъестественность излечения, скептицизм прелата слегка покачнулся. Он сообщил о необычайном событии в Рим, где, встреченное сначала с недоверием, оно теперь тщательно изучалось. В ожидании папского решения архиепископ держался очень сдержанно.

Аббат Монтуар поднял голову и попытался уйти. Прочтения стали более настойчивыми. Яд сомнения проник еще глубже в его душу.

А если все же бог действительно выбрал его, его, недостойного, чтобы заставить сиять свое величие? Если это было настоящее, подлинное чудо? Как в таком случае отказаться воспроизвести снова ради этих простых и доверчивых душ тот жест и те слова, которые вызвали однажды божественное вмешательство? Уклониться от этого будет самой жалкой неблагодарностью. Не явится ли это отрицанием высшей милости? Не будет ли именно это грехом?

Он сдался и уступил еще раз мольбам слишком невыносимым. Он схватил одного из несчастных, который ходил на костылях. Он притащил его в церковь, бросил к подножию алтаря и возложил руки, произнося горделивые слова. Ничего не последовало за этим. Со времени чуда со слепым сверхъестественная сила больше не выказывала себя. Священник стоял, охваченный стыдом, растерянный, держа руки на больной ноге калеки. Уже другие толкались, чтобы занять его место. Аббат Монтуар совершил обряд над всеми, пропуская их одного за другим.

Чудо, которое он ранее сотворил, не отпускало его от себя и обязывало нести этот крест до конца. На каждую рану, на каждое уродство он возлагал свои руки, как когда-то делал Христос и отцы церкви. Он возненавидел это место у подножия алтаря. При каждом повторении он должен был делать сверхчеловеческие усилия, чтобы не проклинать наивное, безумное доверие этих существ, не упрекать их, как в нелепом самомнении, в этой слепой вере, которая причиняла ему невыносимые муки, извиняться с притворным доброжелательством за то, что чудо — это исключительная милость, не кричать о своем стыде, когда в момент возложения рук он замечал в их глазах пламя бессмысленной надежды, отсылать их с утешениями, когда после предвиденной им неудачи он замечал, как на лицах появлялось выражение отчаяния и злобы.

Ему удалось сдержать до конца свое возмущение. Более двадцати раз он повторил бесполезный жест и произнес напрасные слова. Одна женщина подошла последней. На вид она не страдала никакой болезнью.

Она робко приблизилась и после тысячи недомолвок попросила его умолить бога, чтобы он позволил ей стать матерью. Выставление напоказ подобного недоумогания заставило его вскочить и бежать из храма, едва сдерживая слезы ярости и отчаяния.

Он дошел до своего жилища, проходя по темным улицам, с опущенной головой, опасаясь быть узнанным, что уже случалось не раз, так как энтузиазм его поклонников начинал превращать его в знаменитую личность,

Дома он принялся, как делал это каждый вечер, за изучение доклада доктора Фэвра. Доктор сам принес его в тот день, когда пришел объявить о своем решении стать приверженцем церкви и просить советов у друга, в котором он видел теперь своего духовного наставника.

Аббат Монтуар не почувствовал никакой радости от этого блестящего превращения. Он жадно погрузился тогда в чтение доклада. Он заставил дать тысячу объяснений, не довольствуясь пониманием общего смысла и стремясь постичь точное значение каждого термина. Это его не удовлетворило. Так велико было его мучительное желание внести ясность в душу, так велика была его жажда понимания, что он тайком купил учебники медицины и специальные труды, посвященные органам зрения. Чем дальше он продвигался в своих новых познаниях, чем больше деятельность этих органов становилась ему известной, тем решительнее его разум должен был признать, что научное объяснение излечения невозможно, и тем больше он упорствовал в страстном исследовании, не осмеливаясь признаться себе, что им руководила надежда найти такое объяснение.

В этот вечер разум продиктовал ему научный, неизбежный в его неоспоримой очевидности вывод.

— Нельзя в этом сомневаться, — сказал он громко. — Это — чудо. Я должен в это верить. Нужно, чтобы я в это верил.

Он закрыл книги и принялся размышлять, обхватив голову руками, заставляя себя славить господ

словами, соответствующими безмерности оказанной им милости. Но вскоре он не мог продолжать молитву. Несмотря на все усилия, он искал еще другие объяснения естественного порядка, еще более невероятные, еще более бессмысленные. Его ум был занят теперь теми необычайными сочетаниями атомов, которые современная наука признает теоретически возможными, математика объясняет, но самопроизвольная реализация которых требует столь невероятного случая, что она практически невозможна в нашей вселенной.

Он повторил себе доводы своей собственной проповеди. Проявлением лишь сверхъестественной воли можно объяснить подобный невероятный случай, приравниваемый человеком к чуду. Это говорил он. Сейчас с подобными заявлениями выступили крупные научные авторитеты. Однако исключение было всегда теоретически возможно! Он чувствовал, что его разум теряется в статистических цифрах и законах. Невольно он пытался вспомнить тот чрезвычайно небольшой процент, которым один ученый оценивал вероятность неожиданного синтеза самой простой из клеток.

У него закружилась голова, когда он подумал о миллиарде различных клеток, входящих в зрительный аппарат. Он понял, наконец, смехотворность этой последней надежды. Из всех предположений подобная случайность была самым невероятным. Все области науки фатально приводили к признанию божественного чуда. На кафедре он говорил о так называемом конфликте между религиозным учением и разумом.

Здесь учение и разум были в согласии. С какой бы стороны он ни брался за решение вопроса, он неизбежно приходил к божественной воле. Аббат Монтуар провел рукой по лбу, мокрому от пота, и закончил с трудом тягостную благодарственную молитву. Когда он, так и не обретя душевного спокойствия, собрался лечь спать, ему принесли письмо от архиепископа, приглашавшего его к себе на следующее утро.

Едва он вошел в покои архиепископа, как заметил перемену в отношении к себе окружающих прелата. Во время прежних визитов он видел недоверие, близкое к враждебности, которое странно контрастировало со слепым доверием, оказываемым ему простым народом, и до боли его огорчало. Сегодня же первый викарый бросился ему навстречу, едва объявили о его приходе, и выказал радушие, в котором чувствовалось уважение.

— Я знаю, у его высокопреосвященства есть приятные новости для вас, — сказал оп. — Он хочет вам объявить их лично. Поверьте, я очень рад.

Он не успел продолжить, так как архиепископ уже попросил ввести аббата Монтуара.

Прелат встал ему навстречу, и, когда аббат нижайше преклонил колена, его преосвященство поднял его. Он устремил на него взор, полный восхищения, к которому примешивалось вопрошающее любопытство. Он долго молчал. Казалось, он обдумывал проблему чрезвычайной важности, не в силах решиться задать главный вопрос. Наконец он заговорил, тоже с оттенком почтительности:

— Сын мой, у меня есть замечательная новость для вас. Я знаю, она наполнит вас счастьем, и рад, что первый говорю вам о ней.

Я получил большое письмо из Рима по поводу исцеления Жана Курталя. Ваши заслуги и добродетели рассматриваются в нем с исключительной благосклонностью. Чудесный случай был тщательно исследован высшими авторитетами в вопросах веры. Каждое из обстоятельств было тщательно взвешено, в то время как заключения врачей стали предметом долгого и терпеливого изучения. Вывод нашего святого отца: в этом исцелении налицо все признаки божественного чуда. Он еще не высказался официально — вы знаете, как церковь должна быть осторожна в подобных случаях, — но, судя по тону письма и указаниям, которые оно содержит, вполне вероятно, что он вскоре это сделает. Он поручил мне сказать вам, что взор господ устремлен на вас...

Возрадуемся же, сын мой. Это огромная милость,

которую оказал вам господь. Она, несомненно, заслужена необычайными достоинствами, и ее слава отражится на всех нас, слугах господа.

— Ваше высокопреосвященство... — сказал священник, опустив голову.

Далекий от того, чтобы испытывать огромную радость, он был подавлен, словно это блестящее утверждение, идущее от высшей духовной власти, нанесло ему последний удар.

— Ваше высокопреосвященство, я должен признаться... В тот момент, когда я призывал святое имя, у меня не было веры. Я не признавал возможность его вмешательства!

Архиепископ долго смотрел на него, не выказывая удивления. Он молча размышлял, затем заговорил тоном отеческой власти:

— Пути господа неисповедимы, сын мой. Я буду так же искренен, как и вы. Когда вы объявили мне о происшедшем, я не поверил. Я тоже согрешил недостатком веры. И чтобы еще больше открыть вам мое сердце, скажу, что, будь я на вашем месте, я испытывал бы те же сомнения и колебания. Бог выбрал этот случай, чтобы дать нам обоим урок, показав на одном из чудеснейших примеров силу наивной веры простой женщины и ничтожество нашего звания. Поблагодарим же его вдвойне за милосердие и за это обнаружение себя, подтвержденное нашим святым отцом, открывшим нам глаза, нам, которые сами были слепы.

Священник с минуту стоял молча, в нерешительности, затем бросился плача к ногам архиепископа.

— Но я... я сам еще не убежден, ваше высокопреосвященство! Я все еще сомневаюсь. Увидев своими глазами, дотронувшись своими руками, я не поверил по-настоящему в его присутствие! Когда наука дала мне неопровержимые доказательства, я не поверил науке! Я изучал сам, один. Я дошел до изнурения, пытаясь найти ошибку в рассуждениях и выводах. Не сумев обнаружить ее, я стал сомневаться в своем собственном суждении! Я отрицал ценность ума! И сегодня, ваше высокопреосвященство... О! Какой демон

живет в моей душе? Что я за существо? Что я за священник, более жалкий, чем самый жалкий из безбожников!.. Сегодня, когда мне дано высочайшее подтверждение, когда это чудо возведено в ранг догмы самым представителем Христа, — в это чудо, которое сам я вызвал, которое сам я пережил, я, слуга господ, я, недостойный, я не могу в него поверить!

ИДЕАЛЬНЫЙ РОБОТ

Едва профессор Фонтен появился в огромном конференц-зале, как взгляды всех администраторов сосредоточились на его большом шишковатом черепе, как бы вмещавшем в себе основной капитал Компании.

— Итак? — с тревогой осведомились администраторы Компании.

Глаза старого ученого загорелись победным огнем.

— *Дерика!* — коротко ответил он.

Вздых облегчения пронесся над зеленым сукном стола, и короля науки попросили высказаться.

В самом начале своего возникновения КЭМ (Компания Электронных Мозгов) выпускала скромные счетные машины, производящие элементарные арифметические действия. Затем сфера применения этих приборов невероятно расширилась, а их замысловатое устройство достигло высшей степени совершенства, оставив далеко позади все конкурирующие фирмы. Это произошло в ту пору, когда КЭМ заручилась постоянным сотрудничеством профессора Фонтена, одного из самых квалифицированных и самых восторженных зачинателей молодой науки — кибернетики.

Администрация единогласно назначила ему царское содержание и предоставила лабораторию, оборудованную самой современной научно-исследовательской аппаратурой, и ученый, которого отныне не угнетали материальные заботы, со свойственной ему настойчивостью, смелостью, трезвостью и фантазией всецело ушел в изучение проблемы создания роботов.

Вначале он занялся усовершенствованием старых

вычислительных машин и добился того, что они стали производить с абсолютной точностью и в самый короткий срок массу сложнейших операций с тысячами чисел. В этот героический период, когда его создательные возможности развернулись во всю ширь, ученые вели напряженную борьбу за наивысшие достижения в кибернетике. Ежегодно устраивался конкурс, где присуждали премии лучшим моделям различных фирм. Благодаря изобретательскому гению профессора Фонтена КЭМ всегда побеждала своих конкурентов, и ее приборы ставили рекорды, выражавшиеся в миллионах чисел, получаемых в доли секунды.

По-видимому, для машин профессора Фонтена не существовало теоретических пределов точности вычислений. Совет КЭМ вынужден был установить потолок, выше которого результаты машин ученого становились неприменимыми для практического использования. Когда этот потолок был достигнут, то до него мало-помалу дотянулись и другие компании. Но еще задолго до этого профессор увлекся новым исследованием, теперь уже не с целью усовершенствования старых моделей, а в надежде создать новых роботов, кои могли бы выполнять более тонкие задачи, чем элементарные арифметические действия.

Он получил такие результаты, что КЭМ уже рекламировала свои приборы как «мыслящие», а не просто вычислительные.

Это вызвало бурные и разноречивые толки. Противники утверждали, что самые хитроумные кибернетические приборы всегда будут лишь механизмами, то есть никогда не научатся решать задачи, способ решения которых прямо или косвенно не заложен в их программу. Прибор, говорили они, только комбинирует элементы программных данных до тех пор, пока они не проявятся в новой форме, — иными словами, как результат или решение. Следовательно, речь может идти лишь о «формальных» преобразованиях, а никоим образом не о творческом процессе, аналогичном человеческому мышлению.

На это профессор Фонтен отвечал, что, по сути де-

ла, никакого «творчества» не существует. Этот термин следует *всегда* понимать, как еще не осознанную «комбинацию» или «расстановку» давным-давно известных фактов. По его мнению, во всех процессах человеческого мышления решение проблемы или выведение заключения всегда включает в себя, по крайней мере косвенно, предшествующий опыт. Работа мозга всегда состоит лишь в изменении расположения этих данных, чтобы представить их в новой форме. Следовательно, между человеческим разумом и искусственным электронным мозгом разница лишь в способе перестановки данных, но отнюдь не в иных свойствах. И благодаря систематическому усовершенствованию прибора, говорил профессор Фонтен, от него можно добиться проявления всех тех процессов, которые считаются исключительной прерогативой человеческого мозга.

Для доказательства этого положения он приводил множество примеров из самых различных отраслей человеческой деятельности, часто доходя до абсурдных парадоксов, а иногда даже по-ребячески используя игру слов. Он утверждал, например, что нет никаких различий между первой и второй ступенью обучения, ибо вторая является лишь модифицированной формой первой, так же как в электрическом трансформаторе энергия «вторичного» тока равна энергии первичного, но только в иной форме. Точно так же в высшем образовании он видел третье выражение одних и тех же величин и утверждал, что три воображаемые степени развития разума соответствуют этим трем категориям и разнятся они по своей способности к различным комбинациям непосредственных данных чувственного восприятия. И добавлял:

— Число клеток человеческого мозга точно определено, тогда как число электроцепей в приборе не ограничено. Простой подсчет возможностей показывает, что настанет день, когда прибор освоит более сложные формы подбора, чем те, что осуществляются человеческим мозгом; следовательно, он сможет производить более оригинальные, как вы это называете, «творческие» поиски, превосходящие человеческие возможности.

Приняв этот постулат, ученый перешел к действиям, чтобы, во-первых, получить экспериментальное подтверждение своих теорий, а во-вторых, удовлетворить требование Совета КЭМ.

Его первый робот, более совершенный, чем прежние вычислительные приборы, явился чудом науки и принес профессору большое личное удовлетворение, но не имел особого успеха у клиентуры. Это был «математик», а не просто «вычислитель». Новому прибору при помощи различных кнопок и рукояток задавали основную информацию для математического анализа. Различные электронные цепи комбинировали полученные данные, и прибор как бы углублялся в разнообразные аспекты науки, доводя каждую проблему до конечных выводов, сформулированных величайшими математиками прошлого, вновь открывая самые знаменитые теоремы. Благодаря случайным перестановкам и комбинациям заданных условий, прибор даже излагал неизвестные дотоле теоремы, никогда и никем еще не сформулированные; правильность их была проверена, а *posteriori*¹, но практическое применение обескуражило самых видных специалистов.

Противники ученого утверждали, что так называемые «новые» теоремы существовали всегда и были скрыты в известных аксиомах и основных определениях. И в этом профессор соглашался с ними. Но они добавляли, что математический анализ — это наука формальных преобразований, и для нее достаточно чисто механического мышления. Математический робот никоим образом не являлся для них доказательством того, что можно создать истинно разумный прибор. Профессор только пожимал плечами и продолжал свои исследования.

Поскольку хозяевам ученого требовались модели, которые могли бы на сенсационных демонстрациях заинтересовать широкую публику, он направил всю силу своего изобретательского гения на игру в шахматы.

¹ А *posteriori* — исходя из опыта (латин.).

Этим уже увлекались многие специалисты-кибернетики, добившиеся того, что роботы успешно разыгрывали тщательно подготовленные комбинации, в которых участвовало три-четыре фигуры, производя при этом ряд последовательных, точно выверенных и взаимосвязанных ходов. Но все это, конечно, было детской забавой. Гений профессора Фонтена был направлен на разрешение шахматной проблемы во всей ее полноте.

Ученый вполне допускал, что так называемый автомат Мельцеля был подделкой и что в действительности в манекене скрывался человек. В ту пору состояние науки неизбежно приводило к подобному заключению. Но он категорически отвергал мысль о том, что сам принцип изобретения утопичен и что невозможно создать прибор, способный играть в шахматы. Предварительно обдумывая создание такого прибора, он старался опровергнуть доводы, высказываемые его противниками о невозможности осуществления такой затеи. Он упрекал их в том, что они беспардонно путают понятия «бесконечный» и «бесконечно большой», и обвинял их в неправильном применении первого термина к шахматным комбинациям.

Обращаясь к некоему внутреннему Духу противоречия, который неотступно преследовал его, как он преследует все ученые умы, профессор говорил:

— Возьми шахматную партию в какой-нибудь определенный момент, который назовем исходным. Ход белых. Общее число ходов велико — это я не отрицаю. Но согласись: оно все же ограничено и точно определено. Ты можешь убедиться в этом, беря одну за другой все белые фигуры и пересчитав все клетки, куда каждая из них может попасть по правилам игры. Признайся, что совсем нетрудно придумать прибор, предназначенный для осуществления такой чисто механической операции.

Теперь — ход черных. Поскольку *каждому* ходу белых соответствует *множество* возможных ходов черными, очевидно, что число комбинаций, возникающих после *второго хода*, будет довольно велико. Однако также очевидно, что это число, будучи результатом двух

точно определенных действий само по себе будет *конечным* числом.

Давай рассуждать последовательно и перейдем сразу к *N-ному* ходу. Ты увидишь, что число возможных комбинаций фигур хотя и неимоверно велико (если выразить его в цифровом символе, то он займет несколько страниц), но все же во всех случаях остается строго определенным, и было бы грубой ошибкой утверждать, что этот *N-ный* ход зависит только от воображения или от искусства игрока. Шахматист должен лишь выбрать между огромным числом определенных ходов, и после первого же хода новое расположение фигур будет не чем иным, как выбором из неотвратимо установленных возможностей.

В продолжение этого спора профессор весьма хитроумно расширил значение слова «необходимость».

— До сих пор я рассматривал все комбинации в сочетании с ходами шахматных фигур и размещением их на клетках, — продолжал он. — Теперь представь себе партию между начинающими игроками, делающими лишь элементарные ходы. Ты убедишься, что число возможных ходов уменьшилось из-за стремления обоих игроков избежать явно невыгодных ситуаций: например, когда ферзь преднамеренно ставится под удар или когда король самым случайным образом оставляется без защиты. Ты называешь это «человеческим фактором». А я говорю — и ты должен понять это, — что волю игрока в процессе игры, когда он отказывается от явно невыгодных ходов, характеризующихся небольшим числом определенных положений, можно очень просто заменить эффективным прибором. Необходимость механического порядка заменит импульсы, обусловленные примитивным разумом. Подобный закон автоматически устранит любую комбинацию, вызывающую *незамедлительный* проигрыш.

Понаблюдай, теперь за двумя опытными игроками. У них число выгодных комбинаций гораздо ограничennее в силу того, что ты именуешь уменьем, но это уменье приближает их — я настаиваю на этом — к своего рода механической необходимости, хотя при-

знак этот выражается менее четко, чем в первом случае — тут речь идет о необходимости предотвратить катастрофу в будущем. Неумелый игрок не предвидит эту катастрофу только потому, что его мозг еще не в силах оценить множества положений, и он обнаружит эту потенциальную катастрофу лишь, скажем, на пятом ходу. Но ведь катастрофа эта уже содержалась в потенциале в первых же невыгодных ходах.

Если игроки очень искусны, их выбор будет еще более ограничен — такова необходимость, ибо она основывается на более четком и верном представлении возможных комбинаций в отдаленном будущем. Если ты обратишься к специалисту по шахматам, он скажет, что для него существует лишь небольшое число хороших ходов. Я называю их ходами *возможными* для разряда мастера по шахматам.

По здравому размышлению, — продолжал профессор Фонтен, — я могу утверждать, что сверхмаэстро, или робот, которого я предполагаю сконструировать, должен во всех случаях свести число возможных ходов к одному-единственному ходу — и все это путем автоматического изучения всех возможных комбинаций, вытекающих из какого-либо определенного положения фигур и исключения из игры всех невыгодных ходов. Я предполагаю создать такого робота, который, получив информацию в виде определенного расположения фигур, разрешил бы проблему: определить и сделать единственно *правильный* ход, то есть такой, который не заключал бы в себе никакой потенциальной опасности проигрыша.

Эта теория привела ученого к потрясающим результатам. Он сконструировал робота, который действительно всегда выигрывал, неотвратимо побеждая любых противников. Но успех ученого воодушевил исследователей конкурирующих фирм. Один из них, разработав те же принципы, создал другой, не менее замысловатый автомат, который тоже не совершал ни единой ошибки и неизбежно отвечал на *правильный* ход таким же *правильным* ходом. Тогда все поняли, что любые шахматные партии сводятся к одной-единственной *идеальной* партии, всегда идентичной самой

себе, приводящей в силу единственно возможного процесса развития к нулевому счету. Интерес к этой забаве значительно остыл. Увлечение электронными шахматистами прошло. Профессор Фонтен снова погрузился в исследования, чтобы создать нечто новое.

Противники ученого называли роботов-шахматистов механизмами.

— Да, это механизмы, — откровенно признался их творец, — но ведь все человеческое механично. Например, речь.

И, не обращая внимания ни на шутки по поводу его намерений, ни на песенки, прославляющие появление робота-писателя, он ушел с головой в свои планы, как всегда обсуждая их со своим внутренним Духом противоречия.

— В настоящее время еще рано помышлять о приборе, способном сочинить рассказ, — говорил ученый, — хотя не следует отвергать эту возможность в будущем... Пока ограничимся короткими фразами.

Изобрести прибор, произносящий отдельные слова, не так уж трудно. Слова являются простой комбинацией конечного числа гласных и согласных, и их синтез можно свести к чисто механической операции, начиная с исходной буквы. Представь себе робота, который получил в качестве информации огромное число сочетаний гласных и согласных. Конечно, глупо было бы воображать, что можно создать какое-то устройство, автоматически исключающее все недопустимые комбинации букв. Но представь себе, что случайно первая электронная цепь берет за основу букву «В». Затем начинает действовать вторая цепь, которая предлагает второй буквой «В». Комбинация «ВВ» в начале слова недопустима. Мой прибор отвергает ее, а как только «В» будет отклонено, механизм станет последовательно предлагать другие буквы — и до тех пор, пока одна из них не окажется приемлемой. Но если предложено «А» — оно будет принято, и тогда образуется, допустим, комбинация «ба». Другие цепи дадут третью букву и так далее. За основу берется случайность; наугад, без участия человеческого разума, ро-

бот скомпонует сочетание букв, обязательно соответствующее какому-нибудь существующему слову, начинающемуся с «ба», например — «баран». Когда такая комбинация будет «найдена», тогда — и только тогда — мой прибор автоматически прекратит поиски.

Также нетрудно представить себе специализированные блоки для образования имен существительных, прилагательных, глаголов и т. д. в единственном и множественном числе и в различных глагольных временах. Затем можно вообразить себе второй этап, на котором будет происходить первичное сопоставление. Если будет выбрано существительное «баран», очевидно, робот сумеет скомбинировать это слово грамматически с подходящим прилагательным, иначе говоря — выбрать нужное из таких словосочетаний, как «жидкий баран», «туманный баран» или «белый баран», исключая те, что нарушают строгие правила соответствия грамматического рода и числа, как, например, «лучезарная баран» или «белые баран». Пока мы еще не сталкивались с какими-либо трудностями в этом отношении...

— «Жидкий баран» — бессмысленное словосочетание, — прервал профессора Дух противоречия.

— Дай же мне закончить! Все в свое время... Мы не предвидим особых осложнений и на следующем этапе: при образовании законченной простейшей фразы по всем правилам синтаксиса. Эти правила точно определены, так что машина сумеет принять их так же, как человеческий мозг, а может быть, и еще лучше. Так мы добьемся образования некоторого количества грамматически и синтаксически правильных фраз, вроде «жидкий баран летает в заостренном небе» или же «белый баран ест траву»...

— Вот тут-то я тебя и поймал! — обрадовался Дух противоречия. — Большинство твоих фраз, как ты говоришь, грамматически и синтаксически правильных, будут бессмысленны!

— Они будут безупречны с точки зрения формы. Это основной пункт, с которым тебе придется согласиться. Среди них найдутся и логически правильные фразы, и тогда нам придется лишь произвести новый

отбор. Здесь-то и начнет действовать моя теория «первичных истин».

— Это еще что такое?

— Следи внимательно за ходом моих мыслей. Эта проблема того же порядка, что и игра в шахматы, хотя несколько более сложная. Тут задача состоит в том, чтобы исключить все словосочетания, лишённые смысла. Может, ты думаешь, что это превышает возможности прибора? Ничего подобного! Любое значение — не что иное, как преобразование первоначального значения. Самое условие задания заключается всего лишь в перестановке элементов осознанной первичной предпосылки. Развивая это положение, мы шаг за шагом подходим к очевидности или к тому, что я назвал первичной истиной. Число таких констатаций ограничено, и при помощи электроники их вполне можно сочетать с селекционными элементами прибора, который, произведя необходимые перестановки, неминуемо исключит в представленных ему словосочетаниях все, что как-нибудь нарушает эти очевидности или даже хотя бы просто не сочетается с ними. Выданы будут только действительно осмысленные фразы. Я утверждаю, что человеческий мозг, когда ему надо выразить какую-нибудь мысль, работает только по такой схеме.

И профессор создал такой прибор. Конструкция селектора значения поначалу была очень сложной, но по мере того как подвигалась разработка первичных истин, оказалось, что число их значительно меньше, чем можно было ожидать. При наличии соответствующей классификации все они сводились к нескольким основным аксиомам, таким, например, как «*А есть А*» или же «*А не есть не-А*» и к небольшому количеству непосредственных смысловых восприятий. Исходя из одних этих данных и их комбинаций, робот мог выявить все бессмысленные словосочетания. Таким образом, исключались фразы, подобные «*жидкий баран летает в заостренном небе*» или «*белый баран ест телятину*». Причем частичные комбинации, вроде «*жидкий баран*» или «*заостренное небо*» отбрасывались предварительным селектором. А глагол «*ле-*

тает» или странное дополнение «*телятина*» отвергались контрольным блоком до тех пор, пока не появлялась комбинация типа «*белый баран бродит под голубым небом*» или «*белый баран ест траву*», совместимая со всеми первичными истинами.

Методичный ученый потратил несколько лет на усовершенствование своего электронного писателя.

— Прогресс в этой области, — объяснял он, — заключается в том, чтобы получить такие выражения, которые, хотя и являются преобразованиями первичных истин, тщательно маскируют это либо сложностью, либо оригинальностью формы, и только при продолжительной расшифровке можно установить их происхождение.

Вот так, начав с положений, подобных «*белый баран бел*», а потом получив в качестве задания фразу, переведенную на различные языки, «*Ego sum qui sum*»¹, робот-писатель мало-помалу усложнил фразы и дошел до таких предложений, как «*Ex nihilo nihil fuit*»², «*Кошка ест мышку*», «*А все-таки она вертится!*», «*Мыслью — значит, существую*». И наконец, в один прекрасный день, ставший для профессора Фонтена днем победы, прибор выдал «*To be or not to be, that is question!..*»³

Конкурентам ученого тоже удалось сконструировать роботов-писателей, и, так как КЭМ стремилась во что бы то ни стало быть во главе всех достижений, профессор Фонтен попытался воспроизвести чисто механически и другие стороны человеческой деятельности.

Поскольку кровообращение, дыхание, питание и пищеварение давно уже имитировалось аппаратами, профессор пошел дальше. Созданные им автоматы — мужского и женского пола — были размещены произвольно. Некоторое время они передвигались без види-

¹ Ego sum qui sum — я есть то, что я есть (латин.).

² Ex nihilo nihil fuit — из ничего ничего не будет (латин.).

³ To be or not to be, that is the question!.. — Быть или не быть — вот в чем вопрос!.. (Начало монолога Гамлета из трагедии В. Шекспира «Гамлет») (англ.).

мой цели, а затем их словно притягивало друг к другу магнетической силой.

По замыслу профессора Фонтена это последнее его достижение должно было в конце концов выработать у автоматов «чувство». Но главное, они подали ему идею нового прибора, которому суждено было обозначить один из важнейших этапов развития кибернетики, начисто разбив возражения постоянных научных противников Фонтена.

— В мире нет ничего подобного вашим приборам, — говорили они ему, — но все они лишь доказательство *вашего* изобретательского гения, *вашей* учености. Все качества роботов обусловлены *вами*, их создателем. Поэтому мы смело утверждаем, что эти приборы всего лишь свидетельство разума человека.

Тогда профессор задумал создать такого робота, который мог бы сам порождать роботов. Он преуспел и в этом — впрочем, как и во всем, что замыслил ранее. Опираясь на предыдущее изобретение, он сконструировал машину, в недрах которой возникала клетка, постепенно росла, размножалась, следуя механическим процессам развития, превращалась в эмбрион робота, и, наконец, на свет появлялась такая же машина, как те, что ее породили.

Проверив на практике свое новое достижение, профессор разразился победным кличем. Но его противники все-таки не сдавались. Они заявили:

— Хорошо. Но ведь создатель этой механической матки все же вы — человек.

Тогда ученый, дабы выиграть время и избежать лишних споров, сразу же создал робота, способного продолжать свой род до бесконечности. Затем на совещании, получившем широкую огласку, он блистательно доказал, что любое создание этой серии точно эквивалентно бесконечному ряду будущих созданий и что сам он отныне может выключиться из работы, и следовательно, дух созидания можно будет приписать роботу, рассматриваемому как некое вечное существо.

Его хулители не могли противопоставить ничего вразумительного подобным доказательствам. Однако

они не смирились со своим поражением и обратились к сфере непостижимого. Покачивая головой, они упорно твердили:

— Как хотите, а все же ваши роботы не люди. У них нет чего-то такого, что невозможно определить, но отсутствие чего ясно ощущается...

И тут профессор Фонтен разволновался, а затем погрузился в раздумье. Его внутренний Дух противоречия, который никогда еще не был так силен, как теперь, тоже неустанно повторял ему:

— Они правы. Твои роботы не люди. Чего-то у них не хватает, какого-то неуловимого качества...

И он снова лихорадочно принялся за работу и на предельном напряжении сумел создать такой механизм, чьи последующие поколения уже «прогрессировали». Эта эволюция, происходившая по строго определенному плану, была медленная, но все же заметная из-за невероятной быстроты размножения роботов. Так ученый получил в эксперименте роботов-птиц из роботов-рыб и роботов-людей из роботов-приматов. И все это без собственного участия, кроме первичной настройки. Он пошел еще дальше: на основе роботов-людей, комбинируя различным образом их органы, он породил два типа, развивающихся совершенно явно в двух направлениях — к Добру и Злу.

Осуществив это чудо, профессор еще раз обратился к внутреннему Духу противоречия.

— Нет, ты еще не достиг цели, — ответил тот.

И тогда только гений профессора Фонтена развернулся во всей своей силе. В течение нескольких лет он трудился до полного изнеможения, тщетно пытаясь сделать еще один шаг вперед и стереть ту тончайшую грань, которая (теперь он сам в этом убедился) отличала его приборы от человеческих существ. Совет КЭМ уж начал тревожиться, что из некогда плодотворной лаборатории ученого давно не появляется никаких чудес, а кое-кто из его противников стал поговаривать о том, что он слишком стар для такой ответственной работы.

Но, наконец, профессор Фонтен прервал свое молчание, заявив, что он должен огласить сообщение пер-

востепенной важности. Совет КЭМ назначил день совещания.

— *Эврика!* — снова заявил ученый.

— И что дальше? — запыхтели администраторы.

— Нашел! — перевел ученый.

— Что именно? — спросили администраторы.

— Идеальный прибор. Человеческую машину. Решение было тут же, прямо под носом. Оно под силу первому встречному невежде, а я как-то не заметил его.

— И что дальше? — настаивали администраторы.

— Слушайте, господа! — сказал великий деятель науки, сам потрясенный своим открытием. — Больше никто не сможет опорочить моих роботов. Наконец-то я добился успеха, венчающего целую жизнь, проведенную мною в упорном труде и раздумьях. Сейчас вам будет представлено реальное доказательство моих теоретических выкладок. Теперь мой прибор действует, как живое существо. Он думает, как человек, и разум его похож на наш. Это качество в латентном состоянии уже имелось во всех моих прежних изобретениях. И не хватало лишь ничтожнейшей детали, слишком простой — потому-то она и ускользала от меня, — чтобы придать моим роботам этот неуловимый признак. Для этого надо было...

— Надо было — что? — рывкнули администраторы.

— Надо было, господа, их *испортить!* — победоносно заявил король науки.

— Испортить? — вскричали администраторы в полном разочаровании, решив, что великий человек потерял рассудок.

— Да, испортить! — с силой повторил профессор Фонтен. — Именно так я и сделал. Я их *разладил*. Понимаете? Теперь мои вычислительные приборы могут ошибаться. Они уже не всегда дают точный результат. Ясно ли это вам? Они *путают* и лишь случайно дают правильные решения.

На долгие минуты в зале воцарилось презрительное молчание. Потом, поразмыслив, администраторы

попросили ученого показать эти машины. Профессор Фонтен выполнил пожелание своих хозяев. Сначала он представил вычислительные механизмы, и Совет убедился, что они давали ложные результаты. От этого зрелища у некоторых наиболее чувствительных администраторов начались нервные спазмы.

Но когда ученый продемонстрировал другие модели, усовершенствованные им по тому же принципу, всех охватил восторг, дошедший до неистовства. Так что когда последний робот проявил все заложенные в него изумительные «человеческие» качества, администраторам стало стыдно, что поначалу они усомнились в своем ученом. Рыдая, они просили у него прощения и единодушно выделили ему средства, необходимые для серийного производства идеальных роботов.

Теперь робот-математик путался в лабиринте противоречий и лишь изредка находил верное решение. Шахматист проигрывал большую часть партий. Развивающиеся особи не могли найти правильный путь развития, и невозможно было определить, склоняются они к Добру или к Злу.

Что же касается электронного писателя, достаточно было ликвидировать его механизм, основанный на первичных истинах, то есть селектор значимости, как робот сразу же получил полную возможность выдавать такие фразы, как *«жидкий баран летает в заостренном небе»* или *«белый баран ест телятину»*. И перед такими доказательствами даже самые ярые противники ученого вынуждены были сдаться, признав, наконец, что ему удалось добиться у роботов тех человеческих качеств, которых им до сих пор не хватало: артистизма и чувства юмора.

ПЬЕР БУЛЬ,

известный французский писатель, автор романа «Мост через реку Квай», родился в Авиньоне в 1912 году, там же окончил лицей. Высшее образование получил в Париже — окончил Высшую электротехническую школу. В 1936 году уехал работать в Малайю. Затем служил во французской армии в Индокитае. Позднее участвовал в движении Сопротивления, сражался против японцев в Бирме, Китае и Индокитае, попал в плен. В 1944 году ему удалось бежать из плена. Он возвратился во Францию. Последнее время живет в Париже. За роман «Мост через реку Квай» в 1952 году ему была присуждена премия Сент-Бёва. Сборник «Абсурдные сказки» получил Эвиановскую премию. Известны романы Пьера Буля: «Ремесло господ бога», «Палач», «Испытание белых людей», «Фотограф».

Содержание

Обезьяны среди нас. Предисловие Э. Араб-Оглы — 5

Планета обезьян, роман.

Перевод с французского Ф. Мендельсона — 25

Рассказы:

Чудо.

Перевод с французского Е. Ксенофонтовой — 197

Идеальный робот.

Перевод с французского В. Финикова — 223

Булль, Пьер

ПЛАНЕТА ОБЕЗЬЯН

Роман. РАССКАЗЫ. Перевод с французского. М., «Молодая гвардия», 1967. (Б-ка современной фантастики в 15 т., т. 13.)

И(фр)

Редактор *Б. Клюева*. Художественный редактор *А. Степанова*. Технический редактор *И. Егорова*.

Сдано в набор 12/IX 1967 г.

Подписано к печати 28/XII

1967 г. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага типографская № 1.

Печ. л. 7,5 (усл. 12,6),

Уч.-изд. л. 11,5. Тираж

215 000 экз. Цена 79 коп.

Зак. 1920. Типография

изд-ва ЦК ВЛКСМ

«Молодая гвардия». Моск-

ва, А-30, Сущевская, 21.

40 коп.

МОСКОВСКИЙ